

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2023. № 1 (22)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещается на платформе публикации Readera

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Нургали Кадиша Рустембеккызы, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali Kadisha Rustembekkyzy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковка-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsetovna N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

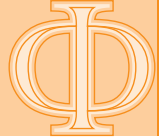
Актуальные проблемы современного языкознания

- А.Д. Васильев**
О ВЕРБАЛЬНОЙ КОРРЕКЦИИ КАРТИНЫ МИРА
A.D. Vasilyev
ON VERBAL CORRECTION OF WORLD PICTURE
[4]
- И.В. Архипова**
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИМАРНОГО ТАКСИСА
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
I.V. Arkhipova
ACTUALISATION OF PRIMARY TAXIS
IN MODERN GERMAN
[14]
- Е.В. Добровольская**
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ
E.V. Dobrovolskaya
LEXICAL AND GRAMMATICAL INTERPRETATION
OF BUSINESS COMMUNICATION BILINGUAL DICTIONARY
[24]
- И.В. Евсева, М. Чжао**
ЛАКУНЫ И ИХ ТИПЫ
В ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ
I.V. Evseeva, M. Zhao
LACUNAE AND THEIR TYPES
IN A LEXICO-DERIVATIONAL NEST
[35]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Диалоги с классикой в поэзии и прозе современности

- Р.В. Любарский**
ДИАЛОГ С РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ
В ПОЭЗИИ О.Г. ПАРАМОНОВА
R.V. Lyubarsky
DIALOGUE WITH RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE
IN THE POETRY OF O.G. PARAMONOV
[50]
- Ю.М. Брюханова**
ИНСЦЕНИРОВКА РОМАНА «ДОКТОР ЖИВАГО»:
ОПЫТ ЧТЕНИЯ В.П. ГУРКИНА
Yu.M. Bryukhanova
DRAMATIZATION OF THE NOVEL DOCTOR ZHIVAGO:
VLADIMIR GURKIN'S READING EXPERIENCE
[66]
- Н.С. Цветова**
ВИЛЬ ЛИПАТОВ: ДВИЖЕНИЕ ПО ВЕРТИКАЛИ
(К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПИСАТЕЛЯ)
N.S. Tsvetova
VIL LIPATOV: VERTICAL MOVEMENT
(TO THE PROBLEM OF CREATIVE EVOLUTION OF A WRITER)
[81]
- В.И. Черота**
ДАНТОВСКИЕ ИМПУЛЬСЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЭТА МАКСИМА ТАНКА
V.I. Charota
DANTEAN IMPULSES
IN THE WORKS OF THE BELARUSIAN POET MAKSIM TANK
[95]
- СЛОВО МОЛОДЫМ**
- В.В. Ингул**
ЯВЛЕНИЕ АГНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
V.V. Ingul
THE PHENOMENON OF AGNONYMY IN MODERN RUSSIAN
[106]
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
[120]

УДК 81.114.4

О ВЕРБАЛЬНОЙ КОРРЕКЦИИ КАРТИНЫ МИРА

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Лексика представляет собой уровень языка, непосредственно связанный с окружающей человека действительностью и его внутренним миром. Активизация использования определенных лексем способна повлиять на сознание носителя языка и программировать его поведение в различных ситуациях. Заблаговременная подготовка адресата к необходимому действию проявляется в коррекции языковой картины мира, что позволяет достигать целей информационно-психологической войны: подмены традиционных аксиологических ориентиров другими, выгодными манипуляторам.

Цель данной статьи – анализ употребления в российских средствах массовой информации существительного *коллаборационист* и эволюция аксиологических ориентиров, формируемых современными СМИ.

Методами данного исследования являются семантический, стилистический и контекстуальный анализ лексем. Особая роль при этом отводится анализу общественно-политического лексикона, призванного словесно воплощать компоненты универсальной семиотической оппозиции 'сакральный'/'профанный' (в иных модификациях также 'свой'/'чужой', 'хороший'/'плохой' и т.п.). В этой сфере деятельности требуются четкие формулировки для распознавания участников противоборствующих сторон и внедрения соответствующих словесных ярлыков в общественное мнение.

Анализ и результаты исследования. Известны случаи не критичного отношения к реалиям прошлого, экстраполируемого на настоящее. Это происходит и за счет смены лексических обозначений исторических событий и их участников. Слово *коллаборационист* ранее применялось только по отношению к гражданам европейских государств, сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами во время Второй мировой войны. Сегодня оно явно вытеснило из оборота обозначения *предатель* и *изменник Родины*, ранее бывшие привычными названиями советских граждан, сотрудничавших с фашистами.

Заключение. Подобные подмены сегодня чрезвычайно распространены в российских публичных речевых актах. Данный пример – один из многих случаев трансформации универсальной оппозиции 'сакральный'/'профанный' (также 'свой'/'чужой', 'хороший'/'плохой' и т.п.), а точнее – реполяризации ее словесных экспликаций в массовом сознании.

Ключевые слова: *коррекция картины мира, вербальные манипуляции, общественно-политическая лексика, универсальные семиотические оппозиции, средства массовой информации, заимствования, эвфемизмы, коллаборационист.*

Постановка проблемы. Лексика представляет собою уровень языка, непосредственно связанный с действительностью. Явления реальности, окружающей человека, и его внутренний мир находят воплощения в словах, а они, в свою очередь, зачастую становятся определяющими ментальные черты и особенности поведения носителей языка. Лексика наиболее подвержена воздействию экстралингвистических факторов и потому выступает в роли эффективного инструментария для манипуляций сознанием.

Словесные ярлыки могут быть наклеены на семантический вакуум (ср. *сенаторы* и *губернаторы* при отсутствии *сената* и *губерний*) или называть нечто не только не соответствующее, но даже и противоположное именуемому (например, *эффективные собственники*, возникшие в результате смутных залоговых аукционов, но постоянно обращающиеся за государственной поддержкой) и т.п.

Эволюции частотности многих лексем получают импульсы в виде политических процессов. Так, в ходе афганской войны противников советских войск сначала называли *бандитами*, потом – *мятежниками*, а затем – совершенно уже невнятными *душманами* и *моджахедами*.

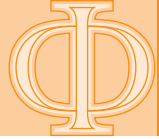
И наиболее благодатным материалом для пропагандистских операций оказываются именно заимствования. Их внутренняя форма недоступна восприятию носителя языка-реципиента. А ведь «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 115] (см. об этом также [Кара-Мурза, 2002, с. 92; Васильев, 2022]).

Обзор литературы. При этом слова допустимо рассматривать как «представителей высказывания, мировоззрения, точки зрения и т.п.» [Бахтин, 1986б, с. 316]. Но именно поэтому определенные лексические единицы способны выступать в «функции носителей скрытой угрозы <...>. Можно, используя слово, заставить человека <...> самостоятельно сгенерировать нужную программу, которая послушно будет ждать своего часа активизации» [Расторгуев, 2003, с. 243]. Иначе говоря, слово-стимул (слово-сигнал) с сопутствующими ему коннотациями, отложившись в памяти адресата, в какой-то момент обязательно сыграет предписанную ему роль детонатора, обеспечив поведение индивидуума и какой-то части социума в направлении, предусмотренном вербальной суггестией.

Следует иметь в виду, что, сколько бы ни говорили об отсутствии идеологии и как бы тщательно ее ни маскировали (обоснованно предполагая отторжение значительным числом сограждан), она, конечно же, существует в любом государстве и реализуется, как обычно, прежде всего средствами языка. «Всякий язык выполняет ту или иную идеологическую функцию» [Герд, 2009, с. 2]. Задача исследователя – определить конкретные лексико-фразеологические средства реализации этой функции.

Обычно такие слова появляются первоначально в публичных высказываниях речедееателей, обладающих высоким должностным статусом и, соответственно, имеющих широкие властные полномочия. «Слова языка ничьи <...>, но везде есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п.» [Бахтин, 1986а, с. 282–283]. Будучи растиражированы средствами массовой информации, такие слова и словосочетания входят в активный оборот, участвуя в формировании или трансформации картины мира в сознании носителей языка.

Цель данной статьи – анализ употребления в российских средствах массовой информации существительного *коллаборационист*.

Методами данного исследования являются семантический, стилистический и контекстуальный анализ лексем.

Информативны в этом отношении публичные речевые акты В.В. Путина [Васильев, 2018]. Причем значимыми для исследования оказываются не только целые текстовые массивы, но и их фрагменты, в том числе отдельные слова и словосочетания. Они вполне способны выступать как некие камертоны умонастроений общества либо предлагаемые в качестве таковых.

В качестве примера приведем высказывание президента на Всероссийском открытом уроке с афористично-программным названием «Помнить – значит знать» 1 сентября 2020 г. (в режиме видеоконференции). Было, в частности, сказано: «...кому-то показалось, что после “холодной войны” они оказались победителями <...>, полагают, что можно и нужно поменять порядок, возникший после Второй мировой войны. Поэтому <...> нужно немножко переделать, переписать то, что было в истории на самом деле. Тех людей, которые во время войны сотрудничают с врагом, их, как известно <...> называют и называли всегда и везде *коллорационистами*. Тех, кто сегодня соглашается с инициаторами переписи истории, вполне можно назвать *коллорационистами* сегодняшнего дня»¹ (разрядка наша. – А.В.).

Действительно, существительные *коллорационизм* и *коллорационист* заметно активизируются в употреблении в связи с некоторыми событиями Второй мировой. Однако нелишним было бы установить, насколько повсеместным и общепринятым в отечественной практике было применение этих слов, а также и по отношению к каким денотатам.

Если привлечь в качестве источника авторитетное советское издание «Всемирная история» (т. X, 1965), то нетрудно убедиться, что слова *коллорационизм* и *коллорационист* именуют явления и лиц, в них участвовавших, имевших место в Западной Европе, не без удовольствия принявшей гитлеровский *Ordnung*. Приведем примеры (далее указаны только страницы цитируемого издания):

«Для укрепления своего господства гитлеровцы насаждали в оккупированных ими странах Европы так называемый *коллорационизм*, т.е. сотрудничество представителей местных эксплуататорских классов с оккупационными властями в ущерб интересам нации <...>. Ее [чешской крупной буржуазии] представители <...> и другие *коллорационисты* входили в состав марионеточных правительств» (с. 57–58). – «Надежды гитлеровцев на переход [Норвегии] к *коллорационизму* начинают оправдываться <...>. Лидер социалистической партии [Бельгии] присоединился к *коллорационистам*» (с. 60–61). – «В оккупированных странах *коллорационисты* подрывали национальное единство» (с. 66). – «Социал-демократы [в Норвегии] медленно изживали настроения *коллорационизма*» (с. 70). – «...Наносить удары [во Франции] оккупантам и *коллорационистам*» (с. 72). – «...В оккупированных фашистами странах движение Сопротивления <...> постепенно приобретало характер общенационального демократического движения, направленного не только против оккупантов, но и против их

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63983>

ставленников – *коллаборационистов* <...>... Борьба против захватчиков и *коллаборационистов* <...> имела и социальную направленность» (с. 607–608).

О бывших же советских гражданах, перешедших на службу к оккупантам, сообщается следующее: «...Захватчики [в 1942–1943 гг.] стали активнее сколачивать враждебные Советской власти силы. При помощи сдавшегося в плен *изменника* генерала Власова они создали вооруженные отряды <...>. Большинство таких отрядов <...> формировалось из военнопленных при помощи шантажа, запугивания, принуждения <...>. Те, кто из ненависти к Советской власти и советскому народу обагрили свои руки кровью невинных людей...» (с. 243). – «Мелкими подачками оккупанты привлекали к себе на службу неустойчивых, слабовольных людей и уголовных преступников. Во многих преступлениях <...> на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии участвовали буржуазные *националисты*. Ненавидя Советскую власть, они *изменили* своей Родине <...>. Однако и эти *предатели* не пользовались полным доверием фашистского руководства» (с. 150). – «Советские войска взяли в плен <...> большую группу *власовцев* вместе с *изменником* Родины Власовым» (с. 475).

Конечно же, необходимо учитывать, что цитируемый источник (как, впрочем, и любой другой) является продуктом эпохи его создания. Поэтому приоритеты здесь логично отданы классовым интересам противоборствующих сторон, и, поскольку текст сдан в набор 12 сентября 1964 г., содержится критика «незаконных решений» и проч. И.В. Сталина (с. 423). И о количестве перешедших на сторону врага здесь не сообщается. Однако отметим главное в связи с характером употребления интересующих нас слов. Во-первых, существительные *коллаборационизм* и *коллаборационист* используются как своего рода экзотизмы: они применяются по отношению только к зарубежным событиям и их участникам. Во-вторых, для именования типологически подобных процессов и их деятелей на частично оккупированной территории СССР используются прежде всего исконно русские слова с отчетливой негативной коннотацией: *изменники*, *предатели*: первое из них выступало к тому же в роли юридического термина.

Довольно очевидно, что среди тех советских граждан, которые служили оккупантам во время Великой Отечественной войны, фигурируют люди, оказавшиеся в этом малопочтенном статусе по разным причинам: и из личных обид на советскую власть, и по идейным соображениям, и в поисках материальной выгоды, и вследствие своих криминальных наклонностей, и др. Если пытаться предпринять четкую классификацию таких персонажей, то строго юридически *изменниками* следует именовать всех тех, чьи поступки могут быть квалифицированы в соответствии с законодательством того времени. Ср.: «Статья 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» [Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, 1937, с. 32]. – «Особенная часть. Глава первая².

² Введена в действие в 1927 г.

Преступления государственные. 1. Контрреволюционные преступления. <...> 58^{1а}. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества <...>. 58^{1б}. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества» [Уголовный кодекс РСФСР, 1950, с. 35–36].

По поводу семантики слов *коллорационизм* и *коллорационист* советская лексикография сообщает: «**коллорационист** [*фр. collaboration сотрудничество, совместные действия*] – изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с гитлеровскими фашистскими захватчиками в оккупированных ими странах во время мировой войны 1939–1945 гг.» [СИС, 1954, с. 331], (то же – в [СИС, 1979, с. 240]); «**коллорационизм** – предательское сотрудничество коллорационистов с оккупантами»; «**коллорационист** – изменник, сотрудничавший с фашистскими оккупантами в странах Западной Европы, оккупированных ими во время второй мировой войны» [МАС₂, т. 2, 1982, с. 73]; т.е. эти слова представлены как некие экзотизмы. Если судить по некоторым словарям послесоветского периода, то оказывается, что существительное *коллорационист* стало выполнять (видимо, в духе толерантности, выражаемой с помощью политкорректных, то есть оценочно приглушенных слов) функцию некоего смягчающего обозначения малосимпатичного индивидуума, например: «**коллорационист** – **вм.** предатель. Иноязычный эвфемизм французского происхождения *collaboration* – сотрудничество, совместные действия» [Сеничкина, 2008, с. 157].

Слово *коллорационист* явно утвердилось в текстах СМИ прежде всего для именованя жителей бывших советских республик, поступивших на службу к фашистским оккупантам, ср.: «Исполнителями чудовищных преступлений против советского народа были не только немцы, но и *коллорационисты* 615-го “Украинского батальона”, члены которого превосходили по жестокости даже самих захватчиков»³. – «В Эстонии <...> состоялась очередная сходка легионеров «Ваффен-СС» в Синимяэ, проведены <...> “исторические реконструкции” действий *коллорационистов*...»⁴. – «...Израиль поддерживает именно российский нарратив победы во Второй мировой войне и органически не приемлет героизацию *коллорационистов*»⁵. «Герои на Украине сейчас – это украинские *коллорационисты*, которые сотнями тысяч уничтожали русских, евреев, поляков»⁶. – «...Киев ужесточил политику дерусификации и борьбу с историей, чувствуя и героизируя гитлеровских *коллорационистов* и карателей»⁷.

³ Аргументы и факты – Брянск. 29.12.2022.

⁴ М. Захарова. Известия. 12.08.2022.

⁵ Блокнот. 30.12.2022.

⁶ Депутат Госдумы РФ Р. Терюшков. Спорт 24. 08.01.2023.

⁷ Федерал Пресс. 07.01.2023.

Можно заметить, что существительное *коллаборационист* изредка употребляется применительно к участникам событий прошлого вместо ранее известного для квалификации подобных деятелей слов *изменник* или *предатель* либо наряду с ними. Например: «Русский город Киев имел несколько этапов оккупации <...>. Были, естественно [!], и *предатели, коллаборационисты*. Типа Зеленского, Мазепы, Бандеры»⁸. Трудно сказать, что именно предопределило именно такое использование слов: то ли речедеятель хотел уточнить смысл своего высказывания, то ли с некоторым запозданием вспомнил о новомодном эвфемизме.

Некоторые авторы, кажется, склонны симпатизировать подобным персонажам (это заметно по манере употребления кавычек в следующей цитате: «Но с 1917 года по конец восьмидесятых термин эмиграция имел негативную коннотацию. Эмигрировали “контрреволюционеры”, разного рода “враги народа”, предатели, *коллаборационисты*. В качестве измены первому в мире государству рабочих и крестьян рассматривалось уже само желание покинуть родину социализма и переместиться в капиталистический мир»)⁹.

Существительное *коллаборационист* присутствует и в лексиконе противника: «Когда в тридцатых годах появился Степан Бандера <...>, именно его сторонники убили тогда польского министра внутренних дел, убивали в том числе и украинцев, которых националисты считали *коллаборационистами*, сотрудничавшими с поляками».¹⁰ Заметим, что сегодня представители украинских властей в том же значении используют слово *коллаборант*: «Украинский мэр Изюма рассказал, что в городе будут проводиться фильтрационные мероприятия по поиску “*коллаборантов*” <...>. “Будут выискивать *коллаборантов*”. По его словам, <...> возвращения жителей города он ожидает после того, как в городе обнаружат всех “*коллаборантов*” – тех жителей города, которые сотрудничали с российскими военными или с назначенной Россией гражданской администрацией»¹¹.

Известны также и случаи применения слова *коллаборационист* применительно к скрытым противникам СВО и пособникам врага: «...Бывает еще хуже – когда враг не возится со взрывными устройствами сам, а сидит в чиновничьем кресле и занимается саботажем и мародерством, имея при этом связи и деньги <...>. В конечном итоге цель расследований журналиста и чекиста одна: сделать нашу Державу сильнее, избавить ее от мздоимцев, казнокрадов, *коллаборационистов* и прочей нечисти»¹².

Таким образом, активно внедряемое в широкий оборот существительное *коллаборационист* выступает в функции некоего гиперонима (см. [Колесов, 2004, с. 30, 199–206]), семантически охватывающего самых разных денотатов и включающего в себя значения слов и словосочетаний с отчетливой негативной

⁸ Депутат ГД Н. Брыкин. URA.ru. 28.07.2022.

⁹ Инфорусс. 31.12.2022.

¹⁰ Московский комсомолец. 27.12. 2022.

¹¹ Коммерсант. 12.09.2022.

¹² The Moscow post. 20.12.2022.

коннотацией (вроде *предатель*, *изменник Родины*, *пособник оккупантов* и т.п.). При этом, с одной стороны, используется заимствование с невнятной внутренней формой (хотя в УК РФ имеется ст. 275 «Государственная *измена*» – но не *коллорационизм!*), с другой – возникает несомненная эвфемизация, ощутимо смягчающая неприглядность действий отечественных *коллорационистов*. То есть, по-видимому, измена советской родине – это не измена, а почти невинный *коллорационизм*.

Заключение. С позиций семиотики положение лица, идентифицируемого как *коллорационист*, является довольно двусмысленным: оно, отвергнув либо посчитав ничтожно малыми прежние установки, продолжающие оставаться принципиально важными, сакральными для его исконного, фундаментально объединенного сообщества «наших», не превращается все же в «своего» для иного сообщества, имеющего не только собственные ценности, но и собственных «посвященных», т.е. изначально приверженных данной аксиологической системе и не склонных к безоговорочному «посвящению» бывших «чужих» (см. также [Васильев, 1993, с. 36–37, 83–86]).

Возросшая в последнее время частотность употребления существительного *коллорационист*, кажется, придавшая ему ореол «модного слова» [Комлев, 2003, с. 187–199], далеко не случайна и не может быть объяснена всецело лишь тенденцией к использованию заимствований взамен исконных слов или стремлением к обновлению официозного и пропагандистского лексического арсенала.

Данный пример – один из многих случаев трансформации универсальной оппозиции ‘сакральный’/‘профанный’ (также ‘свой’/‘чужой’, ‘хороший’/ ‘плохой’ и т.п.), а точнее – реполяризации ее словесных экспликаций в массовом сознании. Ср. недавнее определение в телепередаче профессии Иоганна Вайса – Александра Белова из фильма «Щит и меч» как *русского шпиона*, т.е. вполне по-геббельсовски. Подобные подмены сегодня чрезвычайно распространены в российских публичных речевых актах. «Принять язык противника – значит незаметно для себя стать его пленником» [Кара-Мурза, 2002, с. 425], или, иначе говоря, «смотреть на мир чужими глазами <...>, то есть глазами эталона» [Рас-торгуев 2003, с. 136]. Причем понятно, что самопровозглашенный «эталон» во все не склонен будет принимать неопитов и эпигонов с враждебной стороны в качестве полноценных и равноправных «своих» – как это было и в годы Второй мировой с фашистскими *коллорационистами* из числа местных предателей. Вместе с тем такие лингвополитические упражнения не способствуют сложению упорядоченной картины мира в сознании носителей языка, но, с другой стороны, соответствуют дискретной и эклектичной имитации идеологии – или, по крайней мере, тому, что пытаются скрыто внедрить при строгом соблюдении конституционной формулировки.

P.S. Что же касается вышеупомянутой *переписи истории*, то она производится не только за рубежом: «Крым избавили от *коллорационистов* ножницами. Из учебника по истории Крыма за десятый класс вырежут главу о *коллорационизме*,

раскритикованную крымскими татарами. Такое решение приняли в министерстве образования Крыма, чтобы “снять социальную напряженность”. Негативную реакцию вызвало перечисление в учебнике фактов массового содействия крымских татар немецко-фашистским захватчикам в годы оккупации Крыма. Депутат Госдумы Руслан Бальбек пожаловался на пособие в Генпрокуратуру (! – А.В.), а Совет крымских татар попросил исправить учебник главу Крыма Сергея Аксенова. Авторы пособия восприняли изъятие главы “с сожалением”¹³.

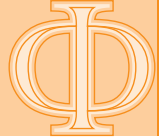
Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986а. С. 250–296.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986б. С. 297–325.
3. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум, 2022. № 1 (18). С. 40–50.
4. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. 144 с.
5. Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993. 92 с.
6. Всемирная история: в 10 т. М., 1965. Т. X. 728 с.
7. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. СПбГУ. 2009. № 79. С. 1–2.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 832 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
10. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. М., 2003. 216 с.
11. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. 34 с.
12. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
13. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.
14. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008. 464 с.
15. Словарь иностранных слов. Изд. 4-е. М., 1954. 856 с. (СИС).
16. Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. М., 1979. 624 с. (СИС).
17. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М., 1982. Т. 2. 736 с. (МАС₂).
18. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. 220 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

¹³ Коммерсантъ. 12.05.2019.

ON VERBAL CORRECTION OF WORLD PICTURE

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Vocabulary is a level of language that is directly related to the reality surrounding people and their inner world. Activation of the use of certain lexemes can affect the consciousness of a native speaker and program their behavior in various situations. The advance preparation of the addressee for the necessary action is manifested in the correction of the linguistic picture of the world, which allows achieving the goals of information and psychological warfare: substitution of traditional axiological guidelines with others that are beneficial to manipulators.

The purpose of this article is to analyze the use of the noun ‘*collaborationist*’ in the Russian mass media and the evolution of axiological guidelines formed by modern media.

The methods of this research are semantic, stylistic, and contextual analysis of lexemes. A special role is assigned to the analysis of the socio-political lexicon, designed to verbally embody the components of the universal semiotic opposition ‘sacred’/ ‘profane’ (in other modifications, also ‘one’s own’/ ‘someone else’s’, ‘good’/ ‘bad’, etc.). This field of activity requires clear formulations to recognize participants of the opposing parties and to introduce appropriate verbal labels in public opinion.

Research results. There are cases of uncritical attitude to the realities of the past, extrapolated to the present. This also happens due to the change of lexical designations of historical events and their participants. The word ‘*collaborationist*’ was previously used only in relation to citizens of European states that collaborated with the Nazi occupiers during World War II. Today, it has clearly displaced from circulation the designations ‘traitor’ and ‘traitor to the Motherland’, which were previously the usual names of Soviet citizens who collaborated with the fascists.

Conclusion. Such substitutions are extremely common in Russian public speech acts today. This example is one of many cases of transformation of the universal opposition ‘sacred’/ ‘profane’ (also ‘one’s own’/ ‘someone else’s’, ‘good’/ ‘bad’, etc.), or rather, repolarization of its verbal explications in the mass consciousness.

Keywords: *correction of world picture, verbal manipulations, socio-political vocabulary, universal semiotic oppositions, mass media, borrowing, euphemisms, collaborationist.*

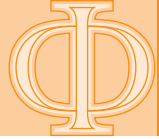
References

1. Bakhtin M.M. The problem of speech genres // Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1986a. P. 250–296.
2. Bakhtin M.M. The problem of the text in linguistics, philology and other humanities // Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity. M., 1986b. P. 297–325.
3. Vasilyev A.D. Indiscreet charm of Anglicisms: magnetism of dark words // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 40–50.
4. Vasilyev A.D. Essays on political linguistics. M., 2018. 144 p.
5. Vasilyev A.D. The fate of borrowing in Russian vocabulary. Krasnoyarsk, 1993. 92 p.
6. World history: In 10 t. Moscow, 1965. Vol. X. 728 p.
7. Gerd A.S. Language as a symbol // YALIK. St. Petersburg State University. 2009. No. 79. P. 1–2.
8. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Moscow, 2002. 832 p.
9. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
10. Komlev N.G. Word in speech. Denotative aspects. Ed. 2nd. Moscow, 2003. 216 p.
11. Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow, 1937. 34 p.
12. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Aesthetics and poetics. Moscow, 1976. P. 35–220.

13. Rastorguev S.P. Philosophy of information warfare. Moscow, 2003. 496 p.
14. Senichkina E.P. Dictionary of Euphemisms of the Russian Language. Moscow, 2008. 464 p.
15. Dictionary of Foreign Words. Ed. 4th. Moscow, 1954. 856 p.
16. Dictionary of Foreign Words. Ed. 7th. Moscow, 1979. 624 p.
17. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. 2nd ed. Moscow, 1982. Vol. 2. 736 p.
18. Criminal Code of the RSFSR. Moscow, 1950. 220 p.

About the author

Vasilyev Aleksandr Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: vasileva@kspu.ru

УДК 811.112.2`36

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИМАРНОГО ТАКСИСА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса актуализации примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в современном немецком языке.

Примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности выражаются в немецких высказываниях с таксисными предлогами темпоральной семантики. Темпорально-таксисные (монотемпоральные и инклюзивно-темпоральные) предлоги *während*, *bei*, *in*, *mit*, *seit*, *nach*, *vor*, *bis* маркируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования.

В ходе исследования установлено, что примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования реализуются в высказываниях, содержащих девербативы с темпорально-таксисными предлогами *während*, *bei*, *in*, *mit*, *nach*, *seit*, *vor*, *bis*. В высказываниях, содержащих итеративные или фазовые индикаторы, а также при дистрибутивной множественности глагольных действий актуализируются итеративно-примарно-таксисные, дистрибутивно-примарно-таксисные и фазово-примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования или следования.

Ключевые слова: таксис, примарный таксис, темпорально-таксисный предлог, таксисный маркер, итеративный индикатор, фазовый индикатор, примарно-таксисное категориальное значение, одновременность, предшествование, следование.

Постановка проблемы. В современных грамматических исследованиях неоднократно освещались вопросы, связанные с описанием актуализации таксисных категориальных значений в разноструктурных языках (германских, романских, славянских и др.). Данная проблематика представлена в работах отечественных лингвистов И.В. Архиповой [Архипова, 2020], О.М. Безродновой [Безроднова, 2009], А.В. Бондарко [Бондарко, 2017], Е.В. Донченко [Донченко, 2020], Я. Коцковой [Коцкова, 2019], Н.А. Ляшенко [Ляшенко и др., 2019], С.О. Магомедовой [Магомедова, 2022], В.П. Недялкова, Т.А. Отаиной [Недялков, Отаина, 2017], И.В. Недялкова [Недялков, 2003], С.М. Полянского [Полянский, 2017], Н.В. Семеновой [Семенова, 2002; 2004], М.С. Хасановой [Хасанова, 2010], В.С. Храковского [Храковский, 2003; 2009] и др. Актуальность данной проблематики подтверждается многочисленными исследованиями, выполненными в рамках различных подходов к описанию категории таксиса, в частности, универсально-типологического и функционально-семантического. Различные подходы отражают многомерность изучаемого явления и способствуют углубленному осмыслению его сути. С позиций функционально-семантического подхода категория таксиса трактуется как функционально-семантическое поле бицентрической структуры с субполями незаисимого и зависимого таксиса.

В качестве прототипических конstituентов субполя заисимого таксиса в разноструктурных языках выступают неличные формы глагола (причастия, деепричастия, герундий), а также предложно-девербативные сочетания. Данная работа, выполненная в русле функциональной грамматики Санкт-Петербургской лингвистической школы, посвящена описанию прототипического средства выражения таксисных категориальных значений одновременности и разновременности, каковым являются немецкие высказывания с предложными девербативами. Данный тип высказываний, ранее не исследуемый в контексте таксисной актуализации, конституирует сферу заисимого таксиса немецкого языка и требует детального анализа, чем обусловлен наш исследовательский интерес. В фокусе нашего рассмотрения находится описание актуализации примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности, актуализируемых в высказываниях с предложными девербативами в современном немецком языке.

Методология исследования (материалы и методы). Материалом данного исследования послужили немецкие высказывания с предложными девербативами, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC)¹.

В работе были использованы следующие методы: метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы, а также метод обобщения и интерпретации языковых фактов.

Результаты исследования и их обсуждение. Под категориальными значениями *примарного таксиса* понимаются хронологические значения одновременности, предшествования и следования в «чистом виде», актуализируемые в высказываниях с таксисными предлогами темпоральной семантики.

Примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности (предшествования, следования) выражаются в немецких высказываниях с предложными девербативами, содержащих таксисные предлоги темпоральной семантики *während, bei, in, mit, seit, nach, vor, bis*. Данные предлоги являются темпоральными по своей семантике и таксисными в силу выполняемой ими функции таксисных маркеров. В связи с этим их можно условно рассматривать как темпорально-таксисные. Отметим, что темпоральные предлоги подразделяются на монотемпоральные и инклюзивно-темпоральные. К монотемпоральным следует отнести предлоги *während, seit, nach, vor, bis*, которые являются монотаксисными, поскольку выступают в качестве маркеров одной разновидности таксисных значений или таксисных категориальных ситуаций. Так, монотемпоральный предлог *während*, являясь монотаксисным, маркирует примарно-таксисное значение одновременности. Монотемпоральные предлоги *seit, nach, vor, bis* эксплицируют примарно-таксисные категориальные значения предшествования и следования. Предлоги *bei, in, mit* являются инклюзивно-темпоральными, так как они могут употребляться не только в темпоральном, но и в других обстоятельственных значениях (модальном, инструментальном, каузальном, кондициональном).

¹ LC – Leipzig Corpora (Лейпцигский национальный корпус).

Инклюзивно-темпоральные предлоги *bei, in, mit* являются политаксисными и могут маркировать не только примарно-таксисные значения одновременности, но и секундарно-таксисные значения, в частности модально-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные и инструментально-таксисные.

Актуализация примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. В немецких высказываниях с темпорально-таксисными предлогами *während, bei, in, mit, seit, nach, vor, bis* актуализируются примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности – предшествования и следования. Например:

(1) *Nach der Trennung von Manager* stieg Bobic schnell zur Wunschlösung der Berliner Verantwortlichen auf (LC).

(2) *Seit der Trennung* liefern sich Pitt und Jolie einen Streit ums Sorgerecht (LC).

(3) *Vor meiner Trennung* habe ich mich nicht intensiv mit dem Thema Selbstliebe beschäftigt (LC).

(4) *Vor der Abfahrt* und *nach der Ankunft in Leobersdorf* wurden seitens der Exekutive Verstöße gegen die festgestellt (LC).

(5) *Bis zur Ankunft des Zuges am Hauptbahnhof Halle* wurde der Mann von Mitreisenden festgehalten (LC).

(6) *Beim Abschied* von hatte Mats Hummels einen gewagten Mantel getragen und sich darüber lustig gemacht (LC).

(7) *Während der Ankunft der Delegierten* kam es zu einzelnen Wortgefechten mit den Demonstranten (LC).

(8) *Mit Eintritt in den Wald*, über den langsam der Herbst hereinbricht, wird die Stimmung noch entspannter (LC).

В приведенных выше примерах в качестве таксисных маркеров одновременности, предшествования и следования выступают таксисные предлоги монотемпоральной и инклюзивно-темпоральной семантики *während, bei, in, seit, nach, vor, bis*. Монотемпоральные предлоги *vor, nach, seit, bis* маркируют примарно-таксисные категориальные значения предшествования и следования. Предлоги *vor, bis* являются экспликаторами примарного таксиса строгого и нестрогого предшествования в высказываниях (3–5). Предлоги *nach* и *seit* маркируют значения строгого и нестрогого следования в высказываниях (1–2). Монотемпоральный предлог *während* маркирует примарно-таксисное категориальное значение одновременности в высказывании (7). Инклюзивно-темпоральный предлог *bei* маркирует примарный таксис одновременности в высказывании (6).

Отметим, что в высказывании (4), содержащем два предложных девербатива с монотемпоральными предлогами *vor* и *nach*, актуализируются две примарно-таксисные категориальные ситуации – строгого предшествования и строгого следования.

Актуализация квантитативно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. В немецких высказываниях, содержащих темпоральные, таксисные и аспектуальные квантификаторы, реализуются

квантитативно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности. В качестве таксисных маркеров предшествования и следования выступают темпорально-таксисные предлоги *nach*, *vor*, *seit* и *bis*. В качестве темпоральных и аспектуальных квантификаторов выступают наречия и именные сочетания темпоральной и аспектуальной семантики *drei Jahre*, *drei Monate*, *drei Tage*, *elf Tage*, *neun Tage*, *einige Tage*, *vier Tage*, *monatelang*, *wenige Stunden*, *kurz*, *am Donnerstag*, *am Donnerstagsvormittag*, *im ersten Jahr* и др. В роли таксисных квантификаторов могут выступать адвербиалы *dann*, *danach*, *gleich*, *sofort*, *direkt*, *später* и др. Они выполняют дополнительную функцию примарно-таксисных конкретизаторов. Например:

(9) *Drei Jahre nach der Trennung* erwartet Fischer nun ein Baby mit ihrem neuen Lebensgefährten Thomas Seitel (LC).

(10) *Drei Monate nach der Trennung* ist die Scheidung von Bill und Melinda Gates vollzogen worden (LC).

(11) *Nur drei Tage nach dem Angriff* reichte Chuck die Scheidung ein (LC).

(12) *Nach der Trennung* verliebte sich Pietro *später* in die Influencerin Laura Maria (LC).

(13) Seine Ex-Freundin habe *nach der Trennung noch monatelang* mit seinen Brüdern telefoniert (LC).

(14) *Einen Tag nach der Ankunft in New York* wird es liquidiert (LC).

(15) *Neun Tage nach der Ankunft ihrer Kleinen* habe sich jedoch alles geändert (LC).

(16) *Einige Tage nach ihrer Ankunft* wird ihre Leiche an einem Wasserfall unter einer Plane gefunden (LC).

(17) *Schon vier Tage nach ihrer Ankunft in Minsk* waren sie im Wald nahe der polnischen Grenze, campierten da mit mehr als hundert weiteren Migranten (LC).

(18) *Nur wenige Stunden nach der Ankunft* stand bereits die erste Einheit auf der hoteleigenen Sportanlage auf dem Programm (LC).

(19) *Nach der Ankunft in Atlanta* wurde Cornwall *sofort* verhaftet ... (LC).

(20) *Direkt nach der Ankunft des Zuges* wurde dem jungen Mann das Gewehr abgenommen (LC).

(21) Den drei Amerikanerinnen war *am Donnerstagsvormittag gleich nach ihrer Ankunft in Wien* klar, dass irgendetwas ungewöhnlich ist (LC).

(22) *Im ersten Jahr nach seiner Ankunft* dort lag der Park noch unversehrt hinterm Haus (LC).

(23) *Kurz vor seinem Abschied* besuchte er am Donnerstag der Vorwoche erstmals Hermannstadt (LC).

В вышеприведенных примерах актуализируются квантитативно-примарно-таксисные категориальные значения следования и предшествования, маркируемые монотемпоральными таксисными предлогами *nach* и *vor*. В высказываниях (9–23) выражены квантитативно-примарно-таксисные категориальные значения строгого следования. В высказывании 23 актуализовано квантитативно-

примарно-таксисное значение строгого предшествования. В качестве количественных детерминаторов, специфицирующих актуализацию количественно-таксисных категориальных значений выступают аспектуальные квантификаторы *kurz, drei Jahre, drei Monate, einen Tag, drei Tage, neun Tage, einige Tage, vier Tage, wenige Stunden, monatelang*, а также темпоральные индикаторы *am Donnerstag, am Donnerstagsvormittag, im ersten Jahr* и собственно таксисные квантификаторы в функции дополнительных конкретизаторов *gleich, direkt, sofort*.

Актуализация итеративно-примарно-таксисных и дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. В ряде немецких высказываний возможна итерация примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. Итеративное или дистрибутивное прочтение таксисных значений возможно в силу наличия индикаторов итеративности (адвербиалов, атрибутов, итеративных и мультипликативных девербативов) и дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий.

В приведенных ниже высказываниях (24–28) актуализируются сопряженные дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности и нестрогого предшествования. Они детерминированы дистрибутивной множественностью субъектных актантов глагольных действий (см. субъекты *die meisten Menschen, wir, sie, keine bemerkenswerten Unterschiede, die beiden Schwerverletzten*). В высказываниях (29–37) выражаются итеративно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности и строгого следования. Они специфицированы семантикой генетически-итеративных девербативов *das Rufen, das Klingeln* и генетически-мультипликативного девербатива *das Klopfen*, а также семантикой итеративных адвербиалов *mehrmalig, meist, manchmal* и итеративного атрибута *jeder*. Девербативы, адвербиалы и атрибуты итеративной семантики выполняют функцию индикаторов и детерминантов итеративно-примарного таксиса. В качестве маркеров дистрибутивно-примарно-таксисных и итеративно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования (нестрогого) и следования (строгого и нестрогого) выступают темпорально-таксисные предлоги – инклюзивно-темпоральный предлог *bei* и монотемпоральные таксисные предлоги *bis zu, nach* и *seit*. Ср.:

(24) *Die meisten Menschen legen ihren Kopf beim Schlafen auf ein relativ hohes Kissen...* (LC).

(25) *Beim Schlafen sind wir alle anders und Mediziner haben dafür sogar Fachbegriffe* (LC).

(26) *Sie stellten und fesselten ihn bis zum Eintreffen der ebenfalls alarmierten Polizeibeamten* (LC).

(27) *Beim Rufen zeigten sich dagegen keine bemerkenswerten Unterschiede zwischen beiden Gruppen* (LC).

(28) *Ersthelfer versorgten die beiden Schwerverletzten bis zum Eintreffen der Rettungskräfte* (LC).

(29) *Nach mehrmaligen Klopfen und Rufen an der Tür zur besagten Wohnung öffneten die ersten Einsatzkräfte der Feuerwehr die Tür schließlich gewaltsam* (LC).

(30) *Beim Eintreffen der Einsatzkräfte der Kantonspolizei Thurgau schlugen bereits Flammen aus dem Dachfenster über der Wohnung* (LC).

(31) *Nach Klingeln und Klopfen wurde die Wohnungstür geöffnet* (LC).

(32) *Nach dem Klingeln der ersten Spaziergänger marschierte er zum Hotel und nahm den Zettel wieder ab* (LC).

(33) *Manchmal ist es nach der Trennung sogar einfacher, die Verantwortungsbereiche klar aufzuteilen* (LC).

(34) *Bei ihrer Scheidung entschieden sich die beiden für ein geteiltes Sorgerecht* (LC).

(35) *Seit der Scheidung zwischen Melinda und Bill Gates im April kommen vermehrt Details über das Leben des Milliardärs zum Vorschein* (LC).

(36) *Bei einer Scheidung wird für jeden Ehegatten getrennt ermittelt, welchen Zugewinn beide während der Ehe erwirtschaftet haben* (LC).

(37) *Beim Eintritt erhielt jeder Zuschauer eine Kerze, die er am Spielfeld entzünden konnte* (LC).

Актуализация фазово-примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. При наличии фазовых индикаторов (глаголов, адвербиалов и адъективов фазовой семантики) возможна актуализация сопряженных фазово-примарно-таксисных категориальных значений одновременности или разновременности, например:

(38) *Eine außerordentliche Geschichte beginnt mit der Ankunft von Lionel Messi in Paris* (LC).

(39) *Bei der Ankunft der Feuerwehr begann eines der Unfallautos zu brennen* (LC).

(40) *Nach der Ankunft in Deutschland beginnt für Nicola, die zum Schutz vor ihrem Ex-Partner anonym bleiben möchte, ein Leben in Todesangst* (LC).

(41) *Der Spaß beginnt bereits nach der Ankunft in der Hauptstadt Lima...* (LC).

(42) *Anschließend folgten weitere Videos von Adeline am Flughafen und bei ihrer Ankunft in Los Angeles* (LC).

(43) *Mit dem offiziellen Abschied geht eine wochenlange Hängepartie endlich zu Ende* (LC).

(44) *Nach der Scheidung von Die Romanze endete jedoch im September* (LC).

В приведенных выше высказываниях актуализируются ингрессивно-фазово-примарно-таксисные категориальные значения одновременности (см. примеры с темпорально-таксисными предложениями *mit* и *bei*) и строгого следования (см. пример 39 с монотемпоральным таксисным предложением *nach*). Актуализируемые в высказываниях 37–40 фазово-таксисные категориальные значения обусловлены семантикой ингрессивно-фазового глагола *beginnen*. В высказываниях (41–43) выражаются фазово-примарно-таксисные категориальные значения, эксплицирующие срединный или завершающий (эгрессивный) этап протекания или осуществления глагольных действий. В качестве фазовых индикаторов и фазово-таксисных

детерминантов выступают следующие языковые единицы: фазовый глагол *folgen*, эгрессивно-фазовый глагол *enden*, глагольно-именная конструкция *zu Ende gehen*, адвербиалы с семантикой фазисной детерминации *anschließend* и *endlich*.

Заключение. Таким образом, в современном немецком языке примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности актуализируются в высказываниях, содержащих предложные девербативы с монотаксисными и политаксисными предлогами темпоральной семантики. Монотемпоральные и инклюзивно-темпоральные предлоги выполняют функцию таксисных маркеров. Они выступают в качестве маркеров различных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования (итеративно-примарно-таксисных, дистрибутивно-примарно-таксисных, фазово-примарно-таксисных и др.).

В немецких высказываниях с различными квантитативными индикаторами актуализируются квантитативно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования. В качестве квантитативных индикаторов и детерминантов квантитативного таксиса выступают различные аспектуальные, темпоральные и таксисные адвербиалы и атрибуты.

При наличии индикаторов итеративности и дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий возможна актуализация различных сопряженных дистрибутивно-примарно-таксисных и итеративно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования или следования. Функцию итеративных индикаторов и детерминантов итеративно-примарного таксиса выполняют итеративные девербативы, атрибуты и адвербиалы.

При наличии фазовых индикаторов (в частности, глаголов, глагольно-именных аналитических конструкций, адъективов и адвербиалов фазовой семантики) актуализируются фазово-примарно-таксисные категориальные значения одновременности или разновременности. Фазовые квантификаторы или индикаторы выступают в функции фазово-таксисных детерминантов, обуславливающих актуализацию категориальной семантики фазово-примарного таксиса одновременности и разновременности.

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Безроднова О.М. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 1. С. 87–91.
3. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
4. Донченко Е.В. Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 45–51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-75-3-080-086

5. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 3, № 15. С. 87–110.
6. Ляшенко Н.А. и др. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // *Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография* / Н.Г. Складорова, А.В. Николаева, К.Н. Симонова, Н.А. Ляшенко, С.Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
7. Магомедова С.О. Особенности выражения зависимого таксиса причастием в английском языке // *Глобальный научный потенциал*. 2022. № 4 (133). С. 163–165.
8. Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296–319.
9. Недялков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности/предшествования/следования // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность*. СПб.: Наука, 2003. С. 156–173.
10. Полянский С.М. Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений // *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Изд. 7-е. 2017. М.: ЛЕНАНД. С. 243–253.
11. Семенова Н.В. Семантика таксиса: концептуализация и категоризация / Н.В. Семенова; М-во образования Рос. Федерации. Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-т, 2002. 265 с.
12. Семенова Н.В. Таксис: история изучения и современное понимание // *Русский язык в научном освещении*. 2004. № 1 (7). С. 249–272.
13. Хасанова М.С. Критерии разграничения таксисных значений (на примере русского и татарского языков) // *Вестник Башкирского университета*. 2010. № 1, т. 15. С. 86–89.
14. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 32–54.
15. Храковский В.С. Семантика, синтаксис, типология / ред. В.С. Храковский // *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

ACTUALISATION OF PRIMARY TAXIS IN MODERN GERMAN

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem and research purpose. This article is devoted to the issue of actualization of the primary-taxis categorial values of simultaneity and non-simultaneity in modern German.

Materials and methods. The material of this study was German utterances with prepositional deverbatives, obtained by directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus.

Research results. Primary taxis values of simultaneity and non-simultaneity are actualized in the German statements with taxis prepositions of temporal semantics. Temporal-taxis (mono-temporal, inclusive-temporal) prepositions *während, bei, in, mit, seit, nach, vor, bis* mark the primary taxis categorial values of simultaneity, precedence, and succession.

Conclusion. In the course of the study, it was found that the primary-taxis categorial values of simultaneity, precedence, and succession are actualized in statements containing deverbatives with taxis prepositions of temporal semantics *während, bei, in, mit, nach, seit, vor, bis*. Statements containing iterative or the phasing indicators and distributive plurality of verbal actions actualize the iterative-primary-taxis, distributive-primary-taxis, and phasal-primary-taxis categorial values of simultaneity, precedence or succession.

Keywords: *taxis, the primary taxis, temporal-taxis preposition, taxis marker, iterative indicator, phasal indicator, primary-taxis categorial value, simultaneity, precedence, succession.*

References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages. Monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p.
2. Bezrodnova O.M. Taxis meanings of the participles of the Russian language // Bulletin of the Bashkir University. 2009. Vol. 14, No. 1. P. 87–91.
3. Bondarko A.V. Verbal categories in the system of functional grammar. 2nd ed. Moscow: Languages of Slavic culture. 2017. 336 p.
4. Donchenko E.V. Taxis category and analysis of aspectual-taxis situations with attributive clauses in French // Humanitarian Studies. 2020. № 4 (76). P. 45–51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-75-3-080-086
5. Kockova Ya. Nonpersonal forms of the verb as means of taxis expressing in the Russian and Czech languages // Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. 2019. Vol. 3, No. 15 (3). P. 87–110.
6. Lyashenko N.A. Functional-semantic field of taxis in English // Functional-semantic fields of different types in English and Russian. 2019. P. 101–129.
7. Nedyalkov V.P., Otaina T.A. Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the Nivkh language in comparison with Russian) // Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. Ed. 7th. Moscow: LENAND, 2017. P. 296–319.
8. Nedyalkov I.V. Dependent taxis in multi-structural languages: meanings of simultaneity/precedence/following // Problems of functional grammar: Semantic invariance/variability. St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2003. P. 156–173.
9. Magomedova S.O. Peculiarities of expression of dependent taxis by participle in English // Global scientific potential. 2022. No. 4 (133). P. 163–165.

10. Polyansky S.M. Simultaneity / diversity and other types of taxis relations // Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. Ed. 7th. 2017. Moscow: LENAND. P. 243–253.
11. Semenova N.V. Taxis semantics: conceptualization and categorization / N.V. Semenova; Ministry of Education of Russian Federation. Novgorod. state university named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod: Publishing House “Novgorod State University”, 2002. 265 p.
12. Semenova N.V. Taxis: history of study and modern understanding // Russian language in scientific coverage. 2004. No. 1 (7). P. 249–272.
13. Khasanova M.S. Criteria for delimitation of taxic meanings (on the example of the Russian and Tatar languages) // Bulletin of the Bashkir University. 2010. No. 1, Vol. 15. P. 86–89.
14. Khrakovsky V.S. Taxis category (general characteristics) // Questions of linguistics. 2003. No. 2. P. 32–54.
15. Khrakovsky V.S. Semantics, syntax, typology / Ed. V.S. Khrakovsky // Typology of taxis structures. Moscow: Znak, 2009. P. 11–113.

About the author

Arkhipova Irina Viktorovna – PhD (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: irarch@yandex.ru

УДК 81.374.822:316.6

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Е.В. Добровольская (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Эффективность международных деловых коммуникаций в том числе поддерживается семантико-структурными элементами языков взаимодействия. Выбор языковой единицы в текстах двуязычной деловой документации, отражающей явления национальной культуры и социальных отношений, должен обеспечивать эквивалентность содержания с учетом реальной коммуникативной ситуации и интенций участников.

Цель работы – поиск лексико-грамматических соответствий в русском и английском языках, вербализирующих коммерческие отношения, которые занимают значительное место в современной профессиональной деятельности человека.

Материалы и методология исследования. В процессе исследования было рассмотрено около 100 образцов договоров (контрактов, соглашений) в области продажи товаров и услуг с разными типами предмета договорных отношений – найма, купли, выполнения работ и т.п. Основные методы – дискурсивный анализ, структурно-семантический анализ, обобщение и интерпретация.

Результаты исследования. Выявлены интерпретационные корреляты для терминологии коммерческих договоров с учетом предмета договора и участников договорных отношений, выделены тематические группы и формы вхождения в русский язык англицизмов – наименований делового общения, рассмотрена грамматическая специфика отдельных номинаций.

Заключение. Сделан вывод о том, что сопоставительное изучение двуязычных текстов деловой коммуникации способствует описанию бизнес-семантики в двуязычной лексикографии в условиях постоянно меняющихся бизнес-реалий.

Ключевые слова: деловое общение, двуязычный словарь, интерпретация, перевод, лексико-грамматические соответствия.

Постановка проблемы. Словарь, обслуживающий деловую коммуникацию, для все большего количества организаций становится двуязычным, требующим когнитивного или прямого соответствия «сущностям в мире» [Демьянков, 1994, с. 22]. Аутентичный перевод достигается через интерпретацию текста оригинала и его адаптацию к «лингвокультурным доминантам языка перевода», которые предопределены «когнитивной и коммуникативной асимметрией» [Рябцева, 2020, с. 174–175], «когнитивно-интерпретационными моделями» [Везнер, 2021, с. 21], сложившимися в разных языковых картинах под воздействием экстралингвистических факторов [Сапожникова, 2020, с. 82–83], событий объективного мира [Трипольская, Матханова, 2019, с. 120–121].

Поиск эквивалентного перевода деловой документации с русского языка на английский сталкивается с преодолением лексико-грамматических трудностей. И если при переводе художественного текста важным является сохранение экспрессивности, созданного автором образа, воссоздание авторского замысла,

что создает достаточно широкие возможности для переводчика [Bogdanova, 2020, с. 74–77], то в деловом общении, в силу регламентации деловой сферы [Ким, Силантьев, 2017, с. 171–172], обязательна точная передача информации, сопряженная с однозначностью формулировок и терминологической определенностью, эквивалентность которых не всегда очевидна.

Цель работы – установление некоторых семантико-грамматических соответствий в русском и английском языках и представление набора лексических средств для обслуживания договорных отношений в области продажи товаров и услуг. Данный выбор обусловлен, во-первых, распространенностью торгового бизнеса в профессиональной деятельности человека, во-вторых, тем, что коммерция, являясь международной, по сути, полиязычна.

Материалы и методология исследования. Проблемы переводческой эквивалентности рассматривали с середины прошлого столетия в научных работах и отечественные, и зарубежные лингвисты (В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Ж. Мунэн, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.К. Латышев, В.И. Хайруллин, А. Chesterman, М. Snell-Hornby и др.). В предлагаемой работе исходим из того:

- что требование к точности перевода определяет роль языковых единиц и необходимость изучения их соотношения в языке-оригинала и языке-перевода [Комиссаров, 1990];

- для единиц языка-оригинала существуют относительно регулярные способы перевода на язык-перевода [Рецкер, 1950];

- «on the level of interlingual translation, there is ordinarily no full equivalence between code-units, while messages may serve as adequate interpretations of alien code-units or messages <...> all cognitive experience and its classification is conveyable in any existing language» (в межъязыковом переводе обычно не бывает полной эквивалентности между языковыми единицами, однако текст может выступать в качестве адекватной интерпретации сообщения на другом языке <...> весь когнитивный опыт, его концептуализация могут быть переданы на любом существующем языке – пер. автора статьи) [Jakobson...];

- одним из основных принципов соотнесения лексических единиц из разных языков для установления их эквивалентности является существенное совпадение их лексических значений в наиболее типичных, регулярно повторяющихся контекстах [Трипольская, Булыгина, 2014 с. 52–53; Altenberg, Granger, 2002, р. 5–6];

- теория перевода как междисциплинарная дисциплина развивается в четырех основных направлениях – лингвистическом, культурологическом, когнитивном и социологическом [Chesterman, 2019];

- формирующаяся трансдисциплинарность в прикладном переводоведении станет ключевым фактором в исследовании профессиональных процессов и практики, результаты которых можно продуктивно применять в конкретных социально-когнитивных и социально-технологических контекстах [Massey, 2021].

Материалами исследования послужили англоязычные образцы договоров (contract templates) на предоставление товаров и услуг, заключение которых начинается и обуславливает коммерческие отношения. Проанализировано около 100 шаблонов договоров, находящихся в свободном доступе в Интернете для обеспечения коммерческой услуги – быстрого и удобного создания документа онлайн, его сохранения и использования. Ресурсы размещены на легитимных сайтах, обладающих всеми признаками надежности, их основателями и разработчиками являются представители разных государств, прежде всего США, Великобритании, России и др. [Jotform...; Signaturely; Signwell...; TemplateLAB...].

Исследование и результаты. Несмотря на многообразие товаров и услуг, выступающих предметом договора, можно выделить типовые наименования для договорных документов: *sales contract* – договор купли-продажи, *contract for services (rendered)* – договор на услуги (оказываемые) – договор на оказание услуг. В русской коммерции употребляется и *договор*, и *контракт*, с предпочтением к первому наименованию, в английской – преимущественно *contract*. Словарь Oxford Learner's Dictionaries [Oxford...], определяя *contract* в первом значении как 'a written or spoken agreement, especially one concerning employment, sales, or tenancy, that is intended to be enforceable by law' – «письменное или устное соглашение, прежде всего касающееся найма, продажи или аренды, исполнение которого обеспечивается законом», предлагает к нему ряд синонимов (*agreement* – выделено в словаре, *commitment, arrangement, settlement, undertaking, understanding, compact, covenant, pact, bond*), ни один из которых не заменяет указанную лексему в рассмотренных текстах договоров. Слово *agreement* употребляется для наименования подобных документов, однако имеет довольно четкую дифференциацию – это договоренность, детализирующая или дополняющая *contract*, например, *payment agreement, confidentiality agreement, technology transfer agreement, strategic alliance agreement, independent contractor agreement, event-commercial agreement* и т.п. Другими словами, *agreement* является собой дополнительное соглашение к уже имеющемуся договору (*contract*) или может выделяться как часть/части договора. В свою очередь, *contract*, представляя упорядоченные и всеобъемлющие законные обязательства двух и более сторон, может вытекать из предварительных *agreements*. Связанность этих терминов делового общения наблюдается также в использовании слова *agreement* для толкования *contract*, причем не только в словарной дефиниции, как уже было показано выше, но и в деловой документации, например: Tenancy Contract начинается со слов 'This rental agreement is made on...', или Employment Contract – 'This agreement is between...', или Construction Contract – 'This agreement is made and entered on...', или Coaching Contract включает фразу 'this agreement constitutes an engagement a 6 month...' и др.

Другая англоязычная номинация с переводным значением 'договор, соглашение' и синонимами *contract, agreement – treaty* [ЯндексПереводчик], единственная сема которой, представленная Oxford Learner's Dictionaries [Oxford...],

описана как ‘a formally concluded and ratified agreement between states’ – «официально заключенное и ратифицированное соглашение между государствами». Обслуживая сферу политики и межгосударственных отношений, например: ‘the two Presidents signed a ten-year treaty of solidarity’ или ‘Germany, which has ratified the treaty in parliament, also wants to see it survive’, – лексема *treaty*, следовательно, не может применяться для наименования коммерческих документов, хотя англоязычный толковый словарь указывает *contract* и *agreement* как ее синонимы [Cambridge...; Oxford...].

Предложенные выше типовые наименования коммерческих договоров варьируются в зависимости от предмета договора, который фактически всегда включен в наименование: *contract for the sale* – договор купли-продажи, *contract concerning the sale* – договор купли-продажи, *maintenance contract* – договор на техническое обслуживание, *construction contract* – договор на строительство, *contract for legal services* – договор на юридические услуги и др. Уникальной и эффективной конструкцией английских наименований выступает средство английского семантического синтаксиса – именное словосочетание [Рябцева, 2020, с. 177], лаконичность которого обеспечивается вследствие способности английского имени существительного занимать атрибутивную позицию. Эту способность важно учитывать при поиске эквивалента в переводе с русского языка. Беспредложное сочетание двух и более существительных, одно из которых (первое) является определяющим, а второе (или последнее) – определяемым, предпочтительнее в случае перевода именных сочетаний с зависимым словом в родительном падеже, а также именных сочетаний с предлогом, например: договор аренды – *tenancy contract*, договор на свадебную фотосъемку – *wedding photography contract*; договор на предоставление бытовых услуг – *home services contract*. В качестве именного компонента в английский аналог может входить герундий: *coaching contract* – договор на проведение тренировок, *negotiating contract* – договор на ведение переговоров, – подчеркивающий процессуальность определяемых договором отношений; при переводе на русский язык для уточнения смысла вводится дополнительная лексема – отглагольное существительное, что разрушает «свернутость», «сжатость» наименования.

Говоря о синонимичной замене *contract* в тексте договора, следует заметить, что в англоязычных текстах, наряду с *agreement*, употребляются и другие лексические единицы, позволяющие избежать повторения или тавтологии, а именно: *hereof* – отсюда /из этого, *hereby* – настоящим, *herein* – в этом, *hereinafter* – далее по тексту, *hereunder* – тем самым, ниже. Именно такой перевод предлагают словари [Cambridge...; ЯндексПереводчик...]. Эти слова малоупотребительны, относятся к юридической договорной сфере, они формальны и академичны, их считают архаизмами, но часть шаблонов (*contract templates*) включает их, трансформируя в профессиональный жаргон. Интерпретация этих слов в русском языке зависит от контекста, в договорных же документах они переводятся либо как *настоящий договор*, либо как отсылающее к нему местоимение.

Например: in accordance with the terms *hereof* (вместо *of the contract*) – в соответствии с условиями *настоящего договора*; all documents stipulated by the contract form an integral part *hereof* (вместо *of the contract*) – все документы, упомянутые в настоящем договоре, являются неотъемлемой *его* частью; while performing the obligations *hereunder* (вместо *under the contract*) – в ходе выполнения обязательств *по настоящему договору*; the customer *hereby* (вместо *by means of the contract*) confirms – *настоящим* заказчик подтверждает; *hereinafter* (вместо *further on in the contract*) referred to as ‘the seller’ – *далее по договору* именуемый ‘продавец’ и др. Синтактико-функциональное значение, носителем которого становятся в текстах договоров производные от *here* лексемы, кроме стилистической, обеспечивает выполнение ими еще и синтаксической функции в плане построения грамматически оптимальной и содержательно лаконичной структуры для передачи формального, но юридически необходимого смысла.

Часто употребляемой в договорных текстах и имманентной для регламентированных договором отношений является пара *заказчик – исполнитель*. В отличие от русских текстов, включающих в большинстве своем указанные термины, англоязычные договоры варьируют наименования сторон в зависимости от предмета договора. Вероятно, это следствие того, что в английском языке нет эквивалентных русскоязычным понятиям названий субъектов/сторон, вступающих в договорные отношения. Дифференциальный признак, определяющий выбор лексем, коррелирует с предметом договора (табл.).

**Соответствие наименований субъектов договорных отношений
в английском и русском языках
Contracts subject's names in English and Russian**

Наименование договора	Наименование заказчика	Наименование исполнителя
1	2	3
Sales contract	customer ‘a person who buys goods or services from a shop or business’ – покупатель	contractor ‘a person or company that undertakes a contract to provide materials or labor to perform a service or do a job’ – подрядчик, исполнитель, поставщик
Sales contract	buyer ‘a person who makes a purchase’ – покупатель	seller ‘a person who sells smth’ – продавец
Contract for services	client ‘a person or organization using the services of a lawyer or other professional person or company’ – клиент	provider ‘a person or thing that provides something’ – поставщик
Contract for legal services	client	executor ‘a person who executes, carries out, or performs some duty, job, assignment, artistic work, etc.’ – исполнитель, судебный исполнитель
Tenancy contract	lessee ‘a person who holds the lease of a property; a tenant’ – арендатор	lessor ‘a person who leases or lets a property to another; a landlord’ – арендодатель

Окончание табл.

1	2	3
Construction contract	owner 'a person who owns something' – владелец, собственник	builder 'a person who constructs something' – строитель, подрядчик
Catering contract	Client	caterer 'a person or company providing food and drink at a social event or other gathering' – поставщик услуг общественного питания
Photography contract	client	photographer 'a person who takes photographs, especially as a job' – фотограф
Home services contract	Client	company – 'a commercial business' – компания, организация
Payment agreement	payer 'a person or organization that gives someone money that is due for work done, goods received' – плательщик	payee 'a person to whom money is paid' – получатель платежа

Лексемы *contractor* и *executor* в значении *исполнитель* встречаются в текстах договоров наряду с другими именами, называющими представителей профессиональной деятельности: *provider* – поставщик, *builder* – строитель, *seller* – продавец, *photographer* – фотограф и др. Они могут выступать в качестве синонимов, однако *contractor* преимущественно обеспечивает товарами, а *executor* чаще называет субъекта, предоставляющего юридические услуги. Из наименований заказчика наиболее употребительным является *client*, однако синтагматически и в соответствии с основным лексическим значением данное слово используется в контексте получаемых услуг, в то время как *customer* – приобретаемых товаров. Слово с переводным значением 'потребитель, покупатель, клиент, заказчик' – *consumer* 'a person who purchases goods and services for personal use' – «лицо, которое приобретает товары и услуги для личного пользования» в анализируемых договорах не было представлено.

Договор заключается между сторонами – *parties* 'a person or people forming one side in an agreement or dispute' – «лицо или люди, являющиеся одной из сторон в соглашении или споре» или реже *partners* 'a person or group that takes part with another or others in doing something' – «человек или группа, которые принимают участие вместе с другим или другими в выполнении чего-либо», при этом первоначальный перевод слова *сторона*, который предоставляет любой русско-английский онлайн-словарь, – *side* (и это то лексическое средство, которое служит для толкования искомого аналога) – не является его эквивалентом в речупотреблении для договорной документации.

Устранение языковых лакун активно осуществляется путем заимствования предмета или явления с уже существующей его номинацией [Дьяков, 2003, с. 39]. А.И. Дьяков рассматривает ряд форм вхождения англицизмов в русский язык, а именно: транслитерирование, транскрибирование, калькирование, трансформирование, трансплантирование и комбинирование [Дьяков, 2012, с. 73].

Анализ текстов договоров показал, что все эти формы заимствований из английского языка активны в деловой коммуникации, при этом следует согласиться с А.Д. Васильевым, что, обслуживая нужды деловой коммуникации и выступая в качестве наименований субъектов и процессов, привносимых из англоязычной традиции, часть заимствований имеют «семантически точные русские соответствия» [Васильев, 2022, с. 45–46], например, *байер, транзакция, дисконт* и др. Было выделено несколько тематических групп.

Номинация субъектов договорных отношений: транскрибирование – *провайдер, байер, фриланс, девелопер (developer), бренд*; транслитерирование – *логистик, клиент, фасилитатор*; калькирование – *фирма, корпорация, компания*; комбинирование – *линейный менеджер*.

Номинация сферы, места и вида деятельности: транскрибирование – *интернет-маркетинг, бренд-менеджмент, аутсорсинг, франчайзинг*; калькирование – *финансы, логистика, фасилитация (facilitation)*.

Терминология финансовой деятельности: транскрибирование – *депозит, экаунт, кэшбэк, дивиденд*; калькирование – *комиссия, транзакция*; трансформирование – *дисконт*; комбинирование – *колд колл (cold call)*.

Терминология коммерческой деятельности: транскрибирование – *маркетинг, эквайринг (acquiring), фулфилмент (fulfillment), консент (consent), ревью (review)*; трансформирование – *франшиза, акцент, оферта, консента* (компьютерная программа для совместной деятельности продавца и покупателя); трансплантирование – *GATT (General Agreement on Tariffs and Trade – генеральное соглашение о тарифах и торговле), Incoterms (International Commercial Terms – свод определений, принятых в международной коммерческой практике)* и др.

Согласно полученным данным, транскрибированные англицизмы встречаются довольно часто в договорной терминологии. Вероятно, этому способствует возрастание роли устной деловой коммуникации, влияющей на сохранение звуковой формы англоязычных наименований.

Обращают на себя внимание отличия в восприятии единичности – множественности субъектов/объектов/процедур деловой коммуникации, например: *of third party* (ед. ч.) – третьих лиц (мн. ч.), *goods* (мн. ч.) – товар (ед. ч.), *work completed* (ед. ч.) – выполненных работ (мн. ч.), *during negotiation* (ед. ч.) – во время переговоров (мн. ч.), *sales* (мн. ч.) – купля-продажа (ед. ч.) и др.

Заключение. Для словаря делового общения определяются следующие интерпретационные корреляты: договор – *contract*; стороны – *parties*; заказчик – *customer, client, buyer, owner* и др.; исполнитель – *contractor, seller, provider, executor* и др.; наименования для пары *заказчик – исполнитель* соотносятся с предметом договора; перечень наименований ограничивается видами предоставляемых услуг.

В текстах договоров производные от *here* расширяют семантику, фиксированную лексикографическими описаниями, и обеспечивают высказыванию лаконичность, стилистическую и грамматическую оформленность.

Развитие международной коммерции обуславливает вхождение в деловой словарь русского языка англицизмов, которые можно отнести к следующим тематическим группам: субъекты договорных отношений, сфера деятельности, финансовая деятельность, коммерческая деятельность.

На грамматическом уровне выявлены несовпадения в структуре именных словосочетаний – названий договорных документов и в использовании категории числа имен существительных, называющих соотносимые понятия, явления.

Сопоставительное изучение двуязычных текстов делового общения способствует расширению словаря терминов и употребительных выражений для составления релевантных с позиции выбора лексико-грамматических средств коммерческих документов и, как результат, успешной международной деловой коммуникации.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: Магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 40–50.
2. Везнер И.А. Интерпретационный потенциал высказывания и прототипическое моделирование в аспекте трансвербализации // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Новосибирск: НГПУ, 2021. Т. 15. С. 20–26.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
4. Дьяков А.И. Англицизмы: заимствование или словообразование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (16). С. 72–76.
5. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура: сб. ст. Всероссийской научной филологической конференции. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 2003. С. 35–43.
6. Ким И.Е., Силантьев И.В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сб. ст. / под ред. КА. Ганшиной и И.В. Карпова. М., 1950.
9. Рябцева Н.К. Межкультурная коммуникация, лингвоспецифичные доминанты и проблемы аутентичности // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: матер. Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 173–180.
10. Сапожникова М.М. Описательный перевод экономических терминов в английском языке как эффективный инструмент решения трудностей перевода // Державинский форум. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2020. Т. 4, № 15. С. 80–87.
11. Трипольская Т.А., Матханова И.П. Научная школа «интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» в Новосибирском государственном педагогическом университете // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2019. № 2. С. 117–126.
12. Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. Способы лексикографирования прагматической информации в двуязычных словарях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 51–59.

13. ЯндексПереводчик. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Altenberg B., Granger S. Recent trends in cross-linguistic lexical studies // *Lexis in Contrast. Corpus-based Approaches. Studies in Corpus Linguistics*. Amsterdam & Philadelphia, Benjamins, 2002. P. 3–48.
15. Bogdanova D.V. Translation difficulties of phraseological units // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: матер. VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ред. И.Ф. Уманец, М.В. Рябинина, Д.В. Богданова*. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2020. С. 72–77.
16. Cambridge Dictionary: English–Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 20.08.2022).
17. Chesterman A. Consilience or fragmentation in Translation Studies today? / *Slovo.ru: baltijskij accent*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 9–20. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-1-1
18. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. URL: https://complit.utoronto.ca/wp-content/uploads/COL1000H_Roman_Jakobson_LinguisticAspects.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
19. Jotform: PDF редактор. URL: <https://www.jotform.com/pdf-templates/contract> (дата обращения: 10.08.2022).
20. Massey G. Applied translation studies and transdisciplinary action research: Understanding, learning and transforming translation in professional contexts. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, No. 2. P. 443–461. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-443-461>
21. OxfordLearner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.08.2022).
22. Signaturely. URL: <https://signaturely.com/contracts/> (дата обращения: 10.08.2022).
23. Signwell: Contract Templates and Agreements (From 25,000 Sales Documents). URL: <https://www.signwell.com/contracts/> (дата обращения: 10.08.2022).
24. TemplateLAB. URL: <https://templatelab.com/contract-templates/> (дата обращения: 10.08.2022).

Сведения об авторе

Добровольская Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск); e-mail: dobro.e.v@yandex.ru

LEXICAL AND GRAMMATICAL INTERPRETATION OF BUSINESS COMMUNICATION BILINGUAL DICTIONARY

E.V. Dobrovolskaya (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The effectiveness in international business communications is also provided by semantic and structural elements presented by interaction languages. Reflecting the phenomena of national culture, the linguistic units constructing bilingual business documentation strive for equivalence in content subject to the real communicative situation and the intentions of the participants.

The purpose of the article is to consider lexical and grammatical matches in the Russian and English languages that verbalize commercial relations, which take nowadays a significant share in human professional activity.

Materials and methods. In accordance with the principle of semantics and grammar unity in real-life texts, about 100 contract templates were analyzed during the research. They included contracts in sales of goods and services with different types of subjects – hiring, purchase, performance of work, etc. The main methods used are discursive analysis, structural and semantic analysis, synthesis, and interpretation.

Research results. The author defined interpretative correlates for the commercial contract terminology, including the subject of the contract and the participants in contractual relations, described thematic groups and forms of anglicisms – names of business communication – entering the Russian language, and considered grammatical specifics of individual nominations.

Conclusion. It is concluded that the comparative study of bilingual texts related to business communication contributes to business semantics description in bilingual lexicography in conditions of constantly changing business realities.

Keywords: *business communication, bilingual dictionary, interpretation, translation, lexical and grammatical match.*

References

1. Vasilev A.D. Shameless charm of anglicisms: magnetism of obscure words // Siberian philological forum. Krasnoyarsk, 2022. No. 1 (18). P. 40–50.
2. Vezner I.A. Interpretation variability and prototypical speech modelling in terms of transverbalization // Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching. Novosibirsk, 2021. Vol. 15. P. 20–26.
3. Demyankov V.Z. Cognitive linguistics as a variety of interpretative approach // Topics in the study of language. Moscow, 1994. No. 4. P. 17–33.
4. Dyakov A.I. Anglicisms: borrowing or word formation // Philology: Theory & Practice. Tambov: Gramota, 2012. No. 5 (16). P. 72–76.
5. Dyakov A.I. The reasons for the intensive borrowing of Anglicisms in modern Russian // Language and culture: collection of articles of the All-Russian Scientific Philological Conference. Novosibirsk, 2003. P. 35–43.
6. Kim I.E., Silant'ev I.V. Sphere of communication and discourse: terminological redundancy or the essential difference? // Siberian Journal of Philology. 2017. No. 4. P. 163–174.
7. Komissarov V.N. Theory of translation (linguistic aspects). Moscow: Higher School, 1990. 253 p.
8. Retsker Ya.I. On natural correspondences in translation into the native language // Questions of theory and methodology of educational translation: collection of articles / Ed. by KA. Ganshina and I.V. Karpov. Moscow, 1950.

9. Ryabtseva N.K. Cross-cultural communication, language specific dominants and authenticity issues // *Topical issues of variantology, communication studies and cognitive science*. Moscow, 2020. P. 173–180.
10. Sapozhnikova M.M. Descriptive translation of economic terms as an effective tool for solving translation difficulties // *Derzhavin Forum*. Tambov, 2020. Vol. 4, No. 15. P. 80–87.
11. Tripolskaya T.A., Matkhanova I.P. The scientific school “The interpretation potential of the language system and the creative activity of the speaker” at the Novosibirsk state pedagogical university // *Moscow University Philology Bulletin*. 2019. No. 2. P. 117–126.
12. Tripolskaya T.A., Bulygina E.Yu. Ways of lexicographic registration of pragmatic information in bilingual dictionaries // *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014. No. 6 (32). P. 51–59.
13. Translate.Yandex. URL: <https://translate.yandex.ru/> (access date: 10.08.2022).
14. Altenberg B., Granger S. Recent trends in cross-linguistic lexical studies // *Lexis in Contrast. Corpus-based Approaches. Studies in Corpus Linguistics*. Amsterdam & Philadelphia, Benjamins, 2002. P. 3–48.
15. Bogdanova D.V. Translation difficulties of phraseological units // *Language and culture: issues of modern philology and methods of teaching languages at the university: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Khabarovsk, 2020. P. 72–77.
16. Cambridge Dictionary: English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (access date: 20.08.2022).
17. Chesterman A. Consilience or fragmentation in Translation Studies today? / *Slovo.ru: baltijskij accent*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 9–20. Doi: 10.5922/2225-5346-2019-1-1.
18. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. URL: https://complit.utoronto.ca/wp-content/uploads/COL1000H_Roman_Jakobson_LinguisticAspects.pdf (access date: 01.08.2022).
19. Jotform: PDF Editor. URL: <https://www.jotform.com/pdf-templates/contract> (access date: 10.08.2022).
20. Massey G. Applied translation studies and transdisciplinary action research: Understanding, learning and transforming translation in professional contexts. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, No. 2. P. 443–461. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-443-461>.
21. Oxford Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (access date: 20.08.2022).
22. Signaturely: website. URL: <https://signaturely.com/contracts/> (access date: 10.08.2022).
23. Signwell: Contract Templates and Agreements (From 25,000 Sales Documents): website. URL: <https://www.signwell.com/contracts/> (access date: 10.08.2022).
24. TemplateLAB. URL: <https://templatelab.com/contract-templates/> (access date: 10.08.2022).

About the author

Dobrovolskaya Elena Valeryevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk, Russia); e-mail: dobro.e.v@yandex.ru

УДК 81'36

ЛАКУНЫ И ИХ ТИПЫ В ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ

И.В. Евсеева (Красноярск, Россия)

М. Чжао (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье уделяется внимание лингвистической лакунарности, а именно внутриязыковой лакунарности, которая проявляется на уровне словообразовательной системы русского языка. Одним из путей обнаружения словообразовательных лакун признается изучение комплексных единиц системы словообразования. Словообразовательное гнездо, одна из основных комплексных единиц словообразования, с позиции лакунарности оказалось за пределами внимания лингвистов.

Цель данного исследования – рассмотрение внутриязыковой лакунарности в лексико-словообразовательном гнезде с когнитивных позиций и построение типологии лакун в гнездах русского языка.

Ведущим *методом* исследования в работе явился метод сравнительно-сопоставительного анализа практического материала в сочетании с отдельными приемами его структурной и смысловой интерпретации. Кроме того, применялись дистрибутивный анализ, ориентированный на выявление признаков регулярности в строении комплексных единиц словообразования; аналитическое изучение словарных статей и специальной научной литературы.

Результаты и обсуждение. Для демонстрации явления лакунарности на уровне лексико-словообразовательного гнезда анализируются дериваты гнезда с вершиной «нога». Для выявления специфики устройства этого гнезда и установления типов лакун в нем привлекаются литературные и диалектные дериваты разных лексико-словообразовательных гнезд с вершинами – именами соматических объектов.

Заключение. В ходе анализа лексико-словообразовательного гнезда были выявлены следующие типы лакун: (1) внутрignetзовые лакуны, имеющие эквивалент в литературной подсистеме языка; (2) лакуны, имеющие эквивалент в диалектной и/или других (просторечие, жаргон) подсистемах языка; (3) лакуны, которые на внутриязыковом уровне могут быть заполнены потенциальными словами. Из выделенных трех типов лакун (2) и (3) типы рассматриваем как внутриязыковые, (1) тип обнаруживается только в лексико-словообразовательном гнезде.

Ключевые слова: лакунарность, межъязыковая лакуна, внутриязыковая лакуна, словообразовательная лакуна; лексико-словообразовательное гнездо, типология лакун.

Постановка проблемы. Пристальное внимание к явлению лакунарности наблюдается со второй половины XX в. до настоящего времени, в первую очередь в связи с изучением проблемных вопросов межкультурной коммуникации, основанной на соотношении понятий «язык» и «мышление», «картина мира» вообще и «языковая картина мира» в частности. В это время в языкознании оформляются новые междисциплинарные области знания, в русле которых вырабатываются теоретические аспекты исследования лакунарности. Так, явление лакунарности с позиции этнопсихолингвистики и межкультурной

коммуникации изучают [Жельвис, 1976; Марковина, 2004; Сорокин, Марковина, 1987; Стернин, 2007; и др.], в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики [Араева, 2014; Быкова, 2003; 2010; Сорокин, Марковина, 1983; Степанов, 2001; Попова, 2001; и др.]. Изучение явления лакунарности с позиции междисциплинарности позволило ученым обосновать возможность элиминирования лакун, оказавшихся наиболее востребованными в теории и практике перевода и лингводидактике [Габдреева, Маршева, 2016; Хайруллин, 1995; Юань, 2018; и др.].

Изучение явления лакунарности с лингвистических позиций способствовало разработке классификаций типов лакун и моделей их описания [Быкова, 2003; Марковина, 2004; Муравьев, 1975; Сорокин, Марковина 1987; и др.].

Традиционно языковые лакуны подразделяют на межъязыковые (интеръязыковые) и внутриязыковые (интралингвальные). Межъязыковые лакуны позволяют выявить пустоты при сравнении разных языков, внутриязыковые – внутри одного языка. Результаты теоретических исследований в области межъязыковых лакун сегодня широко используются в прикладных сферах. Иначе дело обстоит с внутриязыковой лакунарностью, которая подчеркивает принцип системности языка. Проблема исследования внутриязыковой лакунарности связана со сложностью выявления таких латентных ячеек в конкретной подсистеме языка. Например, еще предстоит изучить внутриязыковую лакунарность в словообразовательной системе русского языка, которая практически не изучена на уровне лексико-словообразовательных гнезд. Интерес в плане внутриязыковой лакунарности представляет сравнение дериватов, образованных от одного базового слова, но функционирующих в разных языковых подсистемах – литературной, диалектной, просторечной и др., в каждой из которых обнаруживаются лакуны. Установление деривационных лакун в лексико-словообразовательных гнездах русского языка позволит выявить типы внутриязыковых лакун, что представляет проблематику данного исследования и его новизну.

Материал и методы исследования. В представляемом исследовании явление лакунарности рассматриваем как системное для русского словообразования. Эта системность ранее уже была доказана учеными, продемонстрировавшими наличие лакун в словообразовательных парах, словообразовательных типах и словообразовательных парадигмах русского языка. Основное внимание в представляемой работе уделяется изучению типов лакун в гнезде однокоренных слов, что ранее не рассматривалось с позиции теории лакунарности.

Цель представляемой работы – обнаружение и описание внутриязыковых лакун в комплексной единице словообразовательной системы русского языка – лексико-словообразовательном гнезде. В устройстве этой комплексной единицы дериватологии системность проявляется наиболее ярко. В гнезде имеют место разные типы словообразовательных лакун – незаполненных ячеек, которые обусловлены строением системы одного языка – русского. Установление типов словообразовательных лакун – одна из ведущих задач данной работы.

Основным *материалом* исследования выступили литературные дериваты лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «нога». Для выявления специфики устройства этого гнезда, установления типов лакун в лексико-словообразовательном гнезде привлекаются литературные и диалектные дериваты разных лексико-словообразовательных гнезд с вершинами – именами соматических объектов. Деривационный материал был почерпнут из словообразовательных словарей А.Н. Тихонова [Тихонов, 1985], И.А. Ширшова [Ширшов, 2004], толковых словарей русского языка [Словарь современного..., 1948–1965; Толковый словарь..., 2007] и Словаря русских народных говоров [СРНГ, 1965–2021].

Ведущим *методом* исследования в работе явился метод сравнительно-сопоставительного анализа практического материала в сочетании с отдельными приемами его структурной и смысловой интерпретации. Кроме того, применялись дистрибутивный анализ, ориентированный на выявление признаков регулярности в строении комплексных единиц словообразования; аналитическое изучение словарных статей и специальной научной литературы.

Обсуждение результатов исследования

Лингвистическая теория лакунарности и классификация лакун. При рассмотрении проблемы лакунарности внимание большинства лингвистов уделяется межъязыковым лакунам в сопоставительном аспекте. Так, изучению межъязыковых лексических лакун посвящены работы лингвистов [Гак, 1977; Махонина, Стернина, 2019; Муравьев, 1975, Сорокин, Марковина, 1987; Степанов, 2001; Стернин, 2007; Жельвис, 1976; Марковина, 2004; и др.]. «Синхронические лакуны сравнительно легко выявляются в двуязычной (или полиязычной) ситуации при сопоставлении лексических или грамматических систем двух языков или семантических полей и слов, отражающих особенности психологического восприятия мира в целом ряде языков» [Дунь, 2007, с. 135].

Сложность явления лакунарности и неоднозначность понимания сущности лакун привели к анализу языковых лакун с разных позиций, что дало основание созданию разных классификаций. Так, для классификации межъязыковых лакун В.Л. Муравьев, выявив слова, не имеющие эквивалентной языковой единицы, при составлении двуязычных словарей предложил разграничивать абсолютные лакуны, относительные лакуны, векторные лакуны и стилистические лакуны [Муравьев, 1975, с. 8]. Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина, сопоставляя тексты оригинала и перевода, выделили речевые (частичные, полные, компенсированные), грамматические, лексические и стилистические лакуны [Сорокин, Марковина, 1983]. З.Д. Попова и И.А. Стернин, классифицируя лексические лакуны, выделяют 6 оппозиционных типов: по степени абстрактности содержания (предметные лакуны и абстрактные лакуны), по парадигматической характеристике, месту в языковых парадигмах (родовые лакуны и видовые лакуны), по системно-языковой принадлежности (межъязыковые лакуны и внутриязыковые лакуны), по типу номинации (номинативные лакуны и стилистические лакуны), по вне-

языковой обусловленности (мотивированные лакуны и немотивированные лакуны), по принадлежности к определенной части речи – частеречные лакуны [Попова, Стернин, 2001, с. 21–23]. С.И. Титкова выделяет однокомпонентные (подразделяются на абсолютные и относительные), двухкомпонентные и многокомпонентные [Титкова, 2007]. А.А. Махонина и М.А. Стернина предлагают подразделить все межъязыковые лакуны на номинативные, обобщающие и конкретизирующие [Махонина, Стернина, 2019]. Приведенные классификации языковых лакун позволяют выявить те или иные характеристики лакун и дают возможность понять, что практически все из них, за исключением классификации на межъязыковые и внутриязыковые лакуны, основаны на разных принципах.

Среди немногочисленных классификаций внутриязыковых лакун можно выделить классификационные типы выделяемых в лексике русского языка гипонимических лакун [Котцова, 2010; и др.] и разновидности лакун глаголов с семантикой звучания [Ивлиева, 2020]. Наиболее системной представляется классификация внутриязыковых лакун, предложенная Г.В. Быковой и Г.К. Быковой [Быкова, 2003, с. 148–193], разработанная на материале русского языка. Лингвисты выделяют около 16 типов лакун. Одним из предлагаемых исследователями внутриязыковых типов является системная (потенциальная) лакуна – это пустые клетки в составе неполных парадигм, в том числе лексических, которые обусловлены системным характером языка. Существование внутриязыковых лакун связано с отсутствием слова, например для обозначения существующего понятия, которое, однако, потенциально возможно в лексической системе данного языка. Ученые пришли к выводу о том, что в чистом виде лексической лакуны не существует, она всегда по типу лексико-словообразовательная. Ср., например: мясо крупнорогатых животных – мясо коровы/быка: *говядина* (согласно этимологическим данным, существительное *говядина* восходит к древнерусскому *говядо* в значении ‘крупный рогатый скот’), но не *коровятина/бычатина* (или по аналогии с узуальными словами этой семантической группы *конина*, *свинина*: *коровина/бычина*). Ср., также *медведь* – *медведица* – *медвежонок*, *волк* – *волчица* – *волчонок* с *баран* – *овца* – *ягненок*, *боров* – *свинья* – *поросенок*. В приведенных примерах узуально заполнена лексическая ниша, а словообразовательная является лакуной с точки зрения современного русского литературного языка. Этот тип лакун можно выявить при сопоставлении единиц внутри языка, в том числе с помощью единиц словообразования.

Лакуны в словообразовательной системе русского языка. Явление лакунарности на уровне словообразования, как выше уже было обозначено, изучено значительно в меньшей степени, чем на уровне лексикологии. На словообразовательные лакуны обращается внимание в исследованиях по комплексным единицам дериватологии [Евсеева, 2011; 2012; Фатхутдинова, 2006], однако проблема лакунарности в этих трудах не является самостоятельным предметом изучения.

Внутриязыковой тип словообразовательной лакунарности русского языка, считаем, еще предстоит изучать. Из уже изданных в этом направлении можно

выделить исследования Г.В. Быковой [Быкова, 2003; 2010], на которые мы выше уже ссылались. Последними работами по словообразовательной лакунарности являются статья И.В. Ивлиевой, изучившей внутриязыковые аффиксальные лакуны в ходе анализа значений глагольных модификаций с семантикой звучания [Ивлиева, 2020], и статья Н.Д. Голева и И.Г. Фаломкиной [Голев, 2020], где анализируются потенциальные дериваты. Под словообразовательной внутриязыковой лакуной авторы понимают «те ячейки словообразовательной системы, которые оказались незаполненными производными узуальными и потенциальными» единицами [Там же, с. 169].

Системность явления словообразовательной лакунарности проявляется на уровне всех комплексных единиц: словообразовательного типа, категории и гнезда. Не будем останавливаться на демонстрации примеров лакун в словообразовательных категориях русского языка и словообразовательных типах, так как это сделано в работе [Быкова, 2003] и отчасти в исследовании [Голев, 2020].

Обратимся к проявлению лакунарности в гнездах однокоренных слов русского языка. Помимо самого гнезда, комплексными считаются также деривационные единицы, входящие в его состав: пара, цепочка, парадигма. Сразу уточним, Г.В. Быкова в указанном выше исследовании приводит примеры словообразовательных лакун на уровне пары, парадигмы и цепочки, не обращая при этом к гнезду в целом как одной из основных комплексных единиц словообразования. Наша задача – рассмотрев гнездо с когнитивных позиций, показать особенности порождения производных слов в нем, где дериваты ассоциативно связываются друг с другом. Прерывание смысловой связи в гнездах типичной семантики может говорить о наличии в гнезде лакуны.

Лексико-словообразовательные гнезда с вершинами-соматизмами. Обращаем внимание, что в данном исследовании мы говорим не о словообразовательном гнезде в понимании А.Н. Тихонова, где семантика представлена имплицитно, а о лексико-словообразовательном гнезде, где учитывается семантика дериватов, наполняющих конкретное гнездо, и выявляются смысловые связи между производящим и производными словами. И.А. Ширшов, создавший в 2004 г. «Толковый словообразовательный словарь русского языка» [Ширшов, 2004], писал: «Если в основу описания гнезда положить два аспекта – семантический и словообразовательный, то такое гнездо будет лексико-словообразовательным или толково-словообразовательным: в нем мотивационные отношения и деривационные будут слиты неразрывно, гнездо действительно предстанет как структурно-семантическое целое» [Ширшов, 1999, с. 17].

Лексико-словообразовательное гнездо рассматриваем как фрагмент концепта (и, как следствие, фрагмент языковой картины мира), в котором специфично организованы производные единицы (основной лексический фонд языка) вокруг базового (непроизводного) слова. Анализируя гнездо на уровне лингвистического макроконструкта – «потенциальной модели, которая включает в себя

информацию из разных языковых подсистем», определяем его как единицу «хранения и упорядочивания информации, связанной с познавательной деятельностью человека», то есть единицу знания, которая позволяет не только установить, но и предсказать, и даже спроектировать «потенциальные возможности появления дериватов в гнездах типичной семантики» [Евсеева, 2012, с. 282–283]. Это положение согласуется с мыслью А.Р. Лурия, что «каждое слово возбуждает целую сложную систему связей, являясь центром целой семантической сети, актуализирует определенные “семантические поля”, которые характеризуют важный аспект психологической структуры слова» [Лурия, 1998, с. 109–110].

Данный тезис демонстрирует, среди прочего, особенности порождения производных слов в лексико-словообразовательном гнезде, где дериваты ассоциативно соединяются друг с другом. Значения производных единиц, организующих гнездо, демонстрируют прагматически важные для человека знания, связанные с базовым словом посредством метонимического или метафорического типов переносов. При этом семантика базового слова – вершины гнезда – предопределяет семантическое развитие этого гнезда. Так, в гнездах с вершинами-фитонимами (примеры, представленные для иллюстрации ниже, заимствованы из «Словаря русских народных говоров») будут преобладать предикатные семы: ‘садить’ (*капу́стница*₂, ‘Женщина, сажающая капусту на продажу, торговка капустой’, Вят.; *капу́стник*₂, ‘Участок земли, где посажены разные овощи’, Тамб., Калинин., Волог., Онеж., Веломор., Олон.), ‘выращивать’ (*огурéчник*₃, ‘Участок огорода, занятый под огурцы’, Ворон., Курск., Калинин., Вост.-Закам., Свердлов., Тобол.), ‘собирать’ (*грибови́к*₄, ‘любитель собирать грибы’, Костром., Твер., Петерб.), ‘готовить (из)’ (*капу́стник*₄, ‘Пирог с капустой’, Южн.-Сиб., Бурят. АССР, Вост.-Казах., Краснояр., Иркут., Свердлов., Урал., Ср. Урал, Перм.) и др.

Иной перечень предикатных сем имеет место в гнездах с вершинами – именами соматических объектов (голова, рука, нога, глаз, живот и др.). В каждом гнезде реализуется свой набор предикатных сем, составляющих смысловую основу значений дериватов. При этом специфической особенностью большинства телесных объектов является то, что они могут болеть. Отсюда тема «заболевание» является одной из ядерных в семантике производной соматической лексики русского языка. Обратимся к дериватам гнезд с вершинами, называющими разные соматические объекты. Привлекая к исследованию эмпирический материал, мы придерживаемся классификации соматических объектов, предложенной Г.Е. Крейдлиным. В ней определено несколько классов: 1. Части тела и части таких частей (голова, глаз, рука и др.); 2. Телесные жидкости (кровь, слеза, моча и др.); 3. Внутренние органы (сердце, желудок, легкое и др.); 4. Инородные образования (горб, мозоль, бородавка и др.); 5. Кости, объединения и сочленения костей (ср. кость, сустав, зуб и др.); 6. Особые места на человеческом теле или внутри него (пупок, пах и др.); 7. Вещества (мозг, жир и др.); 8. Нити (жилы, нервы и др.); 9. Телесные покровы (кожа, волосы и др.); 10. Наивные органы (ум, душа, дух и др.) [Крейдлин, 2010].

Языковой материал (дериваты русского литературного языка и его диалектов) позволил выделить следующие группы:

1) больные люди: *легочник, спинáльница* (с травмой позвоночника), *сердéчник, душевнобольной* и др.;

2) люди с телесными повреждениями или другими физическими отклонениями: *беспáлый, безглазый, безно́гий, безно́сый, одноно́гий* и др.;

3) врачи/знахари: *ухогорло́с, ко́жник, костопра́в* и мн. др.;

4) человек, способствующий спасению людей посредством передачи своей телесной жидкости: *кровода́тель*;

5) процесс лечения: *зубоврачевáние, кровеочищéние* и др.;

6) заболевание/недомогание: *косто́ед* (туберкулез костей), *костоло́м* (ревматизм) и др.;

7) причина, признак заболевания/недомогания: *зуби́ны* 'болезненное прорезание зубов', *зуд, костогры́з* (ломота в костях) и др.;

8) лечебные заведения: *больни́ца, зуболече́бница* и др.;

9) лечебные средства и средства защиты от заболевания/недомогания: *болиго́лов, сердéчница, легочница, сустáвница, мочего́нное, желчегóнное, сердечно-сосудистое* и др. Большинство производных этой группы называют лечебные растения, при помощи которых лечат тот или иной орган/часть тела;

10) типовые действия, связанные с заболеванием: *болéть, вы́лечить, подлечи́ть, отха́ркивать* (выплевывать мокроту, слизь, кровь) и др.;

11) типовые признаки, характеризующие заболевание: *ко́жный, зубно́й, борода́вчатый, мозо́льный* и др.;

12) типовые признаки, характеризующие людей по заболеванию или по их физической неполноценности: *брюшнотифо́зный, глазли́вый, душевнобольной, безно́гий* и др.

Перечисленные группы объединяют все дериваты, относящиеся к разным гнездам, в одну группу с темой «заболевание». Между выделенными группами прослеживается логико-семантическая связь, при которой один слот предопределяет другой. Так, наличие больного или человека с телесным повреждением предопределяет наличие врача. Врач в процессе лечения устанавливает болезнь и причины заболевания. Лечат больного в специальном заведении лечебными средствами и т.д.

Тема «заболевание» фрагментарно реализуется в каждом гнезде однокоренных слов, что, в частности, будет показано ниже на примере гнезда с вершиной «нога».

Лакуны в лексико-словообразовательном гнезде с вершиной «нога». Для демонстрации явления лакунарности на уровне лексико-словообразовательного гнезда обратимся к анализу дериватов гнезда с вершиной «нога». Сово *нога* представлено 4 лексемами: 1. Одна из двух нижних парных частей тела человека от бедра до кончиков пальцев. *Отсутствует правая нога*; 2. Нижняя часть

ноги человека от пятки до кончиков пальцев, стопа. *Туфля на правую ногу*; 3. Одна из парных нижних частей тела животного, прикрепленных к туловищу или голове и служащих для опоры, передвижения и других функций, важных для жизни животного. *У слона четыре ноги*; 4. Опора, нижний конец чего-либо: мебели, механизмов и т.п. *Стул на трех ногах*. Каждая из этих лексем является основой для создания дериватов гнезда, общее количество которых в литературной подсистеме русского языка составляет 171 единицу. В рамках данной статьи ограничиваем эмпирический материал дериватами, образованными от 1 и 2 лексем, которые характеризуют человека. Общее количество таких единиц составляет 69 производных слов.

Семантические связи дериватов рассматриваемого гнезда обусловлены спектром взаимосвязанных словообразовательных значений, называющих субъекта (1) по количеству ног (*одноногий, двуногий*) или их отсутствию (*безногий*); (2) по размеру ноги (в 1-м значении) (*ногастый, долгоножка, большеногий, длинноногий* и др.), (3) по размеру ноги (во 2-м значении) – малая/большая стопа (*ногатый, ножка, ножечка, ножница* и др.); (3) по ее форме (*тонконогий, широконогий* и др.); (5) по качеству, связанному со свойством ног (*быстроногий, резвногий, крепконогий, легконогий*); указывающих (6) на отношение к ноге или к ее части (*ножной, икроножный, подножный*), (7) на действие, связанное с лишением возможности ходить по причине заболевания, травмы (*обезножить* ‘Стать безногим, потерять способность ходить’, *обезножить* ‘Сделать безногим, лишить способности ходить’), (8) на признак, характеризующий людей по их неполноценности – факт отсутствия ноги (*безноготь, безногий*), (9) отсутствие способности ходить (*обезноживание*); характеризующих (10) человека с телесными повреждениями или другими физическими отклонениями (*безногий, хромоногий, хромоножка, кривоножка, кривоногий, сухоногий* и др.); называющих (11) приспособление для ног, предусмотренное в устройстве средств передвижения (*подножка, подножие*), (12) приспособление для защиты ног – обувь (*босножки, ноговица* ‘На Кавказе, Кубани: род чулок из толстой шерсти, фетра и т.п., закрывающих часть ноги, голень с коленом’ [Ширшов, 2004]); характеризующих (13) человека, у которого отсутствует на ногах защита – обувь (*босножка, босногий, голоногий*), (14) по приобретенному признаку посредством воздействия на ноги чего-либо (*мокроногий, красноногий* и др.), (15) по процессу физического воздействия на ногу (*подножка₂*, ‘Удар ногой по чьей-либо ноге снизу’).

Эмпирический материал демонстрирует фрагмент языковой картины мира, позволяющий увидеть, как непроизводное слово, являясь основой для создания других – производных единиц, соединяет их в гнезде по смыслу. Наиболее тесные смысловые связи между дериватами гнезда с вершиной «нога» групп (7) – (10), (12) – (13), которые сродни внутрисловным метонимическим связям, существующим в устройстве полисемичного деривата.

Анализ гнезд типовой семантики позволяет выявить в них лакуны, которые на уровне языковой системы могут быть заполнены либо дериватами других гнезд литературной подсистемы, либо дериватами другой подсистемы языка (диалектной, просторечной и др.) или единицами иных языковых уровней (например, свободными или связанными словосочетаниями).

Например, в литературной подсистеме русского языка в гнезде с вершиной «нога» не обнаружены дериваты, называющие приспособление, замещающее опорно-двигательную функцию людям, у которых она нарушена (*одноногий*) или вообще отсутствует (*безногий*). Нет в этом лексико-словообразовательном гнезде и единиц, называющих заболевание ног у человека, а также врача, специализирующегося на лечении ног. Эти «пустоты» имеют место в рассмотренном гнезде. На уровне системы литературного языка они могут заполняться как дериватами других гнезд, так и непроизводными словами. Например, в толковых словарях зафиксированы слова *ходунки́* (дериват гнезда с вершиной «ходить»), *костыли́* (непроизводное слово) ‘Приспособления для поддержания при ходьбе веса тела человека, нуждающегося в этом’; *артрит* (непроизводное слово), *коксартроз* (гнездо с вершиной «артроз») ‘Заболевание ног’; *подиáтр* (непроизводное слово) ‘Доктор, специализирующийся на лечении ног, лечит стопы’.

Есть в гнезде с вершиной «нога» слова литературной подсистемы русского языка, называющие человека по размеру ноги (*нога́стый*, *большенóгий*), но нет номинации людей по сходству размера обуви. Такое слово удалось обнаружить в диалектной подсистеме русского языка: *пони́жка* ‘люди, имеющие одинаковый размер обуви’ (*Мы с ним пони́жки, оба 41 размер носим.* Забайкал. [СРНГ, т. 29, с. 266]). Словари русских говоров позволили выявить отсутствующие в литературной подсистеме слова со значением приспособлений для ног, которые используются в национальных и христианских обрядах: *подно́жник* (‘Коврик, подстилка под колени во время молитвы’, Яросл., Твер., Пек., Смол., Костром., Вят., Волог., Ахр., Сев.-Двин., Свердл., Новосиб. СРНГ, т. 28, с. 102), *подно́жье* (‘Коврик, на котором стоят молодые при венчании’. *Подно́жье толстое, бархатное, на нем невеста с женихом стоят.* Твер., Яросл., Моск. Курск., Костром., Арх., Перм., Урал, Сиб., Зап-Сиб. СРНГ, т. 28, с. 103); а также слово, называющее приспособление, предназначенное для лишения ног подвижности с целью наказания: *пони́жка* (‘Кандалы’. *Пони́жки годами не снимали.* Забайкал. СРНГ, т. 29, с. 266). Эти примеры говорят о том, что лакуны, обнаруженные на материале лексико-словообразовательного гнезда литературного языка, не всегда создают «пустоты» в национальном языке, т.к. эти пустоты могут быть заполнены единицами других языковых подсистем национального языка.

Остановимся на сравнении дериватов групп (7) – (10) с дериватами других гнезд, формирующих тему «заболевание» и описанных в данной статье. В гнезде с вершиной «нога» отсутствуют дериваты, называющие больных людей, врачей, процесс лечения и нек. др. Смысловой блок «больные люди» в сомати-

ческой лексике преимущественно заполняют аффиксальные производные слова гнезд с вершинами, называющими внутренний орган (ср.: *легочник/легочница, почечник/почечница, сердечник/сердечница, желчевик*), при том что болеть у человека могут не только органы, но и такие соматические объекты, как голова, кости и суставы рук и ног и др. Производные же *головник, костник, ручник* со значением 'больной' отсутствуют в русском языке, причину чего объяснить не представляется возможным с лингвистических позиций. Тем не менее существование такой единицы, как, например, *ножник* со значением 'больной', не противоречит законам русского языка. Эта единица образована по узуальной словообразовательной модели (основа существительного + формант -ник), нет фонетических ограничений. И с позиции смысла она вполне может заполнить лауну, номинируя человека, у которого болит/ят нога/и (ср.: есть в русском языке заимствованное слово, называющее доктора, который лечит стопы ног – *подиáтр*, но нет названия человека, у которого болят стопы ног). В подобных случаях можно говорить о наличии в гнездах лаун, не имеющих эквивалентов ни в одной из подсистем конкретного языка, которые при необходимости могут быть заполнены потенциальными единицами.

Заключение. При рассмотрении языковых лаун, существующих в системе языка, нетрудно заметить, что лауны – чрезвычайно сложный и многоаспектный феномен, который проявляет себя на всех уровнях языковой системы – от фонетики до грамматики.

Лауны внутри одного языка могут обнаруживаться во всех комплексных единицах деривационной системы. Идея обнаружения явления лаунарности в такой комплексной единице словообразования, как лексико-словообразовательное гнездо, основана на установлении системности в организации значений производных слов, обусловленности их появления и прогнозируемости. Анализ лексико-словообразовательного гнезда вскрывает познавательную деятельность человека. Установление же лаун в гнездах позволяет, с одной стороны, определить типы этих гнезд, с другой – предсказать потенциальные возможности появления дериватов в гнездах типичной семантики.

В ходе анализа лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «нога» были выявлены следующие типы лаун: (1) внутригнездовые лауны – лауны, имеющие эквивалент в литературной подсистеме языка (непроизводные слова и дериваты других гнезд, словосочетания); (2) лауны, имеющие эквивалент в диалектной и/или других (просторечие, жаргон) подсистемах языка. Лауны обозначенных типов не создают смысловых пустот в русском национальном языке, что свидетельствует об эмерджентности языка, его синергии. Выделяем (3) тип лаун – «пустоты», которые на внутриязыковом уровне могут быть заполнены потенциальными словами, единицами, возникновение которых не имеет формальных и семантических ограничений в языке. Из выделенных трех типов лаун (2) и (3) типы рассматриваем как внутриязыковые, (1) тип обнаруживается только в лексико-словообразовательном гнезде.

Библиографический список

1. Араева Л.А., Максакова Е.Е. Фрейм «душа» в аспекте лакунарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-1(31). С. 27–31.
2. Быкова Г.В., Быкова Г.К. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 276 с.
3. Быкова Г.В. Лакунарность в условиях одноязычной ситуации и межкультурном диалоге // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 100–109.
4. Габдреева Н.В., Маршева Т.В. Лакуны и перевод // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 2 (90). С. 26–35.
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1977. 300 с.
6. Голев Н.Д., Фаломкина И.П. Словообразовательный тип в аспекте его лексической реализации (к проблеме лакунарности словообразовательной системы русского языка) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 166–182. DOI: 10.17223/18137083/71/14
7. Дунь Н.Л. Интралингвальные лакуны в лексической системе русского языка // Вестник Сумского государственного университета. Сер.: Филология. 2007. № 1, т. 1. С. 135–141.
8. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2012. 430 с.
9. Евсеева И.В. Комплексные единицы словообразовательной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 188–194.
10. Жельвис В.И. О некоторых национальных особенностях взаимоотношения языка и мышления // Система взаимосвязи компонентов предложения: сб. науч. тр. Ярославского гос. пед. ин-та. Ярославль, 1976. Вып. 146. С. 3–37.
11. Ивлиева И.В. Особенности семантики лакун-модификаций. К идее создания словаря лакун (на материале глаголов звучания) // Интерактивная наука. 2020. № 6 (52). С. 57–70. DOI: 10.21661/г-551671
12. Котцова Е.Е. Гипонимы в системе лексических лакун русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 564–567.
13. Крейдлин Г.Е. Тело в диалоге: семантическая концептуализация тела (итоги проекта). Ч. 1: Тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2010». М., 2010. С. 226–234.
14. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
15. Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 58–64.
16. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский тематический словарь безэквивалентной лексики. М.: ФЛИНТА, 2019. 480 с.
17. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1975. 96 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
19. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор; сост. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1965–2021 (СРНГ).
20. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.: АН СССР, Институт русского языка, 1948–1965.
21. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт классификации лакун как один из способов описания национальной специфики // Теория лингвистических классификаций. М.: Наука, 1987. С. 91–97.

22. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: сб. науч. тр. Калинин: Изд-во гос. пед. ун-та, 1983. С. 35–52.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
24. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 282 с.
25. Титкова С.И. Языковая лагуна в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2007. № 3. С. 39–50.
26. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 2: Словообразовательные гнезда. Р – Я. 886 с.
27. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2007. 1175 с.
28. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2006. 343 с.
29. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. М., 1995. 355 с.
30. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
31. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ 2: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.
32. Юань Л. Проблема классификации лексических лакун в лингвокультурологическом аспекте (на примере китайского и русского языков) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 144–147.

Сведения об авторах

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: ivevseeva@yandex.ru.

Чжао Мэйцзюань – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: 395437928@qq.com

LACUNAE AND THEIR TYPES IN A LEXICO-DERIVATIONAL NEST

I.V. Evseeva (Krasnoyarsk, Russia)
M. Zhao (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article focuses on linguistic lacunarity, namely intralinguistic lacunarity, which manifests itself at the level of the word-formation system of the Russian language. One of the ways to discover derivational lacunae is to study complex units of the word-formation system. The derivational nest, one of the main complex units of word formation, from the position of lacunarity, turned out to be beyond the attention of linguists.

The purpose of this study is to consider the intralinguistic lacunarity in the lexico-derivational nest from a cognitive position and to build a typology of lacunae in the nests of the Russian language.

The leading *method* of research is the method of comparative analysis of practical material in combination with separate methods of its structural and semantic interpretation. In addition, distributive analysis is used focusing on identifying signs of regularity in the structure of complex word-formation units. Analytical study of dictionary entries and special scientific literature was also applied.

Research results. The derivatives of the nest with the “leg” apex are analyzed to demonstrate the phenomenon of lacunarity at the level of the lexico-derivative nest. To identify the specifics of the structure of this nest and establish the types of lacunae, literary and dialect derivatives are involved of various lexical and derivational nests with the apices denoting the names of somatic objects.

Conclusion. During the analysis of the lexico-derivational nest, the following types of lacunae were identified: (1) intra-nested lacunae, which have an equivalent in the literary subsystem of the language; (2) lacunae that have an equivalent in the dialect and/or other (vernacular, jargon) subsystems of the language; (3) lacunae that can be filled with potential words at the intralinguistic level. Of the identified three types of lacunae, (2) and (3) are considered as intralinguistic types, (1) is found only in the lexico-derivational nest.

Keywords: *lacunarity; interlanguage lacuna; intralanguage lacuna; word-formation lacuna; lexico-derivational nest; typology of lacunae.*

References

1. Araeva L.A., Maksakova E.E. The frame “soul” in the aspect of lacunarity // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2014. No. 1-1 (31). С. 27–31.
2. Bykova G.V., Bykova G.K. Lacunarity as a category of lexical systemology. *Blagoveshchensk*, 2003. 276 p.
3. Bykova G.V. Lacunarity in a monolingual situation and intercultural dialogue // *Siberian Pedagogical Journal*. 2010. No. 2. С. 100–109.
4. Gabdreeva N.S. Marsheva T.S. Lacunae and transition // *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2016. No. 2 (90). С. 26–35.
5. Gak V.G. *Comparative typology of French and Russian languages*. L.: Enlightenment, 1977. 300 p.
6. Golev N.D., Falomkina I.P. Word-formation type in the aspect of its lexical realization (on the problem of lacunarity of the word-formation system of the Russian language) // *Siberian Philological Journal*. 2020. No. 2. P. 166–182. DOI: 10.17223/18137083/71/14
7. Dun N.L. Intralingual lacunae in the lexical system of the Russian language // *Bulletin of Sumy State University. Series “Philology”*. 2007. No. 1, vol. 1. P. 135–141.
8. Evseeva I.V. *Cognitive modeling of the word-formation system of the Russian language (based on the material of complex units): dissertation of the Doctor of Philology*. Kemerovo, 2012. 430 p.

9. Evseeva I.V. Complex units of the word-formation system // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2011. No. 3 (47). P. 188–194.
10. Zelvis V.I. On some national peculiarities of the relationship between language and thinking // *The system of interrelation of the components of the proposal: collection of scientific works of the Yaroslavl State Pedagogical Institute*. Yaroslavl, 1976. Is. 146. P. 3–37.
11. Ivlieva I.V. Features of semantics of lacunae modifications. To the idea of creating a dictionary of lacunae (based on the material of sounding verbs) // *Interactive science*. 2020. No. 6 (52). P. 57–70. DOI: 10.21661/r-551671
12. Kottsova E.E. Hyponyms in the system of lexical lacunae of the Russian language // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2010. No. 4-2. P. 564–567.
13. Kreidlin G.E. The body in dialogue: semantic conceptualization of the body (project results). Part 1: The body and other somatic objects // *Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog-2010"*. Moscow, 2010. P. 226–234.
14. Luria A.R. *Language and consciousness* / Ed. by E.D. Chomsky. Rostov n/A: publishing house "Phoenix", 1998. 416 p.
15. Markovina I.Yu. Method of establishing lacunae in the study of ethnopsycholinguistic specificity of cultures // *Questions of psycholinguistics*. 2004. No. 2. P. 58–64.
16. Mahonina A.A., Sternina M.A. *English-Russian thematic dictionary of non-equivalent vocabulary*. Moscow: FLINTA, 2019. 480 p.
17. Muravyev V.L. *Lexical lacunae (based on the vocabulary of the French and Russian languages)*. Vladimir, 1975. 96 c.
18. Popova Z.D., Sternin I.A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh, 2001. 191 p.
19. *Russian Russian Vernacular Dictionary* / Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language, Dictionary sector; comp. F.P. Filin. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965–2021.
20. *Russian Russian Dictionary of the Modern Literary language: in 17 vol.* / edited by V.I. Chernyshev. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language, 1948–1965.
21. Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Experience of classification of lacunae as one of the ways of describing national specifics // *Theory of linguistic classifications*. Moscow: Nauka, 1987. P. 91–97.
22. Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. The experience of systematization of linguistic and culturological lacunae: methodological and methodological aspects // *Lexical units and organization of the structure of a literary text: collection of scientific works*. Kalinin: Publishing House of the State Pedagogical Institute. university, 1983. P. 35–52.
23. Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project, 2001. 990 p.
24. Sternin I.A. *Contrastive linguistics: problems of theory and research methodology*. Moscow, 2007. 282 p.
25. Titkova S.I. Linguistic lacuna in the practice of teaching RCT // *Russian language abroad*. 2007. No. 3. P. 39–50.
26. Tikhonov A.N. *Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 vol.* Moscow: Rus. yaz., 1985. Vol. 2: *Word-formation nests*. R – Ya. 886 c.
27. *Russian Russian dictionary with the inclusion of information about the origin of words* / Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: RAS, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, 2007. 1175 p.
28. Fatkhutdinova V.G. *Complex units of word formation in Russian and Tatar languages: specialty 10.02.20 "Comparative historical, typological and comparative linguistics": diss. ... doctor of Philology*. Kazan, 2006. 343 p.
29. Khairullin V.I. *Linguoculturological and cognitive aspects of translation: diss. ... doctor of Philology*. 10.02.20. Moscow, 1995. 355 p.
30. Shirshov I.A. *Theoretical problems of nesting*. Moscow: Prometheus, 1999. 236 p.

31. Russian Russian dictionary: A comprehensive description of Russian vocabulary and word formation. Moscow: AST 2: Publishing House Astrel: Russian dictionaries: Ermak, 2004. 1022 p.
32. Yuan L. The problem of classification of lexical lacunae in the linguoculturological aspect (on the example of Chinese and Russian languages) // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7, No. 4 (25). P. 144–147.

About the authors

Evseeva, Irina Vladimirovna – DSc (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language and Speech Communication, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ivevseeva@yandex.ru

Zhao Meijuan – PhD Candidate, Department of the Russian Language and Speech Communication, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: 395437928@qq.com

УДК 82-145

ДИАЛОГ С РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В ПОЭЗИИ О.Г. ПАРАМОНОВА

Р.В. Любарский (Брянск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В связи с недостаточной изученностью межтекстовых связей творчества О.Г. Парамонова, а также сюжетно-тематических связей классических произведений русской литературы и стихов брянского поэта проблематика является сегодня актуальной.

Цель работы – описание функциональных особенностей эпиграфов, интертекстуальных форм: аллюзий и цитат в сборнике О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок», а также установление сюжетно-тематического взаимодействия стихов поэта с произведениями классиков русской литературы.

Обзор научной литературы. Проблемой межтекстовых связей занимались такие исследователи, как А.А. Богодерова, А.А. Еникеев, Е.Ю. Потапчук, Г.О. Андреева. Однако творчество О.Г. Парамонова объектом исследования литературоведов не становилось.

Методология (материалы и методы). В качестве основных методов использованы сравнительно-исторический и структурный методы. Исследование проведено на материале сборника стихов О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок».

Результаты исследования. В ходе исследования обнаружено, что аллюзии и цитаты выполняют разные функции: данные интертекстуальные формы, с одной стороны, противопоставляют поэтический мир Парамонова миру классических поэтов и прозаиков, а с другой – способствуют воплощению в поэзии Парамонова идей, тождественных классическим литературным произведениям. Сделан вывод, что благодаря аллюзиям и цитатам Парамонов воспроизводит образ современного мира, который как перекликается с реальностью, изображенной поэтами и прозаиками XIX в., так и противоположен ей.

Ключевые слова: *Парамонов Олег Геннадьевич, «Затяжной прыжок», аллюзия, цитаты, интертекстуальные формы, сюжетно-тематическая связь, современная поэзия, эпиграфы, русская литература XIX в.*

Постановка проблемы. Проблема диалога в рамках литературоведения предполагает выявление взаимосвязи двух и более художественных явлений (литературных направлений, литературных миров разнообразных стран и т.д.), а также исследование соотношения литературы с другими дисциплинами. Изучение взаимосвязи объектов литературоведения реализуется с помощью выявления межтекстовых связей, в частности особенностей функционирования эпиграфов, а также интертекстуальных форм: аллюзий и цитат в определенных текстах. Не менее важным аспектом являются сюжетно-тематические связи между художественным источником и реципиентом. Автор может вступать в спор, полемику с литературным произведением, тем самым переосмысляя и даже опровергая заложенные в нем идеи. Следовательно, целью нашей статьи является исследование функциональных особенностей аллюзий, цитат, эпиграфов, а также сюжетно-тематического взаимодействия с произведениями классической литературы в стихах О.Г. Парамонова (сборник «Затяжной прыжок», раздел «У книжной полки»).

Обзор научной литературы. А.А. Богодерова рассматривает межтекстовые связи (диалог) произведений шанхайских поэтов-эмигрантов 1930–1940-х гг. с русской литературой XIX и начала XX в. [Богодерова, 2021]. А.А. Еникеев исследует проблему взаимодействия (диалога) философии и литературы. Автор приходит к выводу, что постмодернистское произведение А. Пятигорского содержит в себе особую позицию наблюдателя, которая переосмысливается писателем в качестве компонента «обсервационной философии» [Еникеев, 2020].

Е.Ю. Потапчук исследует научно-философские проблемы современной зарубежной фантастики. Автор сравнивает взгляды китайского писателя-фантаста Лю Цысиня с идеями польского футуролога Станислава Лема и французского антиутописта Мишеля Уэльбека, при этом выявляя точки соприкосновения фантастических концепций данных прозаиков [Потапчук, 2019]. В рамках педагогической науки Г.О. Андреева осмысливает диалог как изучение значимости и возможности применения краеведческих текстов на уроках литературы в 5–9-х классах [Андреева, 2015]. Творчество Парамонова Олега Геннадьевича предметом изучения литературоведов не становилась. В данной статье мы впервые рассматриваем поэзию Парамонова в контексте диалога с художественной литературой. Однако Парамонов упоминается в качестве респондента в статье О.В. Вороницовой и М.Л. Шеметун, посвященной изучению регионального компонента как части научной и воспитательной работы со студентами [Вороницева, Шеметун, 2014].

Методология (материалы и методы). В статье мы используем структурный метод, который позволяет исследовать роль аллюзий, цитат и т.д. в обозначении концептуального смысла поэзии Парамонова, основанного на определенном тексте-источнике. Также мы применяем сравнительно-исторический метод, благодаря которому становится возможным изучение общности сюжетно-тематических отношений между творчеством Парамонова и произведением классической литературы, исследование их отличительных особенностей, выраженных в переосмыслении автором идейного содержания текста-первоисточника. Исследование проведено на материале сборника стихов О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок».

Результаты исследования. О.Г. Парамонов – брянский поэт, заслуженный учитель России (1992), абсолютный победитель конкурса «Учитель года России» (1993). Он является автором таких поэтических сборников, как «Переходный возраст» (Москва, 1996), «Избранное» (Берлин, 1997), «Часы над вокзалом» (Самара, 2001), «Стихи и тосты для веселого застолья» (Ярославль, 2005), «Четыре “П”» (Тюмень, 2009), «Явка с повинной» (Брянск, 2014), «Затяжной прыжок» (Ярославль, 2020).

Наиболее ярко художественное взаимодействие с классической литературой проявляется в сборнике Парамонова «Затяжной прыжок». Один из разделов книги автор называет «У книжной полки», тем самым намекая на связь последующих в нем стихотворений с произведениями классиков. Однако в сборнике «Явка с повинной» поэт называет подобный раздел «Панибратство с классикой»,

подчеркивая более тесную взаимосвязь с историей русского литературного процесса. Автор связывает свое творчество с классическим эпическим и лирическим творчеством благодаря внутритекстовым аллюзиям, цитатам и эпитафиям. При этом Парамонов откликается на авторскую мысль, вступая с классиками в полемику. Поэт рассматривает заложенные известными поэтами и прозаиками идеи в контексте своего жизненного опыта.

Эпитафия к стихотворению «Когда приходит грустная пора...» отсылает читателя к произведению А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». Пушкин рассказывает о том, как «два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” – спросил я их. “Из Тегерана”. – “Что вы везете?” – “Грибоеда”» [Пушкин, 1959–1962, с. 434]. Однако Парамонов в качестве эпитафии берет лишь первое предложение из приведенной цитаты, таким образом создавая аллюзию на описанную Пушкиным собственную встречу с телом убитого А.С. Грибоедова. Парамонов не просто намекает на своеобразную последнюю встречу двух великих поэтов. Стихотворение содержит аллюзию на размышления Пушкина, связанные с тем, что он увидел транспортное средство, которым управлял грузин, везущий тело Грибоедова. По мнению Пушкина, смерть Грибоедова в Тегеране в ходе неравной битвы не была ужасной, а наоборот, мгновенной и прекрасной. Парамонов переносит акцент с локального события – смерти одного человека, поэта Грибоедова, на более глобальное, но сопряженное с данным событием, философское размышление о смерти. Жизнь Парамонов ассоциирует с постоянным двором, в то время как смерть принимает художественный облик «постоянного двора». Автор не скрывает в связи с этим печали и сожаления лирического героя:

Когда приходит грустная пора
И мы, увы, обязаны признать,
Что время с постоянного двора
На постоянный двор переезжать [Парамонов, 2020, с. 144].

«Постоянный двор» в контексте стихотворения – аллюзия на приведенный выше фрагмент из пушкинского травелогического произведения. Постояльный двор представляет собой недорогое место (гостиницу, подворье и т.д.) для отдыха с двором для размещения животных, используемых людьми для перевозок. Именно содержание лошадей, волов и др., а также дешевизна подобной гостиницы служит намеком на двух волов и на обыкновенного небогатого мужика, сопровождавшего Грибоедова в последний путь. Жизнь, по мнению Парамонова, представляется путешествием данного субъекта с остановками на постоянных дворах (временных пристанищах) с последующей смертью, метафорически осмысляемой в виде постоянного двора – кладбища или ирреальных христианских миров – рая и ада. Продолжая собственные размышления о смерти, автор иронизирует по поводу возможной судьбы умершего человека, аналогичной грибоедовской. Это достигается с помощью аллюзивной цитаты из произведения

Пушкина, вплетенной в заключительный катрен. Лирическому герою Парамонова приятно думается о тех самых волах, а главное, о мужике с незавидной, по его мнению, работой:

Отрадно думать, что останки наши
Сопроводят, кляня свою судьбу,
Случайный путник, шляпу приподнявши,
И два вола, впряженные в арбу [Там же, с.144].

Рассуждение поэта о смертности каждого человека является определенного рода реакцией на локально сконцентрированную пушкинскую мысль о кончине Грибоедова. Таким образом, в стихотворении Парамонова прослеживаются размышления о конечности жизни в тесной аллюзивной связи с грибоедовским эпизодом произведения Пушкина «Путешествие в Арзрум».

В стихотворении «Читайте Тютчева, поэты!» эпитафия, как и начальная строчка, служит отсылкой на одноименное стихотворение поэта В.М. Сидорова. Сидоров строками, которые использовал Парамонов в качестве эпитафия, заканчивает свои многочисленные описания собственных ощущений от прочтения лирики Тютчева, а также призывает ознакомиться с творчеством классика:

Читайте Тютчева, поэты,
В нем есть предчувствие ответа,
А это больше, чем ответ [Уральский магнит].

Первая строка стихотворения Парамонова выполняет аллюзивную функцию, позволяющую поэту вступать в художественный диалог с Сидоровым. Брянский поэт иронизирует по поводу нелепости употребления слов «предчувствие ответа» и «ответ» в пределах одного катрена, так как очевиден стихотворный парадокс: ощущение близости ответа не может являться ответом, тем более быть чем-то большим. Парамонов иронично намекает на востребованность в современной литературе людей, не обладающих способностью писать стихи. В то время как значимому и талантливому поэту среди них не найдется места. Именно поэтому Парамонов выражает положительные эмоции в связи с тем, что Ф.И. Тютчев не родился в XX столетии (стихотворение было написано в июне 1985 г.):

Читайте Тютчева, поэты!
Какое счастье, что он жил
В прошедшем веке, а не в этом.
А то бы вряд ли издан был [Парамонов, 2020, с. 147].

Возможно, в данной строфе Парамонов, отвечая на стихотворение о Тютчеве, насмехается, исходя из своего субъективного мнения, в том числе над отсутствием способности у Сидорова писать стихи, в то время как востребованность Сидорова на литературном поприще характеризуется многочисленными изданными поэтическими и прозаическими произведениями. В последующую строфу

Парамонов включает ироничный призыв читать Сидорова. При этом фраза «читайте Сидорова вирши» является интертекстуальной проекцией «сидоровской» строки «читайте Тютчева, поэты».

С точки зрения брянского поэта, стихи Сидорова не имеют ничего общего с поэзией. Именно поэтому они предназначены для соответствующей целевой аудитории. А повторяющаяся призывная цитата из стихотворения Сидорова мало того, что усиливает контраст между классической поэзией и его стихами, так еще переосмыслена Парамоновым в качестве послания настоящим поэтам. В отличие от произведения Сидорова, в котором поэты показаны в качестве обобщенного адресата, Парамонов разделяет данных субъектов творчества на настоящих (умеющих писать стихи) и ненастоящих (не умеющих писать стихи). При этом не менее важную аллюзивную роль играет словоформа «вирши», подчеркивающая пренебрежительное отношение к «сидоровской» литературной деятельности:

Читайте Тютчева, поэты.
А коль в поэты вы не вышли,
Купивши брянские газеты,
Читайте Сидорова вирши [Там же].

Следовательно, во второй строфе благодаря внедренной цитате, словам-аллюзиям, входящим в нее, иронизирование над поэзией Сидорова усиливается. В последнем катрене Парамонов использует перефразированную модель цитаты из стихов Сидорова, которая вновь подчеркивает несостоятельность данного субъекта в качестве поэта. Брянский поэт изображает парадоксальную сочетаемость слов, как в оригинальном стихотворении «Читайте Тютчева, поэты!». В произведении Парамонова находим:

В том нет особого секрета,
Что он уже немало лет
Имеет звание поэта,
А это больше, чем поэт [Там же].

Таким образом, функционально переосмысленная в произведении Парамонова цитата из произведения поэта Сидорова, а также приведенный эпиграф, связанный с его творчеством, способствуют передаче ироничного отношения к отдельно существующему поэтическому пространству, а также усилению контраста между «хорошей» поэзией и «плохой».

Эпиграф к стихотворению «Жизнь идет. Все те же разговоры...» связывает его с произведением Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Поэт использует в качестве эпиграфа заключительную фразу из гоголевского произведения: «Скучно на этом свете, господа» [Гоголь, 1982, с. 419]. Эта фраза подводит итог бесконечным судебным тяжбам в ходе непрекращающейся ссоры, а также неоднократным попыткам примирения Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Мир между героями невозможен,

потому что, как пишет В.В. Замбаев, «Иван Иванович высокомерен <...>...по сути ничем не отличается от соседа. Автор показывает глупость и никчемность жизни обоих героев, тупик их человеческой жизни. Гоголь учит людей не быть похожими на таких персонажей, погрязших в серости обыденной жизни» [Замбаев, 2006, с. 182]. Имея в виду показанные Гоголем пороки своих героев, Парамонов вступает в художественный диалог с классиком касательно данной темы.

Поэт, ориентируясь на современность, приходит к выводу, что со времен описанной Гоголем «серости обыденной жизни» ничего не изменилось. Словоформы «спор» и «пересуды» представляют собой аллюзию на конфликт гоголевских персонажей. А значит, как пишет Парамонов, гоголевский спор является основой современной жизни человека:

Жизнь идет. Все те же разговоры,
Те же споры, тот же пересуд... [Парамонов, 2020, с. 147].

Однако полемизируя с классиком о недостатках повседневности, поэт приводит пример из современной жизни, о том, что «Высокопоставленные воры / Те же обещания дают» [Там же]. «Те же обещания» служат намеком на сюжетный эпизод произведения Гоголя о том, как Иван Никифорович пообещал побить лицо Ивану Ивановичу, что и стало финальной точкой в их ссоре. Современный мир, связанный с «высокопоставленными ворами», тем самым становится идентичным художественному гоголевскому пространству, основанному на ссоре персонажей, в связи со сходными угрозами со стороны одного из них. Первая строка второго катрена служит внутристрихотворной аллюзией на конечную фразу Гоголя и так же призвана подвести своеобразный печальный итог, основываясь на нравах тех или иных людей:

Та же скука и тоска все та же.
И в столицах тех и в глуши
Та же, как и прежде, распродажа
Совести, и тела, и души [Там же].

«Распродажа совести и души» является аллюзивным сопоставлением с судопроизводством в произведении «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Как свидетельствуют Ю.С. Даричева и И.Ф. Величко, в гоголевском суде «секретарь, не спеша, читает решение по делу таким унылым голосом, что сам подсудимый того гляди уснет. Судья в это время ведет разговоры на посторонние темы. Но это не мешает ему “подмахнуть” решение, и машина правосудия движется дальше – начинается слушание нового дела» [Даричева, Величко, 2020, с. 56]. Желание быстро закончить судебных процесс, не ориентируясь на справедливость принятого решения, идет вразрез с морально-нравственными аспектами человеческой личности. Парамонов избраженную им галерею аморальных состояний современного человека, аналогичных гоголевским, объединяет в «невымытую Россию». При этом примени-

тельно к ней вводит образ свиней: «Посреди невымытой России / В тех же лужах те же свиньи спят» [Парамонов, 2020, с. 147].

«Свиньи» служат аллюзией на сюжетный компонент произведения Гоголя: свинья Ивана Ивановича оказывается в доме Ивана Никифоровича, совершая некрасивый поступок, – убегает с судебной жалобой Ивана Никифоровича. Помимо этого, «свинья» отсылает читателя к началу конфликта двух помещиков: именно на нее и два мешка овса Иван Иванович предлагает Ивану Никифоровичу обменять ружье. Однако поэт превращает данный намек в функционирующий в его поэтическом мире образ недобросовестного человека, а образ России превращает в интертекстуальное явление, сопряженное со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия». Подобно Лермонтову, который осмысляет порочность и уродство России в лице следящих за людьми жандармов, Парамонов в тесной взаимосвязи с гоголевскими образами изображает собственной вариант «темной стороны» своей страны. При этом брянский поэт обобщает описанный им нравственный упадок (воры, продажа совести, тела и т.д.) во введенное Лермонтовым метафорическое именование собственной страны, скрыто сопоставленной с лексемой «грязь». Несмотря на описанные пороки России, брянский поэт сожалеет о судьбе человека, не пожелавшего что-то изменить в лучшую сторону:

Человек все также безутешен
И неповоротлив на дела...
Славная, однако же, бекеша
У Иван Иваныча была [Там же].

С помощью обобщенного обозначения неспособности каждого современного человека принимать важные решения автор намекает на сюжетную развязку гоголевского произведения, в ходе которой никто из двух помещиков так и не предпринял попыток помириться друг с другом. В то время как художественно вплетенный начальный элемент повести Гоголя «Славная бекеша у Ивана Ивановича!» [Гоголь, 1982, с. 373] функционирует в стихотворении Парамонова в качестве выражения сожаления о том, что времена, когда все было хорошо, закончились. Таким образом, аллюзии и цитаты, использованные Парамоновым, помогают ему создать собственный образ порочной России, ориентируясь на современные реалии.

В стихотворении «Весело, вольготно ли...» Парамонов с помощью художественно переработанной цитаты «Весело, вольготно ли / На Руси так жили» [Парамонов, 2020, с. 153] выражает авторское отношение к жизни на Руси в XIX в. Поэт сомневается, что люди действительно могли жить хорошо. Н.А. Некрасов, в свою очередь, на творчество которого намекают строки стихотворения, использует собственную формулировку «Кому живется весело, / Вольготно на Руси?» [Некрасов, 2011, с. 865] в поэме «Кому на Руси жить хорошо» как причину путешествия мужиков с целью узнать, изменилась ли жизнь народа в лучшую сторону после отмены крепостного права. По мнению Е.Н. Мирошниченко, в поэме Некрасова «народ, описанный в прологе, тоже выглядит жалко, бедно,

бесперспективно» [Мирошниченко, 2019, с. 146]. Автор статьи выделяет хронотоп, который «дает Некрасову возможность описать тяжесть русского народа через катализирующую ее реформу 1861 года, когда человек получил личную свободу, но остался финансово зависим» [Там же]. Именно с целью демонстрации тяжелой судьбы людей, описанных в поэме Некрасова, Парамонов цитирует классика. Брянский поэт изменяет категорию числа, лица и времени глаголов, утверждая, что русские люди «До смерти работали / До полусмерти пили» [Парамонов, 2020, с. 153]. Труд до смерти и пьянство до полусмерти служат характеристикой жизни крестьянина Якима Нагого из некрасовской поэмы. Парамонов обобщает данную характеристику, перенося ее на русский народ в целом. Эти строки отразились и в эпиграфе к стихам Парамонова, функция которого заключается в обозначении некрасовской мысли об ужасной жизни людей как главной идеи произведения брянского поэта.

Последняя строфа – ответ Некрасову с опорой на повседневность. Брянский поэт видоизменяет некрасовские строки, чтобы показать негативную сторону человеческой жизни. У Некрасова тяжесть крестьянского труда изображена в гиперболизированной форме. Классик делает акцент на работающих до изнеможения людях, но в гастрономическо-алкогольном контексте. Алкоголь служит второстепенным явлением, примыкающим к основному. Парамонов смещает акцент с работающего человека на человека порочного. Работа современного человека обозначена с помощью иронии: он трудится только для того, что удовлетворить свой порок – алкогольную зависимость. Поэтому Парамонов пишет:

А нынче так: и там и сям,
В деревне и в столице,
До полусмерти трудимся,
Чтоб до смерти напиться [Там же].

Таким образом, цитируя «Кому на Руси жить хорошо», Парамонов воссоздает образ современной поэту России, отчасти тождественной описанной Некрасовым жизни людей после отмены крепостного права.

В произведении «Божественным отмеченная знаком...» прослеживается связь с произведением М.Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен». Лермонтов акцентирует внимание на людях, лишенных духовной составляющей – бездушных, которые благодаря внешним элементам вписываются в обыденный мир. Находясь среди подобных субъектов, лирический герой погружается в собственные мечты. Однако в тот миг, когда с помощью «шума толпы» герой вернется из мира грез в повседневность, ему захочется покарать бездушных людей, выставив напоказ их пороки. Данный процесс должен осуществиться с помощью поэзии:

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!.. [Лермонтов, 1983, с. 48].

В ответ на произведение Лермонтова Парамонов тоже хочет наказать аморального человека посредством разоблачающего стихотворения. Брянский поэт берет первые две строки цитируемого нами фрагмента из стихотворения классика в качестве эпиграфа к своему произведению, выражая сходные с Лермонтовым мысли об обличительной функции поэзии. Более того, Парамонов включает в свою строфу перефразированный вариант строк Лермонтова для демонстрации того же аспекта. «Бездушные люди» Лермонтова художественно воплощаются (заменяются контекстным синонимом) у Парамонова в виде «подлецов». Причем, в отличие от классика, автор «Затяжного прыжка» противопоставляет обличительную функцию поэзии исцеляющей:

Божественным отмеченная знаком,
 Поэзия врачует нам сердца,
 Но как мне хочется, однако,
 Смутить стихом веселость подлеца [Парамонов, 2020, с. 152].

В последующем катрене Парамонов использует словоформу «нечисть», с одной стороны, обозначая подлых людей, с другой – сопоставляя человека с нечистой силой «в человеческом обличье». При этом в обеих трактовках этого понятия прослеживается аллюзия на изображение бездушных людей у Лермонтова. Парамонов метафорически осмысляет обличительную функциональную особенность стихов как позорный столб, на котором каждому подлому человеку будут видны его негативные качества. Причем поэтические строки скрыто сравниваются автором с гвоздями:

И нечисть в человеческом обличье,
 Не усмиряя яростную прыть,
 Отточенную рифмою публично
 К столбу позора строчкой пригвоздить [Там же].

Позорный столб служит намеком на исторический период, в рамки которого вписывается жизнь и творчество Лермонтова, а именно на Россию XIX в. До 1880 г. к столбу позора ставили людей, отбывающих наказание на каторге или в ссылке на поселение в отдаленную от привычного места жительства местность. Таким образом, цитирование Лермонтова в пределах исследуемого нами стихотворения, включение в качестве эпиграфа лермонтовских строк, а также аллюзивный характер отдельных словоформ способствуют выражению со стороны Парамонова сходного с классиком желания обличить пороки бездушных людей/подлецов с помощью поэзии.

В качестве эпиграфа к произведению «Что-то в жизни точно...» поэт берет начальную строку из стихотворения В.В. Маяковского «А вы могли бы?»: «Я сразу смазал карту будня...» [Маяковский, 2011, с. 20]. Л.Ю. Большухин и М.А. Александрова замечают, что в стихотворении «А вы могли бы?» «процесс преобразования обыденного мира начинается с переосмысления неловкого, случайного жеста, который угадывается за декларацией “я”: на “карту будня” пролито вино, вероятнее всего, красное вино, ставшее “краской из стакана” <...>. В итоге все внимание приковано к удивительным возможностям творческого

контакта “я” с миром» [Большухин, Александрова, 2018, с. 598]. Уже в первой строке стихотворения Маяковский не просто видоизменяет повседневную действительность, а преобразует ее с помощью творческого начала. Благодаря эпитафическим аллюзиям данный аспект становится объектом для изображения в стихотворении Парамонова. Применительно к нынешнему миру автор, как и Маяковский, изображает «смазанную карту будня». Однако если Маяковский привносит в мир множество новых явлений, не приносящих вред, то Парамонов показывает извращенный вариант изменившейся повседневности. Так, аллюзия на водосточные трубы, на которых Маяковский предлагал сыграть ноктюрн, в процессе творческого преобразования соединив несоединимое (оксюморон), сменяется портящими воздух трубами. Именно символом правильного пути творческого изменения мира в поэзии Парамонова предстает слово-аллюзия «водосточные трубы»:

Что-то в жизни точно
Изменилось круто.
Вместо водосточных
Выхлопные трубы [Парамонов, 2020, с. 158].

Намек на водосточные трубы из произведения «А вы могли бы?» порождает контраст между необычно влияющим на повседневность творческим мышлением и угнетающей картиной современности. Парамонов не оставляет без внимания поэзию века нынешнего и века минувшего. Автор противопоставляет поэтический талант Маяковского современной поэзии. Это достигается с помощью упоминания специфики рифмовки стихотворных строк:

Вместо рифмы четкой
Рифма «как придется»,
Приглашаем черта
В гости вместо солнца [Там же].

Приглашение в гости черта свидетельствует о склонности современного человека к злему началу. В то время как, упоминая приглашение к себе в дом солнца, поэт намекает на «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Парамонов применяет аллюзивное противопоставление склонности нынешних людей к злу с предназначением нести в мир что-то прекрасное. Именно к данному выводу приходит Маяковский в своем стихотворении. В «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче» возможность нести миру добро ассоциируется со светом, который поэт дарит окружающим с помощью своих стихов:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца! [Маяковский, 2011, с. 70].

В последующей строфе слова-аллюзии «флейта» и «позвоночник» отсылают к поэме классика «Флейта-позвоночник». Причем флейта функционирует в стихотворении брянского поэта в качестве символа проявления чистого и искреннего чувства – любви. Именно она является неотъемлемым компонентом каждого человека. Поэтому лирический герой Маяковского в своей поэме метафорически исполнял на флейте-позвоночнике (собственном стержне) ноты сердца и души людей. Однако второй компонент названия произведения классика – позвоночник служит для изображения противоположного: вместо искреннего (обнаженного) чувства мы видим обнаженную фею. Причем порочность данной феи заключается не только в ее наготе, но и в демонстрации этого в качестве публичного развлечения. Не случайно Парамонов сближает позвоночник с шоу:

Вместо чуткой флейты
 Чуждый и порочный
 Обнаженной феи
 Шоу-позвоночник [Парамонов, 2020, с. 158].

Строка «Вместо желтой кофты / От Кардена фраки...» [Там же, с. 158] намекает на стихотворение Маяковского «Кофта фата». Герой этого произведения – самовлюбленный человек и любовник, эпатирующий окружающее пространство вызывающим поведением, а также желтой кофтой, необходимой для того, чтобы выделиться среди серой повседневной жизни. Именно желание не быть таким, как окружающие поэта обыватели, противопоставляет Парамонов в своем произведении в виде аллюзивной «желтой кофты» общепринятой моде на дорогие вещи, к примеру, моде на фрак, созданный французским модельером Пьером Карденом. Стремление следовать модным тенденциям делает людей практически одинаковыми – похожими друг на друга, что в контексте произведения продолжает дополнять негативные стороны окружающего брянского поэта мира.

В итоге Парамонов, основываясь на введенной в качестве эпиграфа строке стихотворения «А вы могли бы?», создает кольцевую композицию, делая причинно-следственный вывод о происхождении порочных компонентов нынешней реальности. Строка «Кто-то карту будня / Смазал неумело» [Там же] свидетельствует об ограниченности мышления людей, неспособных, благодаря творческому началу определенного рода, трансформировать окружающую среду во что-то хорошее. Парамонов интертекстуально вводит цитату из произведения Маяковского для того, чтобы изобразить собственный вариант «смазанных будней», который будет иметь негативный оттенок. При этом переосмысленные строки-выводы автора – антоним «смазанным будням» Маяковского, герой которого «плеснул краской из стакана». Следовательно, в подтверждение «смазанности» современного существования появляются персонажи, стремящиеся умереть:

В очередь под пулю
 Лезут оголтело.
 Кто-то карту будня
 Смазал неумело [Там же].

Таким образом, Парамонов в стихотворении «Что-то в жизни точно...» воссоздает «неумело смазанную» картину реалий повседневности, с помощью аллюзий противопоставляя ее изображенной в стихах Маяковского поэтическому миру.

В стихотворении брянского поэта «Никогда я не был на Босфоре...» первая строка взята из одноименного стихотворения С.А. Есенина. Лирический герой поэта Серебряного века осознает, что девушке, находящейся рядом, незнакомы его чувства, а именно причина его разочарования и усталости. На фоне этого он признается, что никогда не был на Босфоре, в Багдаде, однако в душе героя нет в связи с этим печали: в глазах своей спутницы он наблюдает море. Аллюзия в виде есенинской цитаты в произведении Парамонова необходима для создания контраста: скучающий и усталый путник Есенина, находящийся в жаркой местности, противопоставлен заключенному концентрационного лагеря. Герой Парамонова сожалеет о том, что никогда не был на Босфоре, но в контексте лагерной жизни:

Никогда я не был на Босфоре,
Видно, карты выпали не те.
Но зато я был на Беломоре,
В Соловках, Надыме, Воркуте [Парамонов, 2020, с. 162].

Автор перечисляет населенные пункты, в которых размещались лагеря для заключенных, тем самым обозначая трудность жизненного пути лирического героя. Цитата из произведения Есенина также служит для обозначения теплого края, который противопоставлен жестокому лагерному климату. Однако у есенинского героя все-таки есть возможность оказаться на Босфоре, в отличие от персонажа Парамонова. Лирический герой брянского поэта осознает конечность собственной жизни на фоне заключения в лагере. Однако он смирился со своей судьбой, но временами выражает обиду в связи с несправедливым отсутствием возможности оказаться в жаркой местности. Именно для этого поэт вновь включает в стихотворение цитату из произведения Есенина:

Не жалею, не зову, не спорю,
Просто мне обидно иногда:
От того, что не был на Босфоре
И уже не буду никогда [Там же].

Заключение. Таким образом, в данной статье мы исследовали функциональную особенность эпиграфов, аллюзий и цитат в контексте диалогического взаимодействия творчества О.Г. Парамонова и произведений классиков русской литературы. В связи с этим мы пришли к выводу, что эпиграфы из произведений русской литературы в творчестве брянского поэта служат как для обозначения связи между литературными художественными пространствами, так и в качестве аллюзии на важнейшие эпизоды классических произведений. Внутритекстовые аллюзии и цитаты противопоставляют поэтический мир Парамонова миру классических поэтов и прозаиков (стихи «Никогда я не был на Босфоре...»),

«Что-то в жизни точно...»). Помимо этого, данные художественные формы помогают Парамонову воплотить в собственные стихи идею, сходную с художественно воплощенной ведущей мыслью классического литературного произведения (стихи «Божественным отмеченная знаком...»). Также аллюзии и цитаты помогают Парамонову воссоздать образ современной действительности, напоминающий мир, изображенный поэтами и прозаиками XIX в. (стихи «Весело, вольготно ли...», «Жизнь идет. Все те же разговоры...») и вместе с тем показать ироничное отношение к определенному явлению («Читайте Тютчева, поэты»).

Библиографический список

1. Андреева Г.О. Диалог с писателями и поэтами Югры на уроках литературы // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: матер. научно-практической конференции. 2015. С. 176–192.
2. Богодерова А.А. Диалог с русской литературой XIX–XX веков в поэзии шанхайской эмиграции 1930–1940-х годов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 35–44.
3. Большухин Л.Ю., Александрова М.А. «А вы могли бы?» Маяковского как «рубежный» текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 4. С. 590–604.
4. Вороничева О.В., Шеметун М.Л. Региональный компонент в структуре воспитательной и научной работы со студентами // Региональная культура: инновационные аспекты развития: матер. международной научно-практической конференции / под ред. Т.И. Рябовой. 2014. С. 199–206.
5. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. М.: Художественная литература, 1982. 431 с.
6. Даричева Ю.С., Величко И.Ф. Сатирическое изображение Н.В. Гоголем судопроизводства в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Исследования молодых ученых: матер. международной студенческой научно-практической конференции. 2020. С. 53–56.
7. Еникеев А.А. Диалог философии и литературы и перспективы «философского романа» как жанра в гуманитарной культуре современности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 24–34.
8. Замбаев В.В. Проблема человека в творчестве Н.В. Гоголя (на примере произведения «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2006. № 1. С. 180–182.
9. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1: Стихотворения. 446 с.
10. Маяковский В.В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1327 с.
11. Мирошниченко Е.Н. Проблема народного счастья в поэме А.Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 145–147.
12. Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1117 с.
13. Парамонов О.Г. Затяжной прыжок: избранные стихи. Ярославль: Академия 76, 2020. 304 с.

14. Потапчук Е.Ю. Диалог фантастов Китая и Западной Европы в современной литературе // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-10. С. 70–73.
15. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 5. 660 с.
16. Уральский магнит. URL: <https://uralmagnit.ru/cat-poezia-serdca/642-poka-na-svete-est-rossiya> (дата обращения: 23.01.2023).

Сведения об авторе

Любарский Руслан Васильевич – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 57 г. Брянска; e-mail: ludmila12a@rambler.ru

DIALOGUE WITH RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE POETRY OF O.G. PARAMONOV

R.V. Lyubarsky (Bryansk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Due to the insufficient study of the intertextual connections of O.G. Paramonov's creativity, as well as the plot-thematic connections of classical works of Russian literature and poems of the Bryansk poet, the topic of the study is relevant today.

The purpose of the article is to describe functional features of epigraphs, intertextual forms: allusions and quotations in O.G. Paramonov's collection *The Long Jump*, as well as to establish the plot-thematic interaction of the poet's poems with the works of classics of Russian literature.

Review of scientific literature. Such researchers as A.A. Bogoderova, A.A. Enikeev, E. Yu. Potapchuk, G.O. Andreeva dealt with the problem of intertextual connections. However, O.G. Paramonov's work did not become the object of literary critics' research.

Methodology (materials and methods). Comparative-historical and structural methods are used as the main methods. The study was conducted on the material of the collection of poems by O.G. Paramonov *The Long Jump*.

Research results. The study found that allusions and quotations fulfil different functions: the intertextual forms, on one hand, contrast Paramonov's poetic world to the world of classical poets and prose writers; on the other hand, these artistic forms contribute to the embodiment of ideas identical to classical literary works in Paramonov's poetry.

Conclusion. It is concluded that thanks to allusions and quotations Paramonov reproduces the image of the modern world, echoing the reality depicted by poets and prose writers of the 19th century.

Keywords: *Oleg Gennadievich Paramonov, Long Jump, allusion, quotations, intertextual forms, plot-thematic connection, modern poetry, epigraphs, Russian literature of the 19th century*

References

1. Andreeva G.O. Dialogue with writers and poets of Ugra in literature lessons // In the collection: Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Materials of the scientific and practical conference. 2015. P. 176–192.
2. Bogoderova A.A. Dialogue with Russian literature of the XIX–XX centuries in the poetry of the Shanghai emigration of the 1930s–1940s // Humanitarian vector. 2021. Vol. 16, No. 1. P. 35–44.
3. Bolshukhin L. Yu., Alexandrova M.A. “Could you?” Mayakovsky as a “milestone” text // Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. 2018. Vol. 15, No. 4. P. 590–604.
4. Voronicheva O.V., Shemetun M.L. Regional component in the structure of educational and scientific work with students // In the collection: Regional culture: innovative aspects of development. Materials of the international scientific and practical conference / Ed. by T.I. Ryabova. 2014. P. 199–206.
5. Gogol N.V. Evenings on a farm near Dikanka. Mirgorod. Moscow: Fiction, 1982. 431 p.
6. Daricheva Yu.S., Velichko I.F. N.V. Gogol's satirical depiction of judicial proceedings in “The Story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich” // In the collection: Studies of young scientists. Materials of the international student scientific and practical conference. 2020. P. 53–56.
7. Enikeev A.A. Dialogue of philosophy and literature and prospects of the “philosophical novel” as a genre in the humanitarian culture of modernity // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2020. Vol. 6 (72), No. 1. P. 24–34.

8. Zambaev V.V. The problem of man in the work of N.V. Gogol (on the example of the work “The Story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich”) // Bulletin of the Kalmyk Institute of Socio-Economic and Legal Research. 2006. No. 1. P. 180–182.
9. Lermontov M.Yu. Collected works in four volumes. Volume one. Poems. Moscow: Fiction, 1983. 446 p.
10. Mayakovsky V.V. The complete collection of poems, poems and plays in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publishing House, 2011. 1327 p.
11. Miroshnichenko E.N. The problem of national happiness in A.N. Nekrasov's poem “Who lives well in Russia” // In the collection: Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 145–147.
12. Nekrasov N.A. The complete collection of poems and poems in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publishing House, 2011. 1117 p.
13. Paramonov O.G. Long jump: selected poems. Yaroslavl: Academy 76, 2020. 304 p.
14. Potapchuk E.Y. Dialogue of science fiction writers of China and Western Europe in modern literature // Trends in the development of science and education. 2019. No. 50-10. P. 70–73.
15. Pushkin A.S. Journey to Arzrum. Collected works in 10 volumes. Moscow: GIHL, 1959–1962. Vol. 5. 660 p.
16. Ural magnet. URL: <https://uralmagnit.ru/cat-poezia-serdca/642-poka-na-svete-est-rossiya> (access date: 23.01.2023).

About the author

Lyubarsky Ruslan Vasilyevich – PhD (Philology), Teacher of Russian Language and Literature, Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School No. 57 of the city of Bryansk (Russia); e-mail: ludmila12a@rambler.ru

УДК 82(571.53)(092)

ИНСЦЕНИРОВКА РОМАНА «ДОКТОР ЖИВАГО»: ОПЫТ ЧТЕНИЯ В.П. ГУРКИНА

Ю.М. Брюханова (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», сочетающий в себе эпические и лирические черты, реалистические и модернистские приемы, – непростой материал для переложения на драматургический язык. В то же время эти особенности произведения дают возможность для творческого поиска и открытий. С момента публикации романа на родине отечественные театральные режиссеры не раз обращались к этому литературному материалу (Е. Еланская, В. Заржецкий, Л. Алимов и др.). Объектом научного исследования в данной статье впервые становится творческое наследие драматурга, актера, режиссера Владимира Гуркина как инсценировщика. Рассматривается пьеса «Доктор Живаго» (2000). Машинопись хранится в архиве Черемховского драматического театра им. В.П. Гуркина и до настоящего времени нигде не публиковалась.

Цель исследования. В статье анализируются принципы «активного чтения» прозы драматургом.

Методология. Используются сравнительный, текстологический методы, интермедийный подход.

Результаты исследования. Согласно основным теоретическим положениям по инсценировке и инсценированию (Н. Скороход), при анализе текста инсценировки мы разграничиваем события изображенные и событие изображения. Описываются принципы уплотнения драматургического сюжета, техника совмещения двух пластов существования персонажей в рамках одной сцены, приемы соединения пространства внутреннего и внешнего. В. Гуркин отказывается от введения лирического начала в инсценировку, а также выделяет два важных с содержательной и сценографической точки зрения оппозиционных образа – образ крыс и образ снега.

Заключение. Приемы перевода прозаического текста в драматургический отвечают главной задаче Владимира Гуркина – передать идею переплетения судеб, скрещений времени, частного и масштабного, жизни и смерти, отраженную в романе Бориса Пастернака.

Ключевые слова: Б. Пастернак, «Доктор Живаго», В. Гуркин, инсценировка, рукопись, художественный образ.

Постановка проблемы. Непредвзятый, искренний и неугасаемый интерес к художественному произведению во многом поддерживается исходящей от него творческой энергией, которая позволяет читателю не просто механически прочитывать текст, а переживать и созидать – новые смыслы и новые формы интерпретации. Безусловно, такой силой, творческим потенциалом обладает роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Этим объясняется обращение театральных и кинорежиссеров к главной книге писателя.

Ткань романа, сочетающая в себе прозу и поэзию, эпические и лирические черты, реалистические и модернистские приемы, – непростой материал

для переложения на драматургический язык. В то же время эти особенности произведения дарят возможность для творческого поиска и открытий.

О воплощении содержания в разной форме неоднократно рассуждал сам Борис Пастернак. Конечно, при жизни он вряд ли мог задуматься о сценическом переложении своего романа, но известно, что драматургия значила для него многое. Не только потому, что он переводил на русский язык пьесы Шекспира, Шиллера, Клейста и других великих драматургов. В 1940–1950-х гг. Пастернак работал над собственными пьесами, которые так и не были окончены: «Этот свет» и «Слепая красавица». «Драма представлялась Пастернаку родственной лирике, лишенной описаний и пространного повествования, и всегда тянула его к себе, искавшего новые формы выражения» [Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В., 2004, с. 569]. Примечательно, что среди действующих лиц пьесы «Этот свет» значатся Дудоров и Гордон, а в диалогах героев можно угадать побочные сюжеты романа «Доктор Живаго». Так, например, рассказ Друзякиной, «портнихи из беспризорных», перекликается с историей бельевщицы Тани Безочередевой. Совпадения не случайны – образы и сюжеты, волновавшие Пастернака в те годы, искали воплощения в разных формах.

Имя Пастернака так и не стало известно как имя драматурга, но его роман привлекал и привлекает к внимание театральных режиссеров и инсценировщиков. Повышенный интерес к поэзии и прозе Пастернака в конце 1980 – начале 1990-х гг. спровоцировала открывшаяся широкому кругу читателей доступность текстов писателя. Роман «Доктор Живаго» был опубликован в Советском Союзе в 1988 г. в журнале «Новый мир», а в 1989 г. вышло его первое отдельное издание (Москва, «Советский писатель»).

Обзор литературы. Западный читатель познакомился с романом раньше, и театрально-музыкальные интерпретации произведения также сначала были заявлены в европейском культурном пространстве. В 1987 г. британский композитор Найджел Осборн создает оперу по мотивам произведений Бориса Пастернака «Электрификация Советского Союза» (The Electrification of the Soviet Union), автором либретто стал Крэйг Рейн.

В России оперу по «Доктору Живаго» в 1991 г. пишет Давид Кривицкий. В Театре на Таганке режиссер Юрий Любимов в 1993 г. ставит музыкальную притчу «Живаго (доктор)» по мотивам романа Б.Л. Пастернака и поэзии разных лет А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Пушкина. В 2000-е и 2010-е гг. ряд музыкальных интерпретаций творчества Пастернака был продолжен мюзиклом «Доктор Живаго» (2006) в Пермском академическом Театре-Театре (режиссером выступил Борис Мильграм, композитор – Александр Журбин); зарубежными мюзиклами «Доктор Живаго» (2011) в Сиднее (режиссер Дэс МакАнуфф, композитор Люси Саймон) и японской версией режиссера Ре Харада «Доктор Живаго» (2018, Такаразука Ревью, Япония).

Музыкальная тема «Пастернак» и ее вариации соседствовали с традиционными драматическими постановками. С конца 1980-х гг. до настоящего времени

различные инсценировки романа и поэтического наследия Б. Пастернака появлялись как на столичных, так и на других театральных площадках. В 1989 г. московский театр «Сфера» ставит спектакль «Доктор Живаго» (инсценировка Екатерины Еланской по роману в 2 частях). В 2015 г. в Санкт-Петербурге зрители театра «Зазеркалье» увидели спектакль-плакат Василия Заржецкого «Доктор Живаго», а одна из последних постановок, привлечших к себе внимание театральных критиков, – это спектакль Леонида Алимова в Санкт-Петербургском академическом драматическом театре им. В.Ф. Комиссаржевской «Доктор Живаго (история любви)» (2018).

Мы не ставим перед собой задачу воссоздать полный список театральных переложений произведений Бориса Пастернака. Целью данной статьи является включение в этот ряд нового звена, имени, не звучавшего ранее в данном контексте: среди тех, кто видел в эстетическом наследии классика XX в. потенциал для драматургических интерпретаций, был Владимир Гуркин.

Владимир Павлович Гуркин (1951–2010) – драматург, актер, режиссер. Родился в Пермской области, детство и юность его прошли в Приангарье. Школу окончил в шахтерском городе Черемхово, затем учился в Иркутском театральном училище. После студенческих лет и работы артистом в Иркутском театре юного зрителя в творческой биографии Гуркина значились Благовещенск, Омск, Москва. В столицу Владимир Павлович уехал в 1984 г., к тому времени уже была написана пьеса «Зажигаю днем свечу...» («Андрюша. Его история в трех частях») и знаменитая народная комедия «Любовь и голуби», известная больше по экранизации, сделанной Владимиром Меньшовым.

В Москве Гуркин работал как актер и литсотрудник в московском театре «Современник». В 1993 г. режиссер Дмитрий Брусникин во МХАТе им. А.П. Чехова сделал, по мнению автора, лучший спектакль по пьесе «Плач в пригоршню», обозначенной Гуркиным как роман для театра. Без преувеличения можно сказать, что «Плач в пригоршню» – одно из самых сильных произведений Гуркина. Л.С. Петрушевская так отзывалась о пьесе: «Для меня пьеса Владимира Гуркина – подлинное драматургическое изумление, я давно ждала такого национального, народного театра, безжалостного к истории и милосердного к героям» [Петрушевская, 2014, с. 741].

При жизни Владимира Павловича был издан всего один неполный сборник его пьес (Иркутск, 1997)¹. После его смерти, в 2014 г. вышли две книги: «Веселая вода печали: пьесы»² в Иркутске и «Любовь и голуби: пьесы. Воспоминания о драматурге»³ в Москве. До сих пор ряд работ Гуркина – драматурга, сценариста и инсценировщика – остается закрытым для широкого круга читателей (см. подробнее: [Владимир Павлович Гуркин..., 2016]).

¹ Любовь и голуби: пьесы для театра. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 302 с.

² Веселая вода печали: пьесы. Иркутск: Оттиск, 2014. 512 с.

³ Любовь и голуби: пьесы. Воспоминания о драматурге. М.: Время, 2014. 768 с.

В. Гуркин постоянно находился в поисках тем, смыслов, форм, которые могли его заинтересовать как драматурга, постановщика, сценариста и воплотиться в слове, в образе. Он работал с прозаическими произведениями Олега Куваева (в результате чего появилась пьеса «Риск», 1983), с повестью М.А. Булгакова «Роковые яйца» (В. Гуркин стал автором сценария к одноименному фильму режиссера С. Ломкина, 1995), с рассказами Василия Шукшина (спектакль «Добрые и злые», постановка В. Гуркина, 2009), этот ряд можно продолжить.

Предложение поработать над инсценировкой главной книги Бориса Пастернака было озвучено режиссером Романом Козаком в одной из бесед с Владимиром Гуркиным, что подтверждает Людмила Борисовна, вдова драматурга⁴. И Гуркин взялся за работу.

Как шла работа, проходило ли обсуждение ее этапов, прочил ли Владимир Гуркин инсценировку для определенной театральной площадки – ответы на эти вопросы, хоть и возникали в разных публицистических источниках, не имеют какого-либо документального подтверждения. Однако точно известно, что 3 сентября 2002 г. состоялась открытая читка «Доктора Живаго» автором. Гуркин представил свою новую работу в Омском государственном академическом театре драмы, что не случайно. Омский драмтеатр – это большая часть личной и творческой судьбы актера, драматурга, режиссера Владимира Гуркина, поэтому выбор театральной площадки не является неожиданным. Обсуждение инсценировки, судя по воспоминаниям очевидцев, было и заинтересованным, и бурным [Денисенко, 2014]. Как бы то ни было, на сцене увидеть ее не довелось. Вероятно, в большей степени это связано с тем, что начало 2000-х гг. для театра было непростым временем, переломным: смена директора, уход главного режиссера Владимира Петрова. Внутренняя уверенность в своих силах и человеческая мудрость позволили В. Гуркину не воспринимать случившееся как фиаско.

Рукопись инсценировки «Доктор Живаго» (1999) и машинописный вариант (2000) сейчас хранятся в Черемховском драматическом театре им. В.П. Гуркина. Второй экземпляр машинописи находится в музейном отделе Омского государственного академического театра драмы. До настоящего момента текст нигде не публиковался.

В тетради с черновыми набросками остались записи, сделанные Владимиром Павловичем в ходе чтения романа Б. Пастернака (работал драматург с изданием 1989 г.): выписаны цитаты, краткое содержание, отмечены значимые сцены⁵. В рабочем варианте некоторые эпизоды будущей инсценировки остались незаконченными, еще нет четкой структуры, отсутствуют последние картины. Отбор сцен, стилистическая правка, работа над композицией становятся особенно заметны при сравнении рукописного варианта и машинописи⁶.

⁴ Из личной беседы автора статьи с Л.Б. Гуркиной.

⁵ Наброски. Черновики. 1998–1999 гг. // Арх. Черемх. драмат. театра им. В.П. Гуркина (Папка «В. Гуркин. Рукописи»). В общей тетр. в клетку (20×28,5 см). Рукопись.

⁶ Доктор Живаго: инсценировка романа Б. Пастернака: в 2 ч. (22 карт.), 2000 г. // Арх. Черемх. драмат. театра им. В.П. Гуркина (Папка «В. Гуркин. Рукописи»). 96 л. Утрачена часть карт. 4 и 5. Машинопись.

Инсценировка В. Гуркина «Доктор Живаго» состоит из двух частей, первая включает пятнадцать картин, вторая – семь. При общей целостности текста в сохранившейся машинописи отсутствуют пятая и восьмая картины. Если сопоставить черновую рукопись и машинописный вариант, то можно предположить, что в пятую картину должен был (мог) войти эпизод в Камергерском (Юра и Тоня по пути на елку к Свентицким), а восьмая картина – это Урал, Юртин, где Антипов сообщает Ларисе о своем решении уехать на фронт. Но, скорее всего, сбивчивая нумерация картин – это технический момент. Гуркин мог сам исключить некоторые сцены – таков живой творческий и рабочий процесс. На целостность восприятия инсценировки эти эпизоды не влияют. Заминка может произойти на четвертой картине, так как здесь выпущен целый лист текста по непонятным причинам (лист просто отсутствует в сшитой машинописи), и восстановить по черновикам часть диалога Ларисы и Антипова невозможно, поскольку данной сцены нет в рукописи, а реплики не совпадают полностью с фразами героев из романа. Однако все эти комментарии вряд ли повлияют на восприятие интерпретации Гуркиным романа Пастернака. Они даны для того, чтобы предупредить формальные вопросы, касающиеся рукописи.

Несмотря на то что в конце XX – начале XXI в. «интерпретации художественных произведений, первоначально не предназначавшихся для театра, занимают на современной сцене все большее место» [Хализев, 1978, с. 212] и «инсценирование стало естественным и полноправным участником театрального процесса» [Скорород, 2010, с. 7], до сих пор можно встретить настороженность по отношению к новым переложениям прозы на драматургический язык. Театральные инсценировки – легкая добыча для критиков. Однако тот факт, что невозможно создать образцовую инсценировку по тому или иному произведению, доказывает, что инсценирование – это не побочный продукт литературного творчества, а самостоятельный поиск и созидательный процесс. Как писал Г. Товстоногов, «инсценировка – самостоятельное художественное произведение» [Товстоногов, 1980, с. 96]. Даже если выделить определенные приемы перевода эпического текста на язык драматургии, они не будут работать однотипно в разных ситуациях.

В первую очередь встает вопрос о выборе материала. Не каждое прозаическое произведение просится на сцену. Речь не о тематическом и проблемном пласте текста, а о его художественных особенностях. Как известно, суть не столько в том, ЧТО сказано, а в том, КАК сказано.

Если обратиться к критическим статьям на спектакль Леонида Алимова «Доктор Живаго (история любви)», поставленный в Санкт-Петербургском академическом драматическом театре им. В.Ф. Комиссаржевской в 2018 г., то обнаружим общую исходную установку как для положительных, так и для отрицательных рецензий – кажущуюся на первый взгляд несценичность романа Пастернака (что не является, однако, непреодолимым препятствием для режиссеров):

– «Трудно представить себе произведение более несценическое, чем “Доктор Живаго” Бориса Пастернака» [Григорян, 2018];

– «И ведь понятно, почему “Живаго” не дается театру: внутренний сюжет романа голыми сценическими руками не возьмешь. Ни поэзия, ни война, ни медицина, ни философия истории, ни “великолепная хирургия” революции – все, составляющее суть романа века, – в рампу не вмещаются, тем более не умещается символистская типология этого романа-поэмы с бесчисленными встречами всех со всеми, противоречащими логике реальной жизни» [Дмитревская, 2018].

Как свидетельствует последняя из приведенных цитат, сложность в переводе с эпического на драматический язык вызывает масштабность романного полотна, многомерность сюжетных сплетений, стилистические особенности произведения. Однако, сознавая безусловную уникальность текста Бориса Пастернака, нельзя не признать, что перечисленные трудности возникают при обращении драматургов-инсценировщиков к романной форме любого великого писателя: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Шолохова и др.

В.Е. Хализев, фиксируя в словарной статье общие признаки инсценировки, указывал, что она «нередко осуществляется писателями, обретая форму пьесы» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 127]. В случае с В. Гуркиным мы имеем дело именно с такой трансформацией – инсценировкой-пьесой.

Научное освоение проблемы. Теория инсценирования – явление, слабо оформленное в современном литературоведении. Не становились объектом литературоведческого рассмотрения, насколько нам известно, инсценировки романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». В связи с этим разбор инсценировки-пьесы «Доктор Живаго» В. Гуркина будет выстраиваться на основе традиционного анализа драмы как рода литературы (см.: [Хализев, 1986]), а также интермедийного подхода, изложенного в монографии театроведа, драматурга и сценариста Н.С. Скороход «Как инсценировать прозу: Проза на русской сцене: история, теория, практика» (2010) [Скороход, 2010].

Методология. Используются сравнительный, текстологический методы, интермедийный подход.

Результаты исследования. Принципиальным, на наш взгляд, при инсценировании прозаического текста является разграничение событий изображенных (фабульной основы) и события изображения (последнее связано со стилем, с авторской интенцией и т.д.), которое лежит в основе многих рассуждений Н.С. Скороход. Фабульную основу и систему персонажей легче всего сопоставить в исходном прозаическом тексте и инсценировке. Например, в пьесе Гуркина в списке действующих лиц обозначено 14 имен:

1. *Живаго Юрий, доктор*
2. *Тоня, его жена*
3. *Александр Александрович Громеко, отец Тони*
4. *Анна Ивановна Громеко, мать Тони*
5. *Лара*
6. *Паша Антипов, он же Стрельников, ее муж*
7. *Комаровский, адвокат*

8. *Гордон Миша*
9. *Галиуллин*
10. *Маркел, дворник*
11. *Марина, его дочь, последняя жена Живаго*
12. *Евграф, сводный брат Живаго*
13. *Микулицын, партизанский генерал*
14. *Гишарова, мать Лары*

В пьесе также есть второстепенные персонажи, не указанные в списке действующих лиц, среди которых брат Лары Родион, Дудоров, Свентицкая и др.

Гуркин не стал выделять отдельно сюжетную линию дружбы Юрия Живаго, Михаила Гордона и Иннокентия Дудорова – последний персонаж появляется в пьесе эпизодически. Маркел же, напротив, становится полноправным действующим лицом, его образ в драматургическом исполнении оказывается более насыщенным индивидуальными характеристиками, нежели в романе. Гуркин в третьей картине добавляет комическую сцену, когда подвыпивший Маркел пытается собрать платяной шкаф у Громеко, но больше рассуждает, чем занимается делом. Анна Ивановна, мать Тони, берется ему помочь (в пьесе она представлена более деятельной в быту, нежели в книге Пастернака): «Я эту “Аскольдову могилу” все равно поставлю, и не спорьте. Завтра гостей будет полон дом, опять шубы на сундуки валить?» Сцена с рушащимся на голову Анны Ивановны шкафом выглядит комичной, но в дальнейшем приобретает другой оттенок: кончина Анны Ивановны оказывается уже совсем близкой. В романе Пастернак акцентирует внимание на мистическом страхе Анны Ивановны перед шкафом – «аскольдовой могилой», у Гуркина эта черта матери Тони не прописана. Героиня пьесы менее склонна к отвлеченным рассуждениям, чем ее прообраз в романе, она более деятельна и не суеверна.

Уплотнению драматургического сюжета в инсценировке способствовали выборка эпизодов, сокращение списка действующих лиц, совмещение некоторых фрагментов. По-другому уместить эпическое полотно в сценические рамки не получится. Но Гуркин не просто технически передает изображенные события, любые трансформации внешнего пласта произведения связаны с передачей события изображения.

Опираясь на семиотический анализ У. Эко, Н. Скороход выделяет определенные характеристики события изображения. К ним она относит оптику и голоса («сквозь которые нарративный дискурс показывает нам героев и события фавулы, определение событийного ряда, связанного с их сменой» [Скороход, 2010, с. 161]), отношения автора и героя, время (фавульное, время дискурса и время чтения) [Скороход, 2010, с. 173]. Рассмотрим некоторые из характеристик применительно к пьесе «Доктор Живаго».

Нередко в инсценировках появляется лицо от автора. Александр Соколянский отмечает: «Оживляя персонажей прозы и не желая терять личную интонацию писателя, театр в свое время придумал “лицо от автора” <...> – своего

рода ангел, посланный на сцену, чтобы поддержать причинно-следственные связи, объяснить зрителям нечто, игрой упускаемое, и напомнить об истинном создателе художественного мира» [Проза и сцена, 1996]. Режиссеры могут варьировать этот образ. Например, Леонид Алимов в спектакле «Доктор Живаго (история любви)» использует такой прием: девять человек рассказывают о жизни Живаго, являясь одновременно и рассказчиками, и персонажами этой истории. Однако Гуркин отказывается от введения в текст инсценировки лица от автора, фокусируя наше внимание на фигуре главного героя, чьи действия и высказывания репрезентируются без «посредников».

Большинство сценических интерпретаций романа акцентировало внимание на лирическом наследии Юрия Живаго, на вплетении лирического начала в сюжетную основу драматического текста. Владимир Гуркин не включает в пьесу стихи Живаго (не цитирует их). В центре внимания оказывается Живаго-человек – поэт по восприятию жизни, поэт в отношениях с другими людьми, в событиях личной и общественной истории. В инсценировке Гуркина представлен традиционный, классический для драмы вариант разделения сферы автора (выраженной в композиции, ремарках и т.д.) и сферы персонажей (действия, диалоги). При этом, понимая образ Юрия Живаго не просто как духовно близкого писателю героя, которому автор передал многие из своих идей, а как лирического героя в эпическом произведении, Гуркин пересекает границу между повествованием и речевой зоной персонажей, которая и у Пастернака не является маркером отграничения объективной сферы от субъективной. Поэтому повествование и речевая зона персонажей на одинаковых правах входят и в диалоги героев пьесы, и в ремарки. Другими словами, Гуркин не берет только «готовые» диалоги из романа, а переводит в драматургическую речь внутреннюю речь героев или повествовательную ткань. Тем самым преодолевается одно из ограничений, которое налагает на писателя драматургическая форма и о котором В.Е. Хализев писал, что «драма не в состоянии использовать внутренние монологи героев в сочетании с сопровождающими их комментариями повествователя, что ощутимо ограничивает ее возможности в сфере психологизма» [Хализев, 1986, с. 44].

В пьесе в некоторых сценах возникают диалоги, не звучащие в романе, но продуцированные прозаическим текстом. Так, в романе есть краткая характеристика интересов, увлечений, формирования хода мыслей молодого поколения интеллигенции, к которому принадлежали Юра Живаго, Тоня, Гордон и другие: «Они страшные чудаки и дети. Область чувственного, которая их так волнует, они почему-то называют “пошлостью” и употребляют это выражение кстати и некстати. Очень неудачный выбор слова! “Пошлость” – это у них и голос инстинкта, и порнографическая литература, и эксплуатация женщины, и чуть ли не весь мир физического. Они краснеют и бледнеют, когда произносят это слово!» [Пастернак, 2004, с. 41–42]. Через несобственно-прямую речь передается впечатление Веденяпина, дяди Юрия Живаго по материнской линии, чьи философские рассуждения во многом повлияли на формирование мировоззрения главного героя (и которые,

безусловно, во многом передают идеи самого автора). В цитате звучит слово «пошлость», понимание которой включается в общую идею жизни, ее естественности и самоорганизации и противостоящей ей искусственности и оформленности. Гуркин переносит мотив пошлости в пьесу, проявляя его и на уровне лексическом, и на уровне композиционном. О пошлости разговаривают Тоня, Живаго, Гордон и Дудоров в первой картине (действие происходит зимой на катке):

Гордон. Все слышали? Женщина сказала – помогите!

Дудоров. Вот вам и вся эмансипация!

Тоня. Сказал пошлость.

Дудоров. Да я к примеру...

Тоня. Твой пример – пошлость, Ника.

Живаго. Его пример – шутка, Тоня.

Тоня. И эмансипация, я согласна, тоже пошлость.

Живаго. Ну, братцы, что-то у вас куда не глянешь – все пошлость. А любовь?

Гордон. Чувственная? Без сомнения!

В диалог героев вторгаются оклики других людей, оказавшихся на катке, после последней приведенной реплики зрители слышат, как Комаровский и Гишарова зовут вместе Ларису. Так сплетаются две сюжетные линии и две интерпретации мотива пошлости: как отвлеченное философствование, выраженное в словесной форме (линия Юры, Тони, Гордона и Дудорова), и как олицетворенная сила пошлости в действии, которой не требуется словесное обозначение (Гишарова, Комаровский).

В плане работы со временем Гуркин использует технику совмещения двух пластов существования персонажей в рамках одной сцены. Такой прием работает в сценах общения в письмах между Живаго и Тоней: в одиннадцатой картине, когда Юрий пишет письмо жене с фронта (ремарка: «Ординаторская. На столе письменные принадлежности. Живаго вслух сочиняет письмо жене. Далее проговаривание письма идет на фоне разговоров, но другие персонажи самого письма не слышат»), и в девятнадцатой картине, когда доктор читает в Варыкино письмо от Тони. Монологическая письменная речь трансформируется в диалог двух близких людей вопреки времени и расстоянию.

Комаровский. Письмо от вашей жены. Я знаком с ее отцом. Перед отъездом, в расчете на счастливый случай, Антонина Александровна просила передать его вам.

Появилась Тоня с чемоданом. Ждет, когда Живаго останется один.

<...>

Комаровский и Лариса уходят. Живаго распечатывает письмо, подошла Тоня.

Тоня. Юра, знаешь ли ты, что у нас есть дочь? Ее крестили Машей, в память твоей мамы Марии Николаевны.

Живаго. Да. Я знаю.

Тоня. Лариса Федоровна?

Живаго. Да.

Тоня. Спасибо ей, она была безотлучно при мне, когда мне было трудно, и помогла при родах. Должна искренне признать, она хороший человек, но не хочу кривить душой – полная мне противоположность. Теперь о другом. <...>

В других сценах соединяется пространство внутреннее (сознание главного героя в болезни) и внешнее (происходящее вокруг). Так, в картине тринадцатой, когда Живаго настиг тифозный бред, соединяются явь и больное сознание: «Тоня протянула вверх руки, и с высоты, держа перед собой жаркую оранжевую лампу, медленно летит к ним в распахнутой оленьей дохе маленький киргизский мальчик. Это Евграф Живаго». В романе совмещение внешнего и внутреннего в параллельном сюжетном эпизоде передается через повествование.

Среди художественных образов, которые Гуркин выделяет в романе и которые могут значительно повлиять на сценографию спектакля, выделяется образ снега и образ крыс.

В романе «Доктор Живаго» крысы упоминаются скорее как бытовая примета времени: нашествие крыс является следствием разрухи и отсутствия домашнего уюта. Гуркин расширяет этот образ, в пьесе крысы ассоциируются со смертью, угрозой, разрушением привычного хода бытия, беспорядком повседневного существования и беспорядком мыслей людей в кризисные моменты истории. Множественные частные упоминания (Лара в квартире у Комаровского слышит, как кто-то скребется и пищит, ей кажется, что это крысы. Оказывается, что это бульдог адвоката Джек; на фронте Гордона беспокоит приторный и противный запах, «как мышами» – Живаго отвечает: «Конопля. И трупный запах. В конопляниках много убитых, необнаруженные разлагаются»; в Юрягине Лара просит Живаго помочь ей заделать щели, чтобы избавиться от надоедливых крыс) перерастают в гиперболизированную сцену в девятнадцатой картине, которая так и называется у Гуркина – «Крысы».

Следует уточнить, что автор пьесы соединяет два романских локуса в одном – библиотеку и квартиру на Купеческой, против дома с фигурами, где жила Лариса с дочерью Катенькой. Антипова живет в книгохранилище, где столбами и стенами сложены книги: «Книгохранилище. Здесь работаю, здесь и живем. Одно горе – крысы. Тьма тьмуца, отбою нет. По головам скачут. Везде щели, где могу, заделываю, воюю с ними. Может быть, как-нибудь зайдете, поможете? Вместе забьем полы, плинтусы. А?» (картина шестнадцатая). В пустующих комнатах хозяйничают крысы. Перед эпизодом, когда исхудалый и обессиленный Живаго появляется у Лары в Юрягине после пребывания в партизанском отряде и долгих скитаний, зрители видят некоторое время сцену без действующих лиц. Примечательна следующая ремарка в девятнадцатой картине: «Ушли. И тут же, как только щелкнула дверь, со всех сторон повалили крысы, по полкам, по книгам... Они взбирались на ящики, на стол, сталкивая друг друга и шлепаясь об пол. От их движения что-то лязгало, дребезжало, сопровождаемое писком. Группа облепила кастрюлю, безуспешно пытаясь сдвинуть утюг. Вновь щелкнула дверь. Крысы бросились врассыпную. Входит исхудалый, одичалого

вида с котомкой и палкой, в короткорукавых обносках с чужого плеча человек. Это Живаго». Крысы в пьесе становятся олицетворением разрухи, мелочности, суеты, силы, построенной на массе.

Этот образ, связанный с бесконтрольной властью стихии, агрессивной, наступательной силой, композиционно уравнивается другим, также отсылающим ко стихии, но уже с иными коннотациями. Речь идет об образе снега: от указания на природный фон до символа кружения, танца жизни, переплетения судеб, включения частного в общее. Сцена на катке в первой картине «Чистые пруды» открывает пьесу, многие значимые эпизоды, по сюжету перенесенные из прозаического первоисточника, происходят зимой: елка у Свентицких, побег Живаго из партизанского отряда и др. Иные сцены наделяются символическим значением: в тринадцатой картине на больного в тифозном бреде Живаго, не различающего явь и сон, оказавшегося между жизнью и смертью, падает черный снег – «черная буря». Сглаживая разрывы и примиряя всех со всеми, снег соединяет время и судьбы: в девятнадцатой картине, где в последний раз появляется Тоня (когда Живаго читает ее письмо), примечательна ремарка «*Как когда-то в Камергерском, пошел мягкий тихий снег*» (выделено нами. – Ю.Б.).

Идея переплетения судеб, скрещений времени, частного и масштабного, жизни и смерти – то, что, как кажется, хотел подчеркнуть Владимир Гуркин в романе Бориса Пастернака. Не секрет, что порой чрезмерные и нарочитые совпадения в романной структуре одним читателям кажутся находкой и одним из главных средств выражения идеи общей жизни у Пастернака, а другим – неудачно использованным приемом. К последним относился читатель Владимир Набоков. Известно, что писатель не высоко ценил роман Пастернака: «Оставив в стороне политику, считаю, что книга – жалкая, топорная, тривиальная, мелодраматическая, с банальными ситуациями, сладострастными адвокатами, неправдоподобными барышнями и банальными совпадениями» [Набоков, 1972]. Однако мы склонны придерживаться другой точки зрения, согласно которой совпадения в романе «Доктор Живаго» вовсе не банальны, а бытийны. «Судьбы скрещенья» создают видимый узор романа на сюжетном уровне и на уровне идейно-образном. Об этом открыто заявлял сам поэт. «Сознательную произвольность “совпадений”» он объяснял следующим образом: «У меня всегда было чувство единства всего существующего, связности всего живущего, движущегося, проходящего и появляющегося, всего бытия и жизни в целом. Я любил всевозможное движение всех видов, проявление силы, действия, любил схватывать подвижный мир всеобщего круговращения и передавать его» [Пастернак, 2005, с. 490]. Это движение пытался показать Владимир Гуркин в инсценировке романа. Нити судеб героев переплетены с самой первой картины, которую Гуркин добавляет к сюжетной канве романа, – «Чистые пруды»⁷. Здесь на катке пересекаются пути всех главных героев пьесы, и как бы далеко ни забрасывала их в дальнейшем судьба, сила

⁷ Здесь сказывается и личное, биографическое начало, о чем в разговоре 09.09.2021 упоминала Екатерина Гуркина, дочь драматурга: их семья какое-то время жила на Чистых прудах.

притяжения будет держать их вместе. Ремарка к первой картине: «На катке людно и весело. С криком и смехом носится молодежь. Чинно из края в край проплывают и солидные пожилые люди. Среди катающихся Юрий Живаго, Тоня Громеко, Миша Гордон, Ника Дудоров. Другая компания: Лариса Гишарова, Павел Антипов, Галиуллин Юсуп. Тоня падает, лежит, распластавшись, на льду. К ней подкапывают Живаго, Гордон, Дудоров». В этой же картине появляется Комаровский.

Драматургические законы заставляют Гуркина еще плотнее представить узор сплетения судеб, чем это есть в романе. В первой картине Антипов сталкивается на катке с Комаровским. Позже, уже в Варыкино, именно Комаровский привезет Живаго из Москвы письмо от Тони. На фронте в Первую мировую войну над стариком-евреем забавляются казак и Ливерий Микулицын, позже – глава партизанского отряда, куда насильно мобилизуют Живаго. Из Варыкино, после самоубийства Антипова-Стрельникова, Живаго в Москву забирает сводный брат Евграф. Нужно отметить, что образ Евграфа в пьесе лишен того мистического ареола, которым он наделен в романе. Хотя точных указаний на его положение тоже нет, но его удивительные возможности кажутся более поддающимися объяснению: в девятнадцатой и двадцатой картинах Евграф вместе с военным и чекистом идет по следу Стрельникова.

Заключение. В рамках данной статьи описаны далеко не все приемы перевода событий изображенных и события изображения из эпической в драматическую форму, которые представлены в инсценировке «Доктор Живаго» В. Гуркина. Однако важно, что представленный анализ позволяет говорить об интерпретаторском потенциале Гуркина и включать феномен инсценирования в широкий контекст опыта чтения – продуктивного направления (в свете антропологического поворота) научного дискурса в XX–XXI вв.

Какова бы ни была судьба инсценировки «Доктор Живаго» в авторстве Гуркина, можно сказать одно: творчество является одним из самых ярких примеров «связности всего живущего», о чем говорил Пастернак [Пастернак, 2005, с. 490]. С философской точки зрения и Пастернак, и Гуркин в первую очередь, создавали литературу, а не прозу или поэзию, эпос, лирику или драму. Их объединяет искренность и бескорыстность творческого акта. Пастернак, работая в последний год своей жизни над пьесой «Слепая красавица», писал Ч. Гудиашвили: «Насколько она будет сценична, где и когда ее будут играть, меня даже не занимает. Меня подчиняет и держит надежда, что это будет своего рода сжатое и напряженное творческое свидетельство подлинности или достоверности внутреннего порядка. Больше ничего мне не надо» [Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В., 2004, с. 578]. Несложно найти внутреннее созвучие этому желанию в словах Гуркина, говорившего о работе над «Доктором Живаго»: «Был счастлив все время, пока работал с романом. А будет ли сценическая судьба у моей новой пьесы?.. Для человека пишущего важно увидеть пьесу “в Пространстве”. И вот тогда может что-то произойти... <...> если пьеса востребуется временем, обстоятельствами, ситуацией, – она сама выйдет на свет божий» (цит. по: [Денисенко, 2014]).

Библиографический список

1. Владимир Павлович Гуркин: драматург, актер, режиссер: библиогр. материалы к электрон. изд. / сост. Л.А. Мирманова при участии Л.А. Казанцевой; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского. Иркутск: ИОГУНБ, 2016. 244 с.
2. Григорян А. Смерти не будет // Октябрь. 2018. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2018/5/smerti-ne-budet.html> (дата обращения: 28.12.2022).
3. Денисенко С.П. «Все тебя ведают, ждут, неспешного, с сердцами светлыми, тобою полными...» // Денисенко С.П. Не договорили... Омск: Омскбланкиздат, 2014. С. 10–19. URL: https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/bibliopost/bp_denisenko_vsetebjavedajut/103-1-0-3428 (дата обращения: 28.12.2022).
4. Дмитревская М. Поговорим о странностях любви? // Блог Петербургского театрального журнала. 2018. 8 марта. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/pogovorim-ostrannostyax-lyubvi-2/> (дата обращения: 28.12.2022).
5. Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
6. Набоков В. Интервью «покладистому анониму», октябрь 1972. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-pokladistomu-anonimu-1972.htm> (дата обращения: 28.12.2022).
7. Пастернак Б.Ж. де Пруайяр, 20 мая 1959 // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2005. Т. X: Письма, 1954–1960. С. 488–492.
8. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2004. Т. IV: Доктор Живаго, 1945–1955. С. 5–548.
9. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Комментарии // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2004. Т. V: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. С. 509–743.
10. Петрушевская Л. Московский неореализм // Гуркин В.П. Любовь и голуби: пьесы; воспоминания о драматурге. М.: Время, 2014. С. 739–745.
11. Проза и сцена // Московский наблюдатель. 1996. № 1–2. С. 5–18. URL: <http://librarystd.ru/myfiles/МОСКОВСКИЙ%20НАБЛЮДАТЕЛЬ%201996%20№1-2.pdf> (дата обращения: 28.12.2022).
12. Скороход Н.С. Как инсценировать прозу: Проза на русской сцене: история, теория, практика. СПб.: Петербургский театральный журнал, 2010. 344 с.
13. Товстоногов Г.А. Зеркало сцены. Л.: Искусство, 1980. Кн. 1: О профессии режиссера. 303 с.
14. Хализев В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Изд-во МГУ, 1986. 260 с.
15. Хализев В.Е. Драма как явление искусства. М.: Искусство, 1978. 240 с.

Сведения об авторе

Брюханова Юлия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой новейшей русской литературы факультета теоретической и прикладной филологии института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет; e-mail: okt28@yandex.ru

DRAMATIZATION OF THE NOVEL DOCTOR ZHIVAGO: VLADIMIR GURKIN'S READING EXPERIENCE

Yu.M. Bryukhanova (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Pasternak's novel *Doctor Zhivago*, which combines epic and lyrical features, realistic and modernist techniques, is not an easy material to translate into the language of dramas. At the same time, these features of the work give an opportunity for creative discovery. Theater directors have repeatedly turned to this literary material (for instance, E. Yelanskaya, V. Zarzhetsky, L. Alimov, etc.). The object of research in this paper becomes the creative heritage of the playwright, actor, director Vladimir Gurkin – as a dramatist. The play *Doctor Zhivago* (2000) is considered in the paper. The typescript of the play is kept in the archive of the Cheremkhovsky Drama Theater and has not been published anywhere until now.

The purpose of the article is to analyze the principles of *active reading* of prose by a dramatist.

Methods. Comparative, textological methods and intermedial approach are used in the paper.

Research results. According to the basic theoretical provisions on dramatization and staging (N. Skorokhod), we distinguish between the events depicted and the events of the image. The principles of compaction of the dramaturgical plot, the technique of combining two layers of the characters' existence within one scene, the techniques of connecting the inner and outer space are described. Gurkin refuses to introduce a lyrical beginning into the play, and also identifies two oppositional images that are important from a meaningful and scenographic point of view – the image of rats and the image of snow.

Conclusion. The techniques of translating a prose text into that of drama correspond to the main task of the dramatist – to convey the idea of intertwining destinies, intersections of time, life and death, reflected in the novel by Boris Pasternak.

Keywords: *Boris Pasternak, Doctor Zhivago, Vladimir Gurkin, dramatization, typescript, artistic image.*

References

1. Vladimir Pavlovich Gurkin: playwright, actor, director: bibliographic materials for the electronic edition / Ed.: L.A. Mirmanova, L.A. Kazantseva. Irkutsk, 2016. 244 p.
2. Grigoryan A. No death. In: October. 2018. No. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2018/5/smerti-ne-budet.html> (access date: 28.12.2022).
3. Denisenko S.P. "Everyone knows you, they are waiting for you, unhurried, with bright hearts, full of you..." In: Denisenko S.P. Did not finish speaking... Omsk: Omskblankizdat, 2014. P. 10–19. URL: https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/bibliopost/bp_denisenko_vsetebjavedajut/103-1-0-3428 (access date: 28.12.2022).
4. Dmitrevskaya M. Let's talk about Strangeness of Love. In: Blog Peterburgskogo teatral'nogo zhurnala, 08.03.2018. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/pogovorim-ostrannostyax-lyubvi-2/> (access date: 28.12.2022).
5. Literary encyclopedic dictionary / Ed. V.M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 752 p.
6. Nabokov V. Interview with a "compliant anonymous", October 1972. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-pokladistomu-anonimu-1972.htm> (access date: 28.12.2022).
7. Pasternak B. De Proyart Jacqueline, 20 may 1959. In: The complete set of works, in 11 vols. Moscow: Slovo/Slovo, 2005. Vol. X: Letters, 1954–1960. P. 488–492.

8. Pasternak B.L. Doctor Zhivago. In: The complete set of works, in 11 vols. Moscow: Slovo/Slovo, 2004. Vol. IV: Doctor Zhivago, 1945–1955. P. 5–548.
9. Pasternak E.B., Pasternak E.V. Comments. In: The complete set of works, in 11 vols. Moscow: Slovo/Slovo, 2004. Vol. V: Articles, reviews, forewords... P. 509–743.
10. Petrushevskaya L. Moscow neorealism. In: Gurkin V.P. Love and Doves: Plays; memories of the playwright. Moscow: Vremya, 2014. P. 739–745.
11. Prose and stage. In: Moskovskiy nablyudatel'. 1996. No. 1–2. P. 5–18. URL: <http://librarystd.ru/myfiles/MOSKOVSKIY%20NABLYUDATEL'%201996%20№1-2.pdf> (access date: 28.12.2022).
12. Skorokhod N.S. How to dramatize prose: Prose on the Russian stage: history, theory, practice. Saint-Petersburg: Peterburgskii teatral'nyy zhurnal, 2010. 344 p.
13. Tovstonogov G.A. Mirror of the scene. Leningrad: Iskusstvo, 1980. Pt. 1: About director's profession. 303 p.
14. Khalizev V.E. Drama as a kind of literature (poetics, genesis, functioning). Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1986. 260 p.
15. Khalizev V.E. Drama as an art phenomenon. Moscow: Iskusstvo, 1978. 240 p.

About the author

Bryukhanova Yulia Mikhaylovna – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Contemporary Russian Literature Department, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: okt28@yandex.ru

УДК 82.09

ВИЛЬ ЛИПАТОВ: ДВИЖЕНИЕ ПО ВЕРТИКАЛИ (К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПИСАТЕЛЯ)

Н.С. Цветова (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Статья посвящена смысловой структуре и поэтической форме одной из лучших повестей известного прозаика, лауреата многочисленных литературных премий «деревенского Сименона» (К. Партэ) Виля Владимировича Липатова, которого теперь относят к разряду региональных классиков. Актуальность исследования обусловлена в первую очередь необходимостью продолжения работы над историей русской литературы советского периода.

Анализ и результаты исследования. Автор статьи подчеркивает, что при работе над текстом повести «...Еще до войны» В. Липатов был нацелен на создание во многом идиллического хронотопа, что проявилось уже в названии этого литературного произведения. В соответствии с поставленной целью прозаик создавал лексическую форму текста, использовал поэтику собственных имен персонажей, обновил традиционную для русской прозы технику портретирования, метризовал прозаическое повествование, предложил достаточно неожиданные ассоциативные ряды. Но мощно проявившееся идиллическое начало разрушалось трагическим подтекстом, транслирующим в особом художественном формате мотив прощания прежде всего через актуализацию многочисленных контекстуальных параллелей и оппозиций. Особенности выявленного диалога популярного, получившего при жизни широчайшее признание писателя с его современниками позволяют настаивать на уникальности позднего советского периода в истории русской литературы. Это эпоха, когда художники, принадлежащие разным литературным течениям, были объединены одной сверхзадачей – исследованием русского мира эпохи кардинальных цивилизационных перемен, что активизировало поиск оригинальной художественной формы.

Выводы. Литературный опыт Виля Липатова доказывает, что кульминационный период его творческой эволюции – время освобождения советской литературы от социального заказа, обретения новых перспектив в постижении сути времени.

Ключевые слова: *хронотоп, идиллия, портрет, ассоциации, цивилизационные перемены.*

П*остановка проблемы.* Актуальность работы, посвященной литературному наследию одного из самых известных прозаиков поздней советской эпохи, определяется несколькими обстоятельствами. Поводом для возвращения к произведениям В. Липатова (1927–1979) можно считать юбилейную дату – в 2022 г. писателю исполнилось бы 95 лет. Причина значительнее – необходимость продолжения работы над историей русской литературы советского периода:

- обновление ценностных критериев, которые позволили бы историко-литературный факт, явление или событие оценить объективно, с учетом открывшихся в течение прошедших десятилетий обстоятельств;
- уточнение уже существующих концепций историко-литературного развития;
- модернизация аналитических методик.

Все эти задачи были осознаны научным сообществом уже в начале 1990-х гг. [История советской литературы..., 1990], но до сих пор продолжается процесс накопления, собирания, переформатирования историко-литературного материала, необходимого для их реализации. Пока оправдание этого процесса предлагают прежде всего публицисты и современные литераторы, пытающиеся переосмыслить, на новых основаниях переоценить художественные произведения, которые в годы перестройки были скомпрометированы и выдворены из публичного коммуникативного пространства как презентующие эстетически несостоятельный соцреализм [Литературная матрица..., 2013; Быков, 2013]. Возможные научные подходы находятся в стадии формирования.

В литературоведческом дискурсе В. Липатов почти без возражений после получения от известной американской исследовательницы К. Партэ звания «деревенского Сименона» был переведен в разряд региональных классиков. В сегодняшних учебниках и литературных обзорах прозаик упоминается преимущественно в ореоле мифа последнего соцреалиста – лакировщика и героизатора. А в 1960–1970-е гг. о Липатове писали авторитетные тогда А. Турков, И. Роднянская, И. Дедков, Л. Финк, А. Бочаров, наконец, А. Макаров и другие ведущие литературные критики. Популярного автора ценили за разработку актуальных социально-психологических конфликтов, за создание образов «красных мещан» [Казаркин, 2015]. При анализе текстов Липатова использовалась целая обойма оценочных стереотипов, до сих пор в разных вариантах представленных на просторах Интернета, связывающих прозаика с темами формирования и разложения моральных ценностей, влияния НТР на жизнь послевоенной деревни, социально-нравственных и этических конфликтов в форме личностных столкновений.

В серьезных теоретико- и историко-литературных исследованиях прозаика причисляли к традиционалистам-деревенщикам. Ю.А. Дворяшин в 1976 г. поставил В. Липатова в один ряд с В. Беловым и В. Распутиным [Дворяшин, 1976]. В начале 1990-х гг. известная американская исследовательница русской «деревенской прозы» К. Партэ нашла серьезные основания для сравнения «Деревенского детектива» (1967) с «Печальным детективом» (1986). В. Астафьева [Партэ, 2004].

Цель нашей работы – возвращение В. Липатова в исследовательскую зону в связи с феноменальными, выявленными с применением актуальных приемов мифопоэтического анализа характеристиками повести «...Еще до войны» (1979). С нашей точки зрения, в этом произведении была создана неповторимая художественная форма презентации русского мира эпохи цивилизационных перемен (если рассматривать цивилизацию как совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в историческом процессе). При создании этого текста успешный, популярный прозаик меняет литературную технику, т.к. начинает писать не о том, о чем думает, размышляет, а пытается фиксировать то, что чувствует, восстанавливать в мельчайших нюансах пережитое. Кажется, что он по каким-то только ему ведомым причинам абсолютно сознательно разрушает понятную, естественную, обусловленную всеми

предшествующими литературными успехами и победами логику собственной творческой эволюции. Литератор, знающий вкус массового и официального признания, рискует сложившейся репутацией уже в момент выбора нового для него жизненного материала – память возвращает ему далекое предвоенное десятилетие в родной Сибири. Рискует, когда с высоты своего жизненного опыта рассказывает об этом отрезке национальной жизни как о времени, когда после долгого сопротивления начинала безвозвратно рушиться жизнь, в которой *все было целесообразно* [Липатов, 1972, с. 113], пропитано радостью бытия.

Обзор литературы. Риск очевиден на фоне общекультурной ситуации, в которой в момент публикации повести конкурировали две художественных концепции этого времени. Киносимволом первой, условно патетической, можно считать фильм Л. Кулиджанова и Я. Сегеля «Дом, в котором я живу» (1957), романтизировавший довоенную жизнь поколения победителей. Литературная концепция сложнее. Более консолидированным, доминирующим был «городской взгляд» – трагический. Наиболее популярная презентация такого взгляда – повесть Б. Васильева «Завтра была война» (1972). Повесть о високосном 1940-м как о времени испытания любви и дружбы, о времени трагических разочарований, настигавших молодых людей в начале жизни.

На ином материале трагизм предвоенной эпохи был представлен в автобиографическом рассказе В. Кондратьева «На станции Свободный» (1981; первая публикация под названием «На станции» – Юность, 1987, № 6, с. 7–12). В основе фабулы случайная встреча на небольшой дальневосточной станции под названием «Город Свободный» девятнадцатилетнего Андрея Шергина с конвоируемыми заключенными, состоявшаяся за 9 дней до начала войны. Кульминация сюжета – вопрос неизвестной свидетельницы страшной сцены, оживившей личную трагедию героя: как после увиденного будет воевать сын репрессированного столичного инженера-строителя?

Наконец, в обойму наиболее заметных публикаций в журнале «Юность» за 1955–1965 гг. был включен цикл «Замоскворечье» (1963), в котором Вл. Малыхин открывал еще один подход к этому жизненному материалу – тему «испанских потерь» 1937 г. в конфликтном освещении по отношению к культовому фильму Б. Иванова, А. Столпера, А. Птушко, созданному в 1942 г. по пьесе К. Симонова (кинокартина «Парень из нашего города»).

В иной зоне локализовался интерес «деревенщиков», которые естественно и вполне логично признавали ключевым событием 1930-х коллективизацию. Ярче всего их подход был представлен в произведениях В.П. Астафьева, прежде всего в знаменитом «Последнем поклоне» (1961–1967). В. Астафьев ведет повествование с 1933 г. (рассказы «Ангел-хранитель», «Мальчик в белой рубашке»), наверное, самого голодного года довоенной поры. Писатель не скрывает своего отношения к коллективизации, подчеркивает, что именно после создания в его родной Овсянке колхоза имени Щетинкина село осталось *без молока, хлеба, мяса* [Астафьев, 1997, с. 313]. Позже, развивая логику Астафьева, А. Арцыбашев

в художественно-публицистическом исследовании «Крестьянский корень» временем невосполнимых утрат назовет 1938–1939 гг., когда русский *крестьянин вообще потерял связь с землей* [Арцыбашев, 1988, с. 97].

Анализ материала и результаты исследования. На первый взгляд, В. Липатов предельно сближается с создателями кинобестселлера, что вполне соответствует его творческой индивидуальности, представленной в многочисленных вариантах литературной биографии для современной массовой аудитории, например в варианте, предлагаемом Википедией. Но при непредвзятом чтении возникают принципиально иные сближения. Наиболее очевидное – с трагической идиллией, созданной Е. Носовым в повести «Усвятские шлемоносцы (1977) [Цветова, 2016]. Наиболее значимое – с признаниями повествователя из рассказа Г. Семенова «Объездчик Ещев»: *И мучает меня нетерпеливое чувство, неясная тоска, точно мне надо что-то обязательно вспомнить, воскресить в своей замусоренной памяти, освободить ее от всякой ерунды и зауми для чистых чувств и мыслей, без которых так надоело мне жить, что просто хоть волком вой* [Семенов, 1982, с. 7].

Главный результат самоосвобождения писателя В. Липатова – уникальный образ времени, в котором синтезировано представление о прошлом, настоящем, будущем *корневой* (определение А.И. Солженицына) России. Хронос обозначается в качестве доминанты созданной В. Липатовым художественной системы в заголовке – «...*Еще до войны*». Не столь распространенная в литературных текстах синтаксическая конструкция, вынесенная в сильную текстовую позицию, превращается в обозначение включенности изображаемого времени в огромный, не имеющий фиксированной начальной точки исторический поток, который будет нарушен, прерван через два года и сможет восстановиться в принципиально иных характеристиках, оставшись в сознании послевоенного поколения как безвозвратно потерянное, далекое прошлое.

Наречие *еще* в данном случае используется и для подчеркивания указания на время, и для усиления выразительности хронологического маркера. В тексте повести определение времени несколько раз уточняется – *довоенная пора, за два года до войны*, но при этом не называется ни одной конкретной даты. Так, намеренно игнорируя «текущий хронос» (И.И. Плеханова), писатель переводит изображаемое время из конкретного в мифологическое – сакральное, когда все было «не так, как теперь» [Мадлевская, 2006, с. 11]. Это было удивительное время незапрограммированного, естественного восстановления векового порядка после исторического шторма, о котором рассказывал писатель-сибиряк С.П. Залыгин в романах и повестях о революционном переустройстве сибирской деревни («На Иртыше», 1964; «Соленая Падь», 1967; «Комиссия», 1975) как «национальной катастрофе» [Костырко, 2022]. Это было время преодоления последствий коренного преобразования русской деревни, осуществляемого по сталинским лекалам.

Самое очевидное проявление восстановительной тенденции – уникальный топос Сибири, в структуре которого «еще не было» (!) [Липатов, 1972, с. 7]

ни лесозаводов, ни сплавных участков, ни крепких кирпичных строений. На первой же странице повести, в установочном описании сибирской деревни Улым, принявшей городскую школьницу Раю после смерти ее родителей, есть предваряющее социально-исторические детали из будущего указание на главную временную особенность изображаемой картины мира: *За два года до войны тихо жила деревушка Улым. Лесозавода еще не было, сплавно участка тоже, кирпичных домов и в задумках не имелось...* [Липатов, 1972, с. 7]. Ключевой эпитет, определяющий установившийся после исторических потрясений ритм общей жизни улымчан, – *тихо*. Наступившая тишина, как у великого Н.А. Некрасова (поэма «Тишина», 1859), – идеальное состояние мира, позволяющее восстановить в необходимых характеристиках идиллический образ «вечной Руси», над которым Е.И. Носов работал почти одновременно с Липатовым (повесть «Увятские шлемоносцы», 1977). Но Липатову этот образ необходим для решения принципиально иных художественных задач. Он, как в «Деревенском детективе», романах «Это все о нем» и «Игорь Саввович» (1979), по-прежнему сосредоточен на дне сегодняшнем, исследуя давно прошедшее время, пытается уловить направление, логику, суть цивилизационных процессов. Исходит из уверенности, что глобальные, антропологически значимые перемены, которые будут определять национальную жизнь после войны, обозначились значительно раньше. Знаки перемен писатель постепенно вводит в «подчеркнуто пасторальный» [Бикбулатова, 1976, с. 4] образ *круглой и теплой земли* (В. Липатов), на которой накануне войны все еще сохранялась идеализированная – *богатая, мирная, тихая и чинная* [Липатов, 1972, с. 15] – жизнь улымчан.

Работая над образом художественного пространства, В. Липатов, как и Е. Носов, отбирает характеристики, которые заставляют читателя вслед за персонажами воспринимать Улым как центр земли – ядро безграничного мира. Прояснение масштаба этого мира – одна из главных художественных задач: *единственная деревенская улица бесконечно простиралась в обе стороны, тайга деревню не сдавливала, небо – не ограничивало* [Липатов, 1972, с. 159]. Уникальность топографа проясняется при сравнении с Астафьевым, у которого та же особенность пространственной организации сибирских деревень представлена иначе. В «Последнем поклоне» он мимоходом замечает, что его герои жили в *длинном* селе на берегу Маны [Астафьев, 1997, с. 98].

Не менее важно, что в изображении В. Липатова довоенная жизнь сибиряков оснащена предельно малым количеством советских атрибутов. В перечень хронологических меток, которым полностью была подчинена жизнь улымчан, на равных правах входили Первомай, Пасха, вторник – день, когда в недолгую навигацию заходил в Улым пароход «Смелый». Ощущение, что эта знаковая система отражает достигнутое в предвоенную эпоху историко-культурное единство абсолютно разноплановых временных координат, на котором и основывалась удивительная гармония общей жизни – в мире, где *все было правильным, естественным* [Липатов, 1972, с. 113]. Правильность улымской жизни определялась

продолжающимся господством родовых отношений, старинных порядков, в которых проявлялась особая *целесообразность*, которую под семейным давлением в конце концов принимают и Рая Колотовкина, и младший командир Анатолий Трифонов. Повествователь подчеркивает, что этого ни за что не случилось бы *двадцать лет спустя* [Липатов, 1972, с. 112].

Устойчивость заведенных в давние времена порядков, архаичных традиций была обусловлена их прямой подчиненностью природным законам и ритмам, которые веками в значительной степени определяли жизнь деревенского человека. В этом отношении чрезвычайно характерна детально воспроизведенная В. Липатовым хронология дня улымчан: просыпались в пятом часу утра; завтракали около шести, сразу же после того, как пройдет деревенское стадо; возвращались с работы в девятом часу вечера.

Не менее консервативен и наполнен вполне определенным содержанием «кулинарно-пищевой код» [Топоров, 2014, с. 162], которому неуклонно подчинена бытовая жизнь семейства Колотовкиных. К завтраку хозяйка подавала на стол *в огромном чугуне суп-скороварку из баранины*, в котором ложка *стоймя стояла* [Липатов, 1972, с. 47], а потом *противень с огромными карасями* [Липатов, 1972, с. 50]. Ели удивительный суп с пшеничным хлебом, *ели в молчании, серьезно, деловито* [Липатов, 1972, с. 48]. А по вечерам – молоко, яйца... Доминируют «волшебные (чудесные)» [Топоров, 2014, с. 167] продукты, своеобразный вариант сакральной пищи, которая дает возможность главе семейства и братьям-богатырям по-стахановски работать.

За столом у каждого свое место, есть вполне определенная процедура потребления пищи, раз и навсегда установленная очередность в совершении самых разнообразных действий, имевшая глубокий, гармонизирующий семейные взаимоотношения смысл.

Первые сомнения в необходимости соблюдения этих старинных норм и правил принесла в Улым из далекого города Рая Колотовкина (Раиса – легкомысленная, беспечная [Тихонов, Бояринова, Рыжкова, 1995, с. 605]). Приезжая племяшка поначалу суп утром есть не могла. Не умела донести без *мокрой дорожки* ложку от чугуна. Соблюдала застольные обычаи и ритуалы с недоумением. Никак не хотела *мяса набирать*, в первую очередь именно за *худость* и пострадала – получила прозвище Стерлядка [Липатов, 1972, с. 77]. Но организация деревенского быта, полностью подчиненного ритму крестьянской жизни, заставляла Раю отступать от городских привычек, от детского ощущения легкости бытия. Более того, с течением времени эти отступления стали доставлять ей удовольствие.

Что касается общего течения жизни улымчан, то приезд Стерлядки нарушил его только на время. Но вечное время и место пока настолько сильны и стабильны, что заставляют приезжую включиться в повседневный диалог с окружающим миром. В результате этого диалога происходит восстановление родовой экзистенции самой героини. Первая любовь, не сбывшаяся под давлением родных и близких, заставит ее повзрослеть, напитаться вековой жизненной мудростью

предков – в момент расставания с Улымом почувствовать себя *устало-старой* [Липатов, 1972, с. 166], откроет неведомое ранее жизненное измерение, которое определяется многими обязательствами перед теми людьми, с которыми человек связан по роду и племени своему.

В. Липатов показывает, как все, что противоречило вековому закону, мешало его осуществлению, до сих пор нейтрализовалось, растворялось в традиционном пространстве, хотя и не бесследно. Модель нейтрализации писатель рассматривает внимательно. Кажется, что с доброй улыбкой он наблюдает, как быстро и почему переоденется и переобуется городская племяшка Колотовкиных. Открыто иронизирует по поводу «культурных» поведенческих моделей молоденькой трактористки, деревенской учительницы, младшего командира Трифонова. Пока проводники новой жизни хотя и останавливают внимание улымчан, удивляют, но не вызывают глубокого и искреннего восторга. Да и сами носители городской культуры не отличаются агрессивным поведением.

Незаметно в вековом порядке растворялись и более значимые вещи – поддерживаемые и насаждаемые официально правила и законы нового времени. В. Липатов обращает внимание на то, как государственное администрирование, за которое в Улыме отвечал колхозный председатель, мудро и незаметно, без лишних разговоров подменяется общинным контролем. Писатель показывает, как живая жизнь чаще всего безболезненно редуцировала идеологически важные установки советской эпохи, как после редукации многие детали приобретали иронический смысл. Стоит взглянуть в подробности колхозного собрания, организованного не в колхозном клубе, а на берегу лесного озера, где *все цветы здесь цвели, все птицы пели, все ручейки журчали* [Липатов, 1972, с. 56]. Президиума не было, а необходимые для протокола выступления участников собрания в *прениях* были преобразованы в пародийную форму газетной передовицы, не востребованную слушателями и недоступную им. И завершилось необычное собрание не привычным голосованием, а всеобщим праздничным застольем: как только председатель Петр Артемьевич **объявил прения закрытыми**, колхозники *деловито принялись за баранину с картошкой, квас и пшеничный румяный хлеб* [Липатов, 1972, с. 66]. Председателя слушались *беспрекословно*, как слушаются *старшего в староверческом роду* [Липатов, 1972, с. 8], непонятное великодушно воспринимали как ритуальное. Но главное в сюжете этого произведения – его антропологический код, в котором уникальные характеристики сибиряков приобретают особый статус. Так, в знаменитом кинофильме «Сказание о Земле сибирской» официально-пропагандистский образ Сибири был представлен идеологической формулой *земля потомков Ермака*. Формула актуализировалась упоминанием ряда исторических персон: землепроходца Е.П. Хабарова, бесстрашного казачьего атамана, первооткрывателя Дальнего Востока, острова Сахалин, И.Ю. Москвитина... В. Липатов практически полностью игнорирует активно презентуемую официальную историю и антропологию Сибири. В самом начале повести он дает своеобразный социологический срез населения Улыма, подчеркивает,

что жили в поселке староверы, переселенцы, остяки и, конечно, чалдоны. Создавая описание улымского народа, вышедшего почти в полном составе (за исключением *самых древних стариков, которые с полатей не поднимались* [Липатов, 1972, с. 15]) на пристань встречать *кособокий пароходишко*, Липатов обращает внимание прежде всего на поколенческую разницу. *Старухи оделись потеплее – в кацавейках из плиса или бархата, в длинные до земли юбки, а головы украсили полушалками с кистями <...> Женщины средних лет оделись в кофты с оборками, в юбки до щиколоток, головы туго повязали платками с цветастыми бордюрами <...> На молодых – модные в то время крепдешиновые и креп-жоржетовые кофточки, юбки сатиновые или плисовые.*

В описании встречи – невероятное, сохранившееся с дореволюционного прошлого малявинско-кустодиевское богатство красок. Легкая ирония пульсирует в портретах улымских ровесниц Стерлядки, произносивших слово «Москва» с *молитвенными глазами, носивших цветные береты с заколками-бонбончиками, умевших за шесть секунд натянуть на лицо пахнувший резиной и тальком противогаз* [Липатов, 1972, с. 16, 34]. В описании обнаруживаются историко-этнографические компоненты – проявления консервативности и зажиточности сибиряков, связи их бытовой культуры с традициями переселенцев-южан, влияния молодежной моды советской эпохи. Главное, этот прием позволяет писателю показать, насколько отчетливо в одежде, в деталях костюма, проявляется, с одной стороны, неуничтожимость, неистребимость времени, с другой – его быстротечность: одно поколение не успевает оставить историческую сцену, его начинают подталкивать вперед идущие вослед.

Но при создании образов центральных героинь В. Липатов меняет привычную технику портретирования. Личные, неповторимые детали – вариации коллективного портрета девушки-улымчанки, напоминающей статью не то героических баб-богатырок [Ковтун, 2022, с. 108–118], не то героизированных А. Самохваловым советских Венер («Девушку в футболке», 1932; «Метростроевку со сверлом», 1937): *коренастые, крепкие, широкоплечие; икры ног <... > вздувались пузырями и были красными, ядреными; ноги на земле не стояли, а толстыми корницами росли из нее, земли-матушки; на щеках арбузная яркость; руки <...> при большой силе»* [Липатов, 1972, с. 9–13].

Разная степень индивидуализации портретной характеристики очевидна в оппозитивном ряду, в который писатель включает трактористку Граньку и городскую Раю Колотовкину. Раюха и одета не так (в *городской нахальный сарафан* [Липатов, 1972, с. 136]); и комплекции не той; и *нога длинная* [Липатов, 1972, с. 24], делающая похожей на *осеннюю цаплю* молоденькую девушку [Липатов, 1972, с. 28]; и от *грамоты* не планирует *ослобониться* [Липатов, 1972, с. 23], и *взбрыкивает* постоянно – *позорит родного дядю* [Липатов, 1972, с. 29]. Трактористка Гранька – вариант портретной антитезы. От природы *имела весь набор деревенской привлекательности: соболиные брови, алый рот, зазорный нос, нежный подбородок, но при этом была коренаста, широкоплеча и коротконога*

[Липатов, 1972, с. 37]. По одежде и поведению – героиня популярных тогда «Трактористов» (1939, режиссер И. Пырьев) с Н. Крючковым и М. Ладыниной в главных ролях. Именно поэтому Стерлядка очень скоро признает красоту Граньки, подружится с ней, с ней и больше ни с кем. Не с Валькой же Капой, воспитанной в семье бывших кулаков, ей дружить? Пока в Улыме сама она обречена на еще большее одиночество, чем отчаянная девчонка по прозвищу *Оторви и брось*. Стерлядки только через несколько десятилетий заполнят улицы советских городов [Липатов, 1972, с. 126].

Писатель демонстрирует удивительный, как сказал бы В.В. Розанов, «дар внутреннего глубокозрения», для того чтобы склонить нас к размышлению о причинах устойчивости уникального мира, времени, человека. И в качестве стимула в первую очередь использует метапоэтику живописи. Созданная В. Липатовым «гипотеза воспоминаний» (А.С. Ахманов) обретает ассоциативную природу при апелляции к цветовым маркерам зрительных образов. Цветовых доминант в этой повести В. Липатова несколько: олицетворяющий ожидание радости *красный* цвет (*большое красное солнце, красная звезда на небе, красная звезда, бордовая река*); символизирующий торжество жизни *зеленый* (*большая зеленая звезда, зеленоватая даль, зеленый двор, зеленые глаза у Стерлядки*); *синий* цвет – цвет неба и воды (*синие кедрачи, синий дымчатый вечер, синяя утренняя трава, голубое небо*). Очевидно, что цветовые маркеры имеют фольклорное или мифологическое происхождение. Привычная для консервативного сознания цветовая гамма функционально традиционна. Известно, что во многих художественных системах цвет является главным олицетворением жизни, в данном случае жизни вечной, осуществляемой в нарушаемой только природными звуками *тишине* и *покое*. Деталей, демонстрирующих этот удивительный покой, много: река Кеть текла под яром *смирно*; чайки парили над рекой *бесшумно* [Липатов, 1972, с. 14]; по вечерам слышно было, как шуршали под белыми тапочками *сухие кедровые иглы* [Липатов, 1972, с. 114] и *приглушенно чирикали сытые воробьи* [Липатов, 1972, с. 21].

А вот цветовая доминанта бесспорная и неожиданная – розовый цвет. В традиционной культуре, как считают специалисты, «это цвет духовной радости и нежности» [Серов, 2015, с. 165]. В. Липатов корректирует традиционную семантику, нагружает, дополняет розовый иными смыслами. С одной стороны, это средство трансляции психологического состояния героини, позволяющее восстановить динамику ее отношения к миру, который в день возвращения на родину отца показался девушке черно-белым, закрытым *темной стеной тайги* [Липатов, 1972, с. 7]. Но однажды наступило утро, когда с первых мгновений дня *начала вокруг разливаться розовость* [Липатов, 1972, с. 109].

С другой стороны, *розовость* – наиболее частотная характеристика авторского взгляда на изображаемую реальность: *розовый закат, розовый блик заката, розовый костер, Кеть розовела, налилась розоватостью большая луна, розовели окна, отражение лодочки в Кети... нежно-розовое, розовый костер.*

Эти эмоции напоминают о сюжетах П.-О. Ренуара, Д.-У. Уотерхауса, А.-Ф. Латура, Э. Мане, наконец, К. Коровина и Н. Касаткина, в творчестве которых розовый цвет ассоциируется с очарованием молодости. Очевидно импрессионистское восприятие розового как цвета заката, который помогает в разноформатных деталях передать уникальное, невероятно острое восприятие природы как обреченное на исчезновение, уходящее чувство жизни. Кажется, что память возвращает В. Липатова в уже несуществующую Сибирь, которую он рассматривает, как сказали бы поэты XIX в., сквозь «розовые стекла поэтического воображения». Легкая самоирония заставляет сомневаться в том, что сам он верит в оправданность, в необходимость, тем более в вероятность такого возвращения: *Вызрела уже над стрехой клуба и налилась розовостью большая луна с вислыми хохочущими щечками, с прищуренным левым глазом, полнокровная и здоровая* [Липатов, 1972, с. 35].

Еще один важный элемент художественной системы, созданной В. Липатовым, – интонационный рисунок повествования. Значительная часть текста повести предельно близка к метризованной прозе: *Полы в улымских домах не красили, а два-три раза в неделю скоблили острыми ножами, после чего кедровые плахи представлялись покрытыми желтым узорчатым ковром – выступал древесный рисунок* [Липатов, 1972, с. 8]. С одной стороны, интонационное устройство фразы/абзаца отражает авторскую технику работы с жизненным материалом: фиксация детали; бесконфликтное, констатирующее соотнесение ее с бытовым опытом читателя и эстетизация увиденного, зафиксированного. С другой – как сказал один из исследователей, «интонация – душа речи». И «бестелесный» интонационный код незаметно, не достигая сознания, проникает в сердце [Невзглядова, 2015, с. 5], задавая элегическое звучание липатовского текста, техника создания которого была отработана русской «лирической прозой» (Ю. Казаковым, Г. Семеновым, В. Солоухиным и др.).

Выводы. Анализ лучшей повести В. Липатова доказывает, что литератор, наделенный замечательным чувством времени, не изменяя себе, в завершение своего пути приходит к заказанным эпохой размышлениям над судьбами русской цивилизации, которые едва были намечены в образе «деревенского детектива» Анискина – идеальном выражении идеи служения людям в послевоенное время. Улымский председатель колхоза мог бы стать таким же участковым, принявшим на себя ответственность за каждого односельчанина, если бы уцелел в военное лихолетье.

Автор повести «...Еще до войны» уже не «ортодоксальный соцреалист». При ориентации только на интерпретацию текста, на постижение всей глубины писательского слова стереотипное представление о творческой эволюции и индивидуальности В. Липатова рушится. Да, он по-прежнему пытается найти героическое в характерах своих персонажей, таких разных и хороших. Для этого создает мифологизированный хронотоп, который способствовал сохранению типологических качеств *красивого, здорового, скромного и веселого* [Липатов, 1972, с. 61],

хозяйственного да заботливого [Липатов, 1972, с. 65] русского человека. Показывает, что климатом и географией Сибири были востребованы способность к общей жизни, тонкому ощущению природы, эстетически обусловленной созерцательности, наконец, удивительные трудолюбие и *терпеливость*. По Липатову, именно поэтому сибирякам накануне войны, несмотря ни на что, удавалось удерживать модель жизни *спокойной, безмятежной, неосознанно счастливой* [Липатов, 1972, с. 103] – «вечную модель личного и общественного поведения» [Мелетинский, 2000, с. 7], обладающую огромным созидательным потенциалом.

Но в пасторальном, даже эпико-патетическом повествовании о довоенной сибирской жизни все время возникают трагические нотки, появляются детали, актуализирующие мотив прощания – доминанту художественной философии «деревенщиков». В. Липатов, как В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, Е. Носов, уже знает, что стояло за появлением в Ульме удивительной Стерлядки. Только многочисленные улымские Колотовкины, жившие своим трудом и только в труде, направленные на сохранение вековой идиллии, еще не подозревали, что вступают в заключительный этап многовековой истории крестьянской России. За два года до войны они еще не знают, что погибнут на фронте сыновья председателя, младший командир Анатолий Трифонов. А послевоенная жизнь Стерлядки в столице наверняка будет определяться не природным порядком, а вполне определенным набором социальных факторов, индивидуальным, а не общим интересом. Несмотря на «улымскую прививку», Стерлядку и довоенный Улым разведут время и бытие – онтологически важные величины. Уверенность в этом и определяет трагизм мышления В. Липатова, который в окончательном варианте будет предьявлен в последней его литературной работе – в повести «Серая мышь».

Литературный опыт уходящего в историю В. Липатова, обнаруженные параллели и конфликты позволяют приблизиться к пониманию уникальности позднего советского периода в истории русской литературы. Безусловно, это была эпоха горячо отрицаемого «третьей волной» огромного литературного разнообразия – ее горизонтальный срез представлен исследователями «деревенской», «городской», «военной», «лирической», «молодежной» прозы, «эстрадной», «тихой», «военной» лирики, «производственной», «лирической» драмы. Это очевидность, но есть еще один важный нюанс. Когда-то Ю.Б. Борев утверждал, что отсутствие единого художественного направления, «своеобразный художественно-концептуальный плюрализм» поздней советской эпохи не давали возможности создать новую концепцию мира и человека [Борев, 2003, с. 8]. Но творческий опыт В. Липатова доказывает, что литературная вертикаль все-таки существовала. Она притягивала очень разных художников, позволяла формировать мощную творческую перспективу, освобождаясь от социального заказа. Именно по вертикали, постоянно смещая горизонтальные границы, двигались литераторы, смыслом работы которых становилось постижение сути времени – сути цивилизационного кризиса, разразившегося на исходе прошлого столетия.

Библиографический список

1. Арцыбашев А. Крестьянский корень. М.: Советская Россия, 1988. 160 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 2 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4. 460 с.
3. Бикбулатова К.Ф. Проблема положительного героя в современной советской литературе. Л.: Знание, 1976. 15 с.
4. Борев Ю.Б. Литература и литературная теория XX в. Перспективы нового столетия // Теоретико-литературные итоги XX века. Литературное произведение и художественный процесс. М.: Наука, 2003. С. 6–49.
5. Быков Д. Советская литература: краткий курс. М.: ПРОЗАИК, 2013. 412 с.
6. Дворяшин Ю.А. Русская советская повесть 60-х – начала 70-х годов (Эволюция жанра в творчестве В. Белова, В. Липатова, В. Распутина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ленингр. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1976. 21 с.
7. История советской литературы: новый взгляд: по материалам Всесоюзной научно-творческой конференции. 11–12 мая 1989 г. М.: Наука, 1990. Ч. 1, 2. 245 с., 247 с.
8. Казаркин А.П. О прозе Липатова // В.В. Липатов (1927–1979). Библиографический указатель / сост. А.В. Яковенко. Томск: Областная универсальная библиотека, 2015. С. 5–11.
9. Ковтун Н. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник Новосибирского национально-исследовательского университета. 2022. Т. 21, № 2. С. 108–118.
10. Костырко С. Публицистика [Электронный ресурс]. URL: <https://modernlib.net/> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Липатов В. Две повести. М.: Молодая гвардия, 1972. 271 с.
12. Литературная матрица. Советская Атлантида. СПб.: Лимбус-Пресс, 2013. 528 с.
13. Мадлевская Е. Предисловие // Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. С. 7–23.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд. М.: Восточная литература (РАН), 2000. 407 с.
15. Невзглядова Е.В. Интонационная теория стиха. СПб.: Нестор-История, 2015. 160 с.
16. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.
17. Семенов Г.В. Утренние слезы: рассказы. М.: Современник, 1982. 335 с.
18. Серов Н. Символика цвета. СПб.: Страта, 2015. 204 с.
19. Тихонов А.Н., Бояринова, Л.З., Рыжкова, А.Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. 734 с.
20. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. М.: Языки славянской культуры-Знак, 2014. Т. 1. 595 с.
21. Цветова Н.С. Онтопоэтика повести Е.И. Носова «Усвятские шлемоносцы» // «В краю отеческой привязанности». Образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. С. 142–161.

Сведения об авторе

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-0000-0002-4093-0427>; e-mail: cvetova@mail.ru

VIL LIPATOV: VERTICAL MOVEMENT (TO THE PROBLEM OF CREATIVE EVOLUTION OF A WRITER)

N.S. Tsvetova (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem and purpose of the article. The article is devoted to the semantic structure and poetic form of one of the best stories of a famous novelist, winner of numerous *Village Simenon* literary prizes (K. Parte) Vil Vladimirovich Lipatov, who is now classified as a regional classic. The relevance of the research is primarily due to the need to continue working on the history of Russian literature of the Soviet period.

Research results. The author of the article emphasizes that when working on the text of the story *...Even Before the War*, V. Lipatov was aimed at creating a largely idyllic chronotope, which was already evident in the title of this literary work. In accordance with the goal, the novelist created the lexical form of the text, used the poetics of the proper names of the characters, updated the traditional portraiture technique for Russian prose, metrized the prose narrative, and offered rather unexpected associative fields. However, the powerfully manifested idyllic beginning was destroyed by the tragic subtext, broadcasting the motive of farewell in a special artistic format, primarily through the actualization of numerous contextual parallels and oppositions. The features of the revealed dialogue of the popular writer, who received the widest recognition during his lifetime, with his contemporaries allow us to insist on the uniqueness of the late Soviet period in the history of Russian literature. This is an era when artists belonging to different literary movements were united by one super task — the study of the Russian world of the era of cardinal civilizational changes, which intensified the search for an original artistic form.

Conclusion. The literary experience of Vil Lipatov proves that the culminating period of his creative evolution is the time of liberation of Soviet literature from the social order, the time of gaining new prospects in understanding the essence of time.

Keywords: *chronotope, idyll, portrait, associations, civilizational changes.*

References

1. Artsybashev A. Peasant root. Moscow: Soviet Russia, 1988. 160 p.
2. Astafyev V.P. Collected works: in 15 vols. Krasnoyarsk, Offset. 1997. Vol. 4. 460 p.
3. Bikbulatova K.F. Problema polozhitel' nogo geroya v sovremennoj sovetskoj literature. Leningrad: Znanie. 1976. 15 p.
4. Borev Yu.B. Literature and literary theory of the twentieth century. Prospects of the new century. Moscow: Nauka, 2003. P. 6–49.
5. Bykov D. Soviet literature. Short course. Moscow: PROZAIK, 2013. 412 p.
6. Dvoryashin Y. The Russian Soviet Story of the 60-s – early 70-s (The evolution of the genre in the works of V. Belov, V. Lipatov, V. Rasputin): Abstract of the dis. for the degree of Candidate of Philological Sciences. Leningrad: Leningr. pedagogical Institute named after A.I. Herzen, 1976. 21 p.
7. The History of Soviet Literature: a new look. Based on the materials of the All-Union Scientific and Creative Conference. May 11–12. Moscow: Nauka, 1990. Part 1–2. 247 p.
8. Kazarkin A.P. About Lipatov's prose. In V.V. Lipatov (1927–1979). Bio-bibliographic index. / Comp. A.V. Yakovenko. Tomsk: Regional Universal Library, 2015. P. 5–11.
9. Kovtun N. Who are they, the heroines of modern prose: a epic hero, a “Woman with a pillow” or a businesswoman? 2022. T. 21. P. 108–118.

10. Kostyrko S. Journalism [Electronic resource]. URL: /<https://modernlib.net> / (access date: 23.01.2022).
11. Lipatov V. Two stories. Moscow: Molodaya gvardiya, 1972. 271 p.
12. The literary matrix. Soviet Atlantis. St. Petersburg: Limbus-Press, 2013. 528 p.
13. Madlevskaya E. Preface. In Russian mythology. Encyclopedia. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2006. P. 7–23.
14. Meletinsky E.M. The Poetics of Myth. Moscow: Oriental Literature (RAS), 2000. 407 p.
15. Nevzglyadova E.V. Intonation theory of verse. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. 160 p.
16. Parte K. Russian village prose: the bright past. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2004. 204 p.
17. Semenov G.V. Morning tears. Stories. Moscow: Sovremennik, 1982. 335 p.
18. Serov N. Symbolism of color. St. Petersburg: Strata, 2015. 204 p.
19. Tikhonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. Dictionary of Russian personal names. Moscow: School-press, 1995. 734 p.
20. Toporov V.N. Mythology. Articles for mythological encyclopedias. Moscow: Languages of Slavic culture-Sign, 2014. Vol. 1. 595 p.
21. Tsvetova N.S. Ontopoetics of the story of E.I. Nosov “The Usvyat helmet-bearers”. In “In the land of paternal affection”. Images and legends of the Central Chernozem region in the literature of the twentieth century. Voronezh: Nauka-Unipress, 2016. P. 142–161.

About the author

Tsvetova, Natalia Sergeevna – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Higher School of Journalism and Mass Media, Saint Petersburg State University (Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-0000-0002-4093-0427>; e-mail: cvetova@mail.ru

УДК 821.161.3

ДАНТОВСКИЕ ИМПУЛЬСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЭТА МАКСИМА ТАНКА

В.И. Черота (Минск, Беларусь)

Аннотация

Постановка проблемы. Максим Танк (1912–1995) был одним из самых осведомленных в мировой литературе белорусских писателей. Из представителей итальянской изящной словесности он выделял Данте Алигьери, о чем свидетельствуют многочисленные непосредственные упоминания и аллюзии в его стихотворениях, статьях и дневниках.

Цель статьи – проанализировать мотивы обращения М. Танка в своем творчестве к великому флорентийскому поэту и его литературному наследию.

Результаты исследования и выводы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что М. Танк ценил его прежде всего как автора «Божественной комедии», в которой непревзойденно описаны ад и ужасные страдания грешников. В целом же Данте воспринимался и как человек, вкусивший горький хлеб изгнания, прошедший все круги ада и вернувшийся к живым, а также как гениальный художник слова, своими творениями обеспечивший себе бессмертие. В последнем прижизненном поэтическом сборнике М. Танка «Мой ковчег» (1994) наблюдаются исходящие от гения итальянской литературы творческие импульсы, которые по-своему обусловили интерпретации тем смерти и бессмертия, спасения души и возвышенной любви; к тому же предлагается свое видение ставшего в мировой литературе вечным образа Беатриче.

Ключевые слова: дантоведение, «Божественная комедия», белорусская литература, поэзия, творческие импульсы, аллюзия, сонет, терцины.

Постановка проблемы. Максим Танк (наст. Скурко Евгений Иванович; 1912–1995), народный поэт Беларуси (1968), основательного и систематического филологического образования не имел: окончив польскую начальную школу, с 1926 по 1932 г. он учился в гимназиях Вилейки, Радошковичей и Вильно, но аттестата о среднем образовании так и не получил. Вместе с тем, благодаря самообразованию, среди белорусских писателей он стал одним из самых осведомленных в истории литературы многих народов мира.

Если рассматривать конкретно итальянскую литературу, то достоверно известно, что в круг чтения М. Танка входили творения ее классиков: Лудовико Ариосто, Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Джузеппе Джоакино Белли [Танк, 2009, т. 9, с. 39, 440, 456–457; Танк, 2010, т. 10, с. 662], а также произведения писателей XX в.: книга «Легенда Ленина» К. Малапарте [Танк, 2009, т. 9, с. 322], роман «Фонтамара» И. Силоне [Танк, 2009, т. 9, с. 388; Танк, 2010, т. 10, с. 452, 606], рассказы Д. Буццати [Танк, 2010, т. 10, с. 396], книга очерков «Христос остановился в Эболи» К. Леви [Танк, 2010, т. 10, с. 647]. Убедительным свидетельством того, что белорусский писатель располагал обширными сведениями об итальянской поэзии своей эпохи, может служить его вступи-

тельная статья «Приятной встречи!» («*Прыемнай сустрэчы!*») к сборнику «От башен Феррары» («*Ад вежаў Ферары*», 1974) [Ад вежаў Ферары, 1974, с. 3–9]. В этом издании представлены переводы тридцати трех поэтов Италии, причем двоих (С. Квазимодо и А. Северини) М. Танк переводил сам лично [Ад вежаў Ферары, 1974, с. 86–87, 148–153].

Художественные произведения, а также статьи и дневники народного поэта Беларуси содержат многочисленные упоминания Данте Алигьери и его «Божественной комедии». Уже на этом основании допустимо делать вывод, что флорентийскому поэту и его бессмертной поэме М. Танк отводил особое место в истории литературы не только итальянской, но и мировой.

Цель статьи. Между тем ограничиваться только поверхностными наблюдениями вряд ли уместно. Следует все-таки выяснить мотивы творческого «притяжения» и проанализировать, в чем конкретно и как оно выражалось. Это в данной статье мы и попытаемся сделать.

Результаты исследования. Впервые имя автора «Божественной комедии» народный поэт Беларуси упоминает в дневниковой записи от 6 июля 1936 г.: «Мы могли бы поучиться у Данте, как писать о современном аде, а у Мицкевича – как бороться с создателями этого ада. Интересно, что до последнего времени у нас популяризировались и переводились произведения посредственных поэтов, а не этих гигантов» [Танк, 1986, т. 3, с. 261–262]. Стоило бы обратить внимание, что именно Максим Танк первым, насколько нам известно, поставил вопрос о востребованности белорусскоязычного перевода поэмы флорентийца. Но более существенно иное: белорусский поэт выделяет Данте, титана мировой художественной культуры, и подчеркивает его значение прежде всего как певца Ада, многогранно и непревзойденно изобразившего испытания и страдания в первой части «Божественной комедии», которая была, есть и будет образцом для художников слова во всем мире. Кроме того, данная дневниковая запись позволяет полагать, что с шедевром Данте к середине 1936 г. М. Танк уже был знаком. Правда, остается открытым вопрос, в переводе на какой язык (русский или польский) он читал «Божественную комедию». Известно, например, что ознакомление белорусского писателя с творчеством К. Малапарте и И. Силоне происходило через польскоязычные издания.

Вскоре после того, как сделана процитированная выше дневниковая запись, в первом номере журнала «Путь Молодежи» («*Шлях Моладзі*») за 1937 г. М. Танк публикует «Ответ на статью якобы о поэзии, помещенную в “Бел. фронте” № 1 (10) п<од> н<азванием> “Цели поэзии” Ш.» («*Адказ на артыкул быццам аб паэзіі, змешчаны ў “Бел. фронце” № 1 (10) п<ад> н<азвай> “Мэты паэзіі” Ш.*»). И в нем молодой еще поэт полемизирует со «жрецами “чистой поэзии”», утверждая: «*Нечего бояться, что поэзия “понизится” до своих истоков – к вопросам дня: к моральным, социальным, национальным проблемам, к художественному их решению.* Это ее дорога! Не в этом ли достоинство

великих произведений мировой литературы: Данте, Шекспира, Гете, Мицкевича, Толстого, не говоря уже о сегодняшних титанах слова?!» (здесь и далее перевод с белорусского языка наш. – В. Ч.) [Танк, 2009, т. 8, с. 186–187]. Как видим, по мнению белорусского писателя, значимость гениальных творений заключается в том, что их авторы черпали материал для творчества из самой жизни, не боялись «соприкосновения с эпохой», были чуткими к насущным проблемам общества и предлагали их решения.

Как певец Ада представлен итальянский поэт в стихотворении «Наставления» («*Парады*»), которое датируется 7 января 1939 г. Две заключительные строфы его звучат так:

Калі ж свой мець будзеш розум
(Музы хай тады бароняць)
І на ліры сваей, можа,
Не пад густ ім ты зазвоніш, –

Не апішаш пяром Дантэ
Таго пекла, таго дыму,
Што падымецца на шпальтах
Ад Завальнай аж да Рыму [Танк, 2006, т. 1, с. 183].

(Буквально: Если же будешь иметь свой ум / (Музы пусть тогда тебя защищают) / И на лире своей, может, / Не под вкус их ты зазвенишь, – / Не опишешь пером Данте / Того ада, того дыма, / Что поднимется на шпальтах = столбцах / От Завальной до самого Рима.)

Правда, эти строки не вызывают тяжелых и жутких ассоциаций с дантовским адом, поскольку стихотворению свойственна актуально-сатирическая направленность, а упоминание о знаменитом итальянском поэте имеет целью усилить сатиру на явление частное – редакторскую практику того времени.

Вместе с тем если обобщенно ставить вопрос об актуализации наследия Данте Алигьери в творчестве белорусских писателей XX столетия, то невозможно не заметить, что она происходила именно во время войны либо в произведениях военной тематики («Смейся!..» (1915) Я. Купалы, «На путях воли» («*На шляхах волі*», 1926–1935, 1955–1956) Я. Коласа, «Мельница на Синих Омутах» («*Млын на Сініх Вірах*», 1957) и «Последняя песня Данте» («*Апошняя песня Дантэ*», 1961) В. Короткевича, «Баллада про живой крест» («*Балада пра жывы крыж*», 1976) О. Лойко). Это подтверждает и написанное по горячим следам стихотворение «Мы в свой город пришли» («*Мы ў свой горад прыйшлі*», 1944), являющееся одной из «поэтических вершин не только самого Максима Танка, но и всей белорусской литературы военного времени» [Бугаеў, 1964, с. 106]. В названном произведении представлена ужасающая картина разрушенного войной города, который изменился до неузнаваемости и стал почти чужим для лирического героя.

Он испытывает душевную боль и страдает не только из-за того, что видит руины родного города, – ему не дают покоя тени жертв войны:

Город мой, город мой,
 Сколько гордых, отважных и смелых
 Здесь легло под тобой
 На руинах твоих онемелых?
 Только тени встают
 И, назвав друг за дружкою имя,
 Через город ведут,
 И, как Данте, иду я за ними...
 И пожалуй, страшней
 Всех блужданий во тьме преисподней
 Путь меж мертвых камней...
 Я на муки пошел бы охотней.

(Перевод А. Чивилихина [Танк, 1985, т. 1, с. 270].)

Необходимо заметить, что в оригинале последние две строки процитированного отрывка разительно отличаются: «Дзе б агнямі мяне / За грахі катавалі і секлі» [Танк, 2006, т. 2, с. 50] (Буквально: Где б огнями меня / За грехи истязали и секли.)

«По потрясающей человечности переживаний, по напряженности душевных сил, – писал белорусский литературовед В.А. Колесник, – эти строки особенны в творчестве Танка, и даже в белорусской поэзии военных лет. Не только внешне соответствует правде соседство автора с великим Данте. Стихи Танка поистине поднялись здесь до уровня мировой поэзии» [Калеснік, 1981, с. 55]. Включенная в текст аллюзия на «Божественную комедию» помогает жуткой картине, изображенной М. Танком, «разрастаться вширь и вглубь, ведет к многозначности исторических параллелей и сопоставлений» [Арочка, 2001, с. 329] с дантовским «Адом».

В 1960 г. делегация Союза писателей СССР, в состав которой входили М.П. Бажан, А.Б. Чаковский, М.И. Алигер, Г.С. Брейтбурд и Максим Танк, приняла участие в работе конгресса Европейского сообщества писателей (Comunità Europea degli Scrittori), проходившего 20–22 июня в Риме. На следующий день после завершения конгресса, т.е. 23 июня, белорусский писатель совершил поездку во Флоренцию [Танк, 2010, т. 10, с. 32]. Побывавший во многих странах мира, он был глубоко убежден, что «...на земле, помимо деревьев, трав и цветов, везде растут и стихи», и признавался: «Я их находил на всех своих дорогах, на всех континентах» [Танк, 2009, т. 8, с. 88]. Из города, являвшегося одним из центров итальянского Возрождения, Максим Танк привез на родину стихотворение «Во Флоренции» («У Фларэнцыі», 1961). Имя Данте Алигьери в этом произведении появляется, конечно же, не случайно, ведь он – один из самых знаменитых

уроженцев этого города. В названном стихотворении еще раз отразилось отношение белорусского поэта к наследию классика мировой литературы:

Ты захотел еще
 На площади Синьории
 Минуту постоять
 Перед бессмертным Данте.
 Ведь каждый камень здесь
 Его строкой пылает,
 И с мраморной ладони
 Он кормит голубей.
 (Перевод Я. Хелемского [Танк, 1985, т. 2, с. 125].)

Примечательно, что во время следующего пребывания в Италии (конец сентября – начало октября 1963 г.), куда ездил по приглашению общества «Италия – СССР», М. Танк еще раз посетил Флоренцию, а также побывал в Равенне, где «посетил и могилу Данте» [Танк, 2010, т. 10, с. 96].

Образ ада, как тематический импульс от итальянского поэта, очередной раз используется в верлибре «Однажды с Данте я спустился в ад...» («Аднойчы я ішоў з Дантэ...», 1971). По замыслу автора знаменитый флорентиец появляется, чтобы свидетельствовать, что со времен его последнего путешествия в преисподнюю, то есть за прошедшие века, мир изменился не в лучшую сторону:

Аднойчы я ішоў з Дантэ
 Па спіралях пекла.
 І ен дзівіўся,
 Што з часоў апошняе вандроўкі
 У царстве ценяў
 Прыбавілася столькі новых
 І невядомых
 Яму кругоў [Танк, 2007, т. 4, с. 227].
 В переводе Я. Хелемского это стихотворение звучит так:
 Однажды с Данте я спустился в ад.
 Прошли мы по спиральям преисподней.
 Был мой великий спутник потрясен:
 Ведь с той поры, когда впервые он
 Спустился в царство горестных теней,
 Прибавилось в аду немало новых,
 Неведомых ему кругов... [Танк, 1985, т. 2, с. 472].

Несколько неожиданными – ведь время, когда написан этот текст, можно считать вполне благополучным – являются размышления белорусского поэта о противоречиях своей эпохи. И вряд ли случайно, что в качестве импульса служит прямая отсылка к первой части «Божественной комедии», автора которой он выбрал себе в спутники.

В дальнейшем М. Танк обращается к наследию Данте Алигьери не только по упомянутой образно-тематической линии. Он, как и белорусские писатели в целом, представителя итальянского Возрождения выделял даже из плеяды корифеев мирового искусства как личность с исключительным опытом и не менее исключительными способностями воплотить этот опыт как универсальный, общечеловеческий. Например, литературовед Е.И. Боричевский в своей работе «Теория сонета» («*Тэорыя санета*», 1927) характеризовал Данте Алигьери как одного из «первых выдающихся сонетистов, которые известны истории литературы» [Барычэўскі, 1927, с. 39]. Эту же заслугу знаменитого флорентийца перед мировым искусством слова отмечает и Максим Танк. В стихотворении «Сонет» («*Санет*», 1973) он авторитетом Данте подкрепляет свое мнение относительно того, что, несмотря на научно-технический прогресс и стремительные, кардинальные изменения в жизни человека, данная твердая стихотворная форма по-прежнему остается жизнеспособной и пригодной для художественного исследования мира:

Наіўныя! Мой карабель – санет
 Калісьці збудаваў вялікі Дантэ,
 А сам Шэкспір на ім адкрыў сусвет [Танк, 2008, т. 5, с. 29].

(Буквально: Наивные! Мой корабль – сонет / Когда-то построил великий Данте, / А сам Шекспир на нем открыл вселенную.)

Мы, продолжая дантологический обзор, считаем необходимым отметить также, что у Максима Танка, помимо сонетов, как того корабля, который «когда-то построил великий Данте», обнаруживается весьма удачная практика «освоения» терцин – в стихотворении «У этих сосен» («*Ля гэтых сосен*», 1952) [Танк, 1985, т. 1, с. 533]. Хотя в его содержании непосредственные переключки отсутствуют, все-таки следует учитывать полностью справедливое утверждение, что терцины «были канонизированы Данте в “Божественной комедии”» [Гаспаров, 2001, стб. 1074], а сам этот факт рассматривать как закрепление М. Танком дантовской традиции в белорусской поэзии.

В том же плане значительный интерес представляет стихотворение «Записываю распорядок дня...» («*Запісваю парадак дня...*», 1982). Его автор, помимо решения мелких бытовых вопросов, в свой список того, что он должен выполнить после работы, вносит и следующий пункт:

Забежать на Парнас,
 Осведомиться,
 Отчего это Зевс не позволил
 Данте,
 Пушкину,
 Богдановичу
 Дописать начатые страницы,
 Осуществить все задуманное?..
 (Перевод Я. Хелемского [Танк, 1986, т. 3, с. 80].)

Здесь М. Танк явно и безусловно отводит Данте первое место среди обитателей Парнаса. А вместе с тем, очередной раз акцентируя заслуги автора «Божественной комедии» перед мировой литературой, сожалеет о его несчастной судьбе и не до конца осуществленных творческих замыслах.

В последнем прижизненном поэтическом сборнике М. Танка – «Мой ковчег» («*Мой каўчэг*», 1994) – доминирует элегическая тональность. На склоне лет народный поэт Беларуси погружается в воспоминания о былом, переосмысляет все прожитое и пережитое, размышляет над извечными вопросами бытия и истинными ценностями. Поэтому неудивительно, что имя гения итальянской литературы в стихотворениях, вошедших в названный сборник, встречается довольно часто. Рассмотрим первое из них – «Перед расставанием» («*Перад развітанням*», 1989). Оно переносит нас во Флоренцию, где «Над кожной аканіцай, брамай / Канцоны Дантэ» [Танк, 2008, т. 6, с. 170].

(Буквально: Над каждой ставней, каждым воротами / Канцоны Данте.) Предчувствуя, что приближается время его смерти, когда он встретится с друзьями «на ступеньках ада», лирический герой внимательно вчитывается в строки поэта и ищет в них отгадку: «Як зноў вярнуўся, якою кладкай / Ен з таго свету» [Танк, 2008, т. 6, с. 171]. (Буквально: Как снова вернулся, какими мостками / Он с того света.) А завершаются рефлексии такими многозначными словами:

Цямнее небасхіл. Крутыя
Раскаты грому.
Пусцее плошча Сіньеры.
Пара дадому [Танк, 2008, т. 6, с. 171].

(Буквально: Темнеет небосвод. Крутые / Раскаты грома. / Пустеет площадь Синьории. / Пора домой.)

Не меньший интерес представляет стихотворение «Одновременно появляются на свет...» («*Адначасна з'яўляюцца на свет...*», 1989), написанное в том же году. Его тема вечная – смерть. Однако, по мнению автора, исключение составляют избранные, наделенные особым даром поэты, своими творениями обеспечивающие себе бессмертие, место в вечности:

Адначасна з'яўляюцца на свет
І чалавек і яго смерць.
І толькі нямногім –
Гамеру, Дантэ, Шэкспіру,
Пушкіну...
Перажыць удалося
Сваю неадлучную сяброўку [Танк, 2008, т. 6, с. 192].

(Буквально: Одновременно появляются на свет / И человек и его смерть. / И только немногим – / Гомеру, Данте, Шекспиру, / Пушкину... / Пережить удалось / Свою неотлучную подругу.)

Не самого Данте, а его возлюбленную Беатриче, которую итальянский поэт воспел в «Новой жизни», «Божественной комедии» и других поэтических произведениях, встречает в «сонной Равенне» лирический герой стихотворения «И я чуть не поверил» («*І я ледзь не наверыў*»), 1992). В качестве эпиграфа к нему белорусский поэт взял заключительные строки из стихотворения «Встреча» польского поэта Яна Лехоня (1899–1956): «Есць толькі Беатрычэ, / Ды і яе няма ўжо» [Танк, 2008, т. 6, с. 246]. (Буквально: Есть только Беатриче, / Но и ее нет уже.) Поэтому, пожалуй, логично предположить, что произведение Танка появилось не без определенного посредничества. Но суть в ином: лирический герой наблюдает, как Беатриче возлагает цветы на гробницу поэта и повторяет строки его терцин. Произносимые ею стихи для автора – «спрадвечная малітва любві і смерці» [Танк, 2008, т. 6, с. 246] (буквально: извечная молитва любви и смерти); при осознании, что кончина ожидает всех. «Избранница лучезарная» исчезает так же внезапно, как и появилась, и герой даже не успевает задать важный для себя вопрос, на который, по его мнению, Беатриче способна ответить: «Ці есць надзея нам / Уратавацца з пекла?» [Танк, 2008, т. 6, с. 246] (Буквально: Есть ли надежда нам / Спаситься из ада?) Здесь речь ведется не только о возвышенной любви, но также о смерти и спасении души.

Чтобы найти дополнительные свидетельства творческой связи с Данте, обратимся к дневникам Максима Танка. И упоминаний о великом флорентийце находим в них немало. Одно из них касается встречи с калмыцким писателем М.В. Хониновым, который поведал ему о своей жизни, о том, «сколько ему довелось хлебнуть горя на фронте, в партизанах», что «был арестован и сослан в Сибирь вместе со всеми калмыками, как страдал в промерзшей землянке, а после смерти жены растил свою осиротевшую дочь» [Танк, 2010, т. 10, с. 124]. Подытоживая свои мысли и чувства после услышанного, М. Танк записал следующее: «Страшная судьба выпала на долю поэта и калмыцкого народа. Я смотрю на него как на человека, который после Данте прошел через все самые страшные круги ада» [Танк, 2010, т. 10, с. 124].

В декабре 1970 г., иронизируя над теми из коллег-писателей, кто развернул «борьбу за звания, ранги, должности», он использует цитату из эссе «Данте» (1929) Т.С. Элиота: «Неужели не знают, что давно “Данте и Шекспир поделили между собой мир и третьего нет”...» [Танк, 2010, т. 10, с. 200].

Авторитетом Данте подкрепляется М. Танк и в своей позиции по отношению к эмигрировавшим писателям, художникам и артистам: он считает, что их достижения являются достижениями родной культуры, ссылаясь при этом именно на Данте, который «говорил, что отечество поэт забирает с собой. У каждого поэта – оно свое» [Танк, 2010, т. 10, с. 497].

Читая «Архипелаг ГУЛАГ», в конце октября 1989 г. народный поэт Беларуси об этом произведении в своем дневнике высказался следующим образом: «Непосильную для человека провел работу Солженицын. Это второй случай после Данте, когда смертник вернулся из ада к живым, чтобы рассказать жуткую правду о временах сталинизма» [Танк, 2010, т. 10, с. 597].

Кстати, когда поэт В.М. Скоринкин в сентябре 1994 г. сообщил о завершении перевода на белорусский язык «Ада» Данте, М. Танк в дневниковой записи труд его оценил как «значительное событие в нашей литературе» [Танк, 2010, т. 10, с. 733].

В начале ноября того же года – за девять месяцев до упокоения – народный поэт Беларуси оказался во власти тягостных чувств – ему впереди виделась только «пустота и одиночество», и он «со страхом ждал зимы» [Танк, 2010, т. 10, с. 740]. К тому же он переживал и творческий кризис. Но при всем этом находил для себя отдушину, записывая в дневник вот что: «Теряю контакт с настоящей поэзией. Чувствую, что она – рядом, но где? Традиционные темы вытоптаны разными буйволами. Нужно подождать, пока уляжется пыль. Отвожу душу на песнях Данте» [Танк, 2010, т. 10, с. 740].

Выводы. Итак, мы попытались осветить рецепцию Данте Алигьери и его литературного наследия в творчестве М. Танка. Подытоживая сказанное, отметим, что из рассмотренного следует: белорусский поэт первым заговорил о необходимости перевода «Божественной комедии» на родной язык и считал, что это будет значительным событием для белорусской литературы. По его мнению, ценность и значение творений Данте Алигьери заключается в том, что флорентинец черпал материал для творчества из самой жизни, не боялся «соприкосновения с эпохой» и был чутким к насущным проблемам современного ему общества. М. Танк ценил итальянского поэта прежде всего как автора бессмертной поэмы, в которой непревзойденно описан ад и ужасные страдания грешников. Это подтверждают дневниковые записи и поэтические произведения, в том числе и сатирической направленности, написанные в разные периоды. Помимо этого, в стихотворении «Сонет» (1973) белорусский поэт отмечает, что в том числе благодаря усилиям флорентийского поэта в мировой литературе получила широкое распространение данная твердая стихотворная форма, которая по-прежнему остается жизнеспособной и пригодной для художественного исследования мира. Данте Алигьери представлен в произведениях белорусского писателя также как вкусивший горький хлеб изгнания, прошедший все круги ада и вернувшийся к живым человек, как гениальный художник слова, который своими творениями обеспечил себе бессмертие и место в вечности, но, к сожалению, не до конца осуществил все свои творческие замыслы. В последнем прижизненном поэтическом сборнике «Мой ковчег» (1994) имя гения итальянской литературы встречается в стихотворениях, посвященных темам смерти, бессмертия, спасения души и возвышенной любви. В частности, в стихотворении «И я чуть не поверил» (1992) М. Танк предлагает свою интерпретацию образа Беатриче, ставшего одним из вечных образов мировой литературы. Об особом отношении белорусского поэта к автору «Божественной комедии» и его литературному наследию, о высокой оценке творений флорентийца свидетельствуют дневниковые записи, в одной из которых М. Танк признается, что во время творческого кризиса «песни Данте» были лекарством для его души.

Библиографический список

1. Ад вежаў Ферары: з сучаснай італьянскай паэзіі / пер. з італ.; [уступны артыкул М. Танк]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. 206 с.
2. Арочка М.М. Максім Танк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. Мінск: Беларуская навука, 2001. Т. 3. С. 312–348.
3. Барычэўскі А. Тэорыя сонэту. Менск, 1927. 54 с.
4. Бугаеў Д. Паэзія Максіма Танка. Мінск: Навука і тэхніка, 1964. 159 с.
5. Гаспаров М.Л. Терцины // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. 1600 стб.
6. Калеснік У. Максім Танк: Нарыс жыцця і творчасці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. 189 с.
7. Танк М. Збор твораў: у 13 т. Мінск: Беларуская навука, 2006–2012.
8. Танк М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985–1986.

Сведения об авторе

Черота Владимир Иванович – кандидат филологических наук, докторант Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (Минск); e-mail: vladimir.charota@gmail.com

DANTEAN IMPULSES IN THE WORKS OF THE BELARUSIAN POET MAKSIM TANK

V.I. Charota (Minsk, Belarus)

Abstract

Statement of the problem. Maksim Tank (1912–1995) was one of the most knowledgeable about world literature Belarusian writers. Among the representatives of Italian literature, he singled out Dante Alighieri, as evidenced by numerous direct references and allusions in his poetry, articles, and diaries.

The purpose of this article is to analyze the motives of M. Tank's appeal in his works to the great Florentine poet and his literary heritage.

Research results and conclusions. The carried out study suggests that M. Tank valued Dante Alighieri primarily as the author of *The Divine Comedy*, where he masterfully described hell and the terrible suffering of sinners. In general, Dante is perceived by the Belarusian poet both as a person who tasted the bitter bread of exile, went through all the circles of hell and returned to the living, and also as a brilliant writer, who achieved immortality through his works. The creative impulses emanated by the genius of Italian literature are observed in Maksim Tank's last collection of poetry "Moy Kovcheg" ("My Ark", 1994). They determined the interpretation of the themes of death and immortality, the salvation of the soul and sublime love; in addition, he offers his own interpretation of the image of Beatrice, which became an eternal image in world literature.

Keywords: *Dante studies, Divine Comedy, Belarusian literature, poetry, creative impulses, allusion, sonnet, terza rima.*

References

1. From the towers of Ferrara: from modern Italian poetry / trans. from Italian; [introductory article by M. Tank]. Minsk: Mastackaja litaratura, 1974. 206 p.
2. Arochka M.M. Maksim Tank // History of Belarusian literature of the 20th century: in 4 vol. Minsk: Belaruskaja navuka, 2001. Vol. 3. P. 312–348.
3. Barychevski A. Theory of the sonnet. Minsk, 1927. 54 p.
4. Bugajow D. The poetry of Maksim Tank. Minsk: Navuka i technika, 1964. 159 p.
5. Gasparov M.L. Terza rima // Literary encyclopedia of terms and concepts / Ed. by A.N. Nikoliukin. Moscow, 2001. 1600 col.
6. Kalesnik U. Maksim Tank: An essay of life and creative work. Minsk: Mastackaja litaratura, 1981. 189 p.
7. Tank M. Collected works: in 13 vol. Minsk: Belaruskaja navuka, 2006–2012.
8. Tank M. Collected works: in 3 vol. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1985–1986.

About the author

Charota Vladimir Ivanovich – PhD (Philology), Doctoral Student, Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies, National Academy of Sciences of Belarus (Belarus); e-mail: vladimir.charota@gmail.com

УДК 81-25

ЯВЛЕНИЕ АГНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Ингул (Красноярск, Россия)

Постановка проблемы. В современной русской речи присутствует тенденция к чрезмерному употреблению англоязычной лексики в различных жизненных сферах: политике, экономике, СМИ, литературе, науке. В историческом контексте заимствования являются неотъемлемой частью естественного процесса развития и функционирования языка, но сегодня прослеживается ряд специфичных особенностей, которые обусловлены актуальными социально-политическими процессами и общемировой глобализацией. Большинство новейших иноязычных лексем еще не кодифицировано в русском языке наряду с активным в нем функционированием.

Цель статьи – выявить возможные закономерности употребления англицизмов в современном русском языке, установить степень агнонии в русском языковом сознании.

Материалы и методы. В качестве языкового материала рассматриваются англицизмы бытового уровня в современной русскоязычной коммуникации. В статье использовались общенаучные методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, а также эмпирические методы – опрос, анкетирование. В исследовании приняли участие 135 человек. Эксперимент производился посредством интернет-опроса, где реципиент указывал известные ему значения заимствованных лексем.

В результате мы выявили, что использование некодифицированных англицизмов на бытовом уровне не всегда обосновано, так как они имеют широкие синонимические ряды в русском языке; а семантика таких заимствований вариативна и диффузна. Посредством социолингвистического эксперимента (анкетирования) удастся установить общую степень агнонии заимствованных лексем среди различных возрастных групп, а также группы информантов, свободно общающихся на английском.

Ключевые слова: агнонимы, англицизмы, варваризмы, синонимия, заимствованная лексика, языковая экспансия, коммуникативные неудачи, интернет-дискурс, социолингвистический эксперимент.

П*остановка проблемы.* Экспансия англицизмов стала возможной вследствие массового смещения российских государственно-политических ориентиров в конце XX в. Данная тенденция четко прослеживается все последние 35 лет. Постперестроечная эпоха, привнесшая внезапную доступность некогда табуированной массовой западной культуры, многократно ускорила процесс распространения заимствований. В текущее время ситуация стремительно прогрессирует, повсеместно множится число англицизмов: «Английский язык занимает главенствующее положение в мире. Постоянно в русский язык проникают все новые английские заимствования. Можно с уверенностью сказать, что к началу XXI в. в русском языке уже насчитывается 10 % англицизмов» [Лихачева, 2017, с. 34].

Современная языковая ситуация характерна повсеместным употреблением англицизмов в речевых конструкциях, где семантика при их отсутствии не меняется. Таким образом, лексические заимствования становятся употребительными в сферах с широким понятийно-синонимическим спектром. Данные процессы приводят к тому, что коренные носители русского языка начинают изъясняться при помощи бытовой английской лексики: «Наличие в массовом обороте множества англицизмов способно привести к парадоксальному выводу: для полноценного восприятия современной русской речи необходимо хорошее знание англо-американского лексикона. Правда, официально, кажется, такая лингводидактика еще не декларируется в системе образования, однако довольно актуальна применительно к российской ситуации» [Васильев, 2022, с. 41]. Такие тенденции деформируют бытовой базовый пласт русского языка, неблагоприятно влияя на языковое сознание его коренных носителей, что вызывает разумную настороженность среди ряда российских лингвистов: «С одной стороны, появление новых слов расширяет словарный запас носителей русского языка, а с другой, в связи с употреблением огромного количества неоправданных заимствований, происходит засорение русского языка, утрачивается его самобытность и неповторимая красота» [Гинза, Горбунова, 2017, с. 307].

Повсеместное распространение интернета незамедлительно транслирует новые слова на все группы населения, транспонируя подобную лексику из разряда сленгизмов в общеупотребительный бытовой пласт русского языка. Таким образом, данные лексемы активно функционируют в лексиконе различных возрастных групп: «Многие англицизмы настолько прочно и активно вошли в современный интернет-дискурс, что обросли производными и стали особыми семантическими и функциональными символами нового времени» [Горбунова, 2010, с. 94].

Обзор научной литературы. Процессы функционирования лексических заимствований изучаются отечественными лингвистами уже с начала XX в. В современных реалиях данная тема получила еще более широкое и обоснованное распространение. Это обусловлено тем, что современное употребление иноязычных лексем выходит далеко за рамки конкретных жизненных сфер, инноваций, профессионализмов. Данные тенденции провоцируют долгосрочные негативные процессы в русском языке: «Количество англицизмов и американизмов (заимствований из английского языка) иногда поражает, а порой откровенно ставит в тупик неискушенного и неподготовленного слушателя. Многие считают такое положение вещей катастрофическим, называя это упадком культуры русского языка и полным отсутствием уважения к его уникальности, да и к самой русской культуре в целом» [Гинза, Горбунова, 2017, с. 305]. Во многом исследователи объясняют это восприятием заимствованного слова как более престижного, элитарного. В ответ на данные тенденции усиливается пристальное внимание лингвистов к социокультурному аспекту заимствований: «Получается также, что многие англицизмы обозначают нечто, для именованного чего якобы совершенно нет адекватных русских именованных. Это приводит к умалению

и даже отрицанию действительных ресурсов родного языка и сакрализации чужого (в данном случае – английского) [Васильев, 2022, с. 41].

Лингвистами производится классификация процессов, радикально ускоряющих негативные тенденции распространения англицизмов.

1. Активное функционирование англицизмов в сфере услуг: «Иноязычие в рекламном дискурсе, безусловно, является мощным экспрессивным средством, направленным на привлечение внимания потребителя. Однако эти языковые единицы расшатывают литературную норму русского языка, трансформируют языковые подсистемы» [Мигранова, 2015, с. 106].

2. Повсеместное распространение интернета как мощного стимула внедрения заимствований: «Всемирная паутина, социальные сети, международные связи, технологии, международный рынок, культурные мероприятия – все это оказывает сильное влияние на изменения, происходящие в русском языке» [Лихачева, 2017, с. 48]. При этом рассматривается как интернет-коммуникация, так и интернет-периодика: «Стремительно увеличивающееся количество новообразований от англицизмов в интернет-изданиях негативно влияет на речевую культуру молодого поколения» [Гуськова, 2017, с. 79]. С точки зрения вербальных процессов интернет автономен русскому языку: «Действительно, в современной лингвистике интернет-дискурс и электронную коммуникацию рассматривают с разных позиций: как форму общественного взаимодействия и реализации социальных ролей, как одну из форм речевого общения, а также как отдельную новую форму речи или как разновидность письменной речи» [Горбунова, 2010, с. 90].

Исследования в области новейших англицизмов не только выявляют лексическую избыточность, но и фиксируют существенные агнонимические процессы в современном русском языке: «Даже знающим английский язык, преподающим его, многие современные заимствования непонятны. Одни из-за русского написания, да еще в соответствии с искаженным произносительным вариантом и к тому же в несвойственном английскому языку значении» [Сиротина, 2015, с. 12].

Для фиксации уровня агнонимии среди англицизмов в русском языке нами использовался «Полный англо-русский, русско-английский словарь» В.К. Мюллера, с опорой на который устанавливаются исконные значения рассматриваемых лексем. Для определения синонимов русского языка нами применялся «Словарь синонимов ASIS» В.Н. Тришина.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили: разговорная городская речь (общеупотребительные бытовые англицизмы), массовая литература, российские эргонимы, публикации СМИ (заголовки с англицизмами), примеры интернет-коммуникации. В статье использовались общенаучные методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, а также эмпирические методы – опрос, анкетирование. Была проанализирована степень агнонимии рассмотренных в статье заимствований в результате анкетирования: «Агнонимия определяется в современной лингвистике как явление, когда для носителя языка какие-либо языковые единицы родного языка остаются незнакомыми или недостаточно освоенными» [Мандрикова, 2017, с. 42].

В исследовании мы обращаемся к следующим возрастным группам информантов.

1. Возрастная группа 16–25 лет – 45 человек.
2. Возрастная группа 26–39 лет – 33 человека.
3. Возрастная группа 40–50 лет – 20 человек.
4. Возрастная группа 50 лет и старше – 14 человек.
5. Группа лиц, свободно общающихся на английском языке, – 23 человека.

Всего нами было опрошено 135 человек. Эксперимент производился посредством интернет-опроса, где информант указывал известные ему значения заимствованных лексем.

Цель исследования – выявить возможные закономерности употребления англицизмов в современном русском языке, установить степень агнонии в русском языковом сознании.

Результаты исследования. Обращаясь к морфологическому аспекту заимствований следует отметить, что большая часть англицизмов – имена существительные. Эти англицизмы интегрируются в русский язык с возможной последующей грамматической ассимиляцией. Один из таких примеров – это прилагательное *рандóмный*. Данное слово образовано от английского существительного Random (англ. случайный). Примечательно, что англицизм Random в русском языке практически не используется и относится к категории сленгизмов. Приведем пример сленговой конструкции с ним (орфография сохранена): «Т.е. ответить на вопрос детерминирована вселенная или не детерминирована и есть ли в ней 'чистый рандом' – нельзя» (Б.а., 2015). Словосочетание *чистый рандом* употребляется в семантике – чистая случайность. В случае с образованным прилагательным мы наблюдаем ассимиляцию иноязычного слова по правилам грамматики принимающего языка: слово изменяется по родам, падежам и числам. В данном случае актуализируется способ суффиксации. К данному типу ассимиляции относятся прилагательные, которые были образованы от заимствованных существительных путем добавления следующих суффиксов: -ов, -ев, -ск, -н.

Англо-русский словарь Мюллера дает нам следующий перевод существительного, от которого образовано прилагательное:

Random. 1) наугáд, наобúм, наудáчу; 2) сдéланный или вýбранный наугáд, случáйный, беспоря́дочный; gandom bullet шальна́я пу́ля (Мюллер, 2013, с. 677).

В словаре синонимов В.Н. Тришина мы находим следующие упоминания: *рандомный, выборный, произвольный, случайный* (Тришин, 2013).

Основываясь на результатах анкетирования, можно выявить следующие характерные разговорные синонимы: *наобум, непреднамеренный, первый попавшийся, что-то наугад, любой, хаотичный, без определенной последовательности*.

Среди производных лексемы *рандом* фиксируются следующие.

Существительные

1. Рандом – происходит от английского слова random, что переводится как произвольный, случайный.

2. Рандомайзер – значение прогр. то же, что рандомизатор; программный алгоритм или устройство, генерирующее случайную последовательность (цифр, букв, нот, пикселей и т. п.): «В этот раз студенты работали в группах по 4–5 человек. Распределение происходило при помощи программы рандомайзера (random, org), чтобы студенты имели возможность поработать и наладить взаимодействие с учащимися из других групп» [Акчурина и др., 2020, с. 99].

3. Рандомизация – (randomization): случайное упорядочение объектов совокупности. Процедуру рандомизации можно представить следующим образом. Из совокупности, включающей n объектов (n натуральное число), изымают поочередно по одному.

Глаголы

1. Рандомизировать – организовывать последовательность или подбор событий таким образом, чтобы не возникало никакой определенной модели или системы.

Причастия

1. Рандомизированный – распределенный случайным образом.

Рассматриваемый нами англицизм не только употребляется в разговорной русскоязычной коммуникации, но и представлен в отечественной массовой литературе, например: «Проходил конкурс на знание английского языка: нужно было коротко рассказать о себе, подготовить номер и ответить на пару вопросов, которые задаст *рандомный* учитель» [Пятницына, 2021, с. 35].

Характерные случаи употребления демонстрируют нам заголовки печатных СМИ:

«VK Знакомства запускают *рандомный* чат – где собеседника подбирает алгоритм»¹.

Данная лексема широко представлена в рекламной сфере отечественного социального обихода:

«Следите за розыгрышами призов, всего их будет четыре: 10 и 31 октября, 21 ноября и 12 декабря 2022 года. В каждом из розыгрышей будут *рандомным* образом выбраны 20 участников акции»².

В современном социальном обиходе встречаются наименования услуг с данным прилагательным: «Экскурсия по городу „Рандомный Ярославль“ (в данном виде услуг подразумевается работа гида, неотъемлемым условием которой является случайный выбор экскурсионных мест)».

Примечательны отзывы клиентов на данный вид деятельности (орфография и пунктуация сохранены):

Людмила 18 сен 2022:

«Были на экскурсии 14.09.2022. Олег великолепный рассказчик, умеет интересно рассказать даже про лестницу). Нам очень понравилось. Необычно,

¹ Б.а. VK Знакомства запускают рандомный чат – где собеседника подбирает алгоритм // Комсомольская правда. 2022. 11 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470.5/4676168/> (дата обращения: 09.12.2022).

² Б.а. Собери осеннюю аптечку с Кагоцел! URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/spetsproekty/aktsiya-kagocel/> (дата обращения: 09.12.2022).

а главное *рандомно*))) Спасибо огромное за экскурсию от гостей из Москвы и Санкт-Петербурга!»³.

Далее нами приводятся результаты анкетирования, где выявляются разговорные синонимы к данному слову, а также устанавливается степень агнонимии прочно укрепившегося в отечественном социальном обиходе некодифицированного англицизма (табл. 1).

Таблица 1

Данные анкетирования, ответы на слово <i>рандóмный</i>	
Возрастная группа 16–25 лет (45 человек)	
Не знаю значения	2,2 %
Ошибочное значение	4,4 %
Правильная формулировка	53,3 %
Правильно установлена область значения	40 %
Суммарный процент агнонимии	6,6 %
26–39 лет (33 человека)	
Не знаю значения	6,1 %
Ошибочное значение	9,1 %
Правильная формулировка	75,8 %
Правильно установлена область значения	9,1 %
Суммарный процент агнонимии	15,2 %
40–50 лет (20 человек)	
Не знаю значения	20 %
Ошибочное значение	0 %
Правильная формулировка	70 %
Правильно установлена область значения	10 %
Суммарный процент агнонимии	20 %
Старше 50 лет (14 человек)	
Не знаю значения	57,1 %
Ошибочное значение	0 %
Правильная формулировка	42,9 %
Правильно установлена область значения	0 %
Суммарный процент агнонимии	57,1 %
Группа лиц, свободно общающихся на английском языке (23 человека)	
Не знаю значения	0 %
Ошибочное значение	0 %
Правильная формулировка	69,6 %
Правильно установлена область значения	30,4 %
Суммарный процент агнонимии	0 %
Суммарный процент агнонимии по всем категориям	14,8 %

³ Экстрагид. URL: <https://extraguide.ru/russia/yaroslavl/excursion-86921/> (дата обращения: 09.12.2022).

Описание полученных результатов анкетирования

1. Группа 1 – 16–25 лет (45 человек):

среди младшей возрастной группы (16–25 лет) не возникло трудностей с идентификацией значения данной лексемы:

1) не знаю значения: 2,2, % – 1 человек;

2) ошибочное значение: 4,4 % – 2 человека. Были выявлены следующие слова: *факт, выборочный*;

3) правильная формулировка: 53,3 % – 24 человека;

4) правильно установлена область значения: 40 % – 18 человек.

Данная категория фиксирует следующие корректные синонимы: *любой (12), хаотичный (1)*.

Перечисление значений (5): *выборочный-любой; любой-наобум; любой-непреднамеренный; первый попавшийся-любой; что-то наугад*.

2. Группа 2 – 26–39 лет (33 человека):

в данной возрастной группе ситуация смещается в сторону конкретики. Результаты показали, что чаще указывается точная формулировка, однако присутствуют ошибочные предположения значений:

1) не знаю значения: 6,1 % – 2 человека;

2) ошибочное значение: 9,1 % – 3 человека. Были выявлены следующие слова: *единичный, скучный, выборочный*;

3) правильная формулировка: 75,8 % – 25 человек;

4) правильно установлена область значения: 9,1 % – 3 человека.

Были выявлены следующие синонимы: *любой, хаотичный, без определенной последовательности*.

Результаты показали, что в большинстве данная группа указывает точное значение, попытки подобрать синоним не предпринимаются, однако присутствуют ошибочные предположения значений.

3. Группа 3 – 40–50 лет (20 человек):

в более старшей группе закономерно растет процент агнонии. Ошибочных значений не фиксируется, так как данная группа при сомнениях указывает: *не знаю*.

1) не знаю значения: 20 % – 4 человека;

2) ошибочное значение: 0% – 0 человек;

3) правильная формулировка: 70 % – 14 человек;

4) правильно установлена область значения: 10 % – 2 человека.

4. Группа 4 – старше 50 лет (14 человек):

в данном возрастном сегменте прослеживается модель: *знаю/не знаю*. Реципиент указывает правильное значение, либо отказывается отвечать на вопрос. Пропорционально возрасту возрастает процент агнонии:

1) не знаю значения: 57,1 % – 8 человек;

2) ошибочное значение: 0 % – 0 человек;

3) правильная формулировка: 42,9 % – 6 человек;

4) правильно установлена область значения: 0 % – 0 человек.

5. Группа 5 – группа лиц, свободно общающихся на английском языке (23 человека):

данная лексема полностью освоена в конкретном сегменте:

- 1) не знаю значения: 0 % – 0 человек;
- 2) ошибочное значение: 0 % – 0 человек;
- 3) правильная формулировка: 69,9 % – 16 человек;
- 4) правильно установлена область значения: 30,4 % – 7 человек.

Стандартный синоним: *любой*.

Суммарный процент агнонимии по всем категориям составил 14,8 %.

Вывод. Из полученных результатов следует, что данный англицизм практически полностью освоен в русском языковом сознании, при этом не зафиксирован ни в одном из словарей, кроме словаря синонимов. В возрастной категории старше пятидесяти лет агнонимия составила более 50 %. Прилагательное активно функционирует в российском социуме, стоит отметить, что подобные части речи еще не столь распространены в русской разговорной речи: «Второй из отмеченных типов словообразовательной активности – образование от англицизмов прилагательных суффиксальным способом – менее продуктивен. Число таких лексем, регулярно используемых в русскоязычном дискурсе, невелико (примерно 20 % от общего числа прилагательных, образованных от англицизмов суффиксальным способом)» [Гуськова, 2017, с. 79].

Рассмотрим еще один некодифицированный в русском языке англицизм – *кэжуал*. Данное слово используется в бытовой лексике русского языка и является тождественным понятию – «повседневный стиль одежды». Отметим, что случаи кодификации лексемы в академических и специализированных словарях отсутствуют.

Англо-русский словарь Мюллера предоставляет следующий перевод: Casual. 1) случайный, 2) непреднамеренный, 3) небрежный; 4) случайный, нерегулярный; worker временный рабочий (Мюллер, 2013, 148 с.).

Случаи полисемии у данного англицизма в русском языке не выявлены, в словарях синонимов он не фиксируется.

Синонимы в разговорном русском языке, выявленные при помощи анкетирования, демонстрируют следующие характерные варианты: *практичная мода, комфортный стиль, повседневный стиль*.

С точки зрения словообразовательных производных, фиксируется одно прилагательное *кэжуальный*, которое также функционирует в составе словосочетания. Примечательно, что его часто путают со словом *казуальный*, что обусловлено созвучностью паронимов.

Словосочетания

Кэжуальные бренды – компании, производящие повседневную одежду.

Прилагательные

Кэжуальный (прил. от кэжуал).

Примеры употребления в массовой литературе

1. «Хотите много бизнес-поездки – расширяйте капсулу делового *кэжуал*» [Афанасьева, 2019, с. 13].

Примеры заголовков СМИ

1. Жизнь в стиле «Casual». Советы на каждый день от Елены Бер⁴.

2. «Теремок» примеряет casual. Сеть готовится к смене формата⁵.

«Эту модель развития сеть уже три года применяет в Санкт-Петербурге. Сегмент общественного питания fast casual (заведения со свежей, быстро приготовленной едой, современной атмосферой и демократичным чеком)»⁶.

Примечательно, что большая часть примеров употребления данного слова в социальном обиходе фиксируется посредством латиницы, данная тенденция активно присутствует в коммерческой сфере, что делается из рекламных побуждений: «Для того чтобы привлечь внимание клиента, создатели рекламных текстов используют различные способы, в частности, употребляют разного рода иноязычные элементы. Смешение их вызывает не только интерес, но и обеспокоенность у лингвистов» [Мигранова, 2015, с. 106].

1. Салон красоты «Casual» – Все услуги премиум класса в нашем салоне красоты на ул. Байкальская. Специалисты работают только на качественных материалах. Для клиентов ежемесячно проходят выгодные акции на отдельные виды услуг.

2. Дизайн ногтей *CASUAL* маникюр в салоне красоты Vabor Троицк. – Уникальная методика, опытные мастера, безупречное качество работ. Повседневный маникюр в салоне красоты Vabor в Троицке. Мы ждем Вас!

3. Брюки в стиле Casual (имеются в виду повседневные брюки).

4. Для создания повседневных образов Дом моды HENDERSON рад предложить большой ассортимент брюк в стиле *casual*.

5. Блейзер в стиле смарт-кэжуал.

Обратимся к результатам анкетирования (табл. 2).

Таблица 2

Данные анкетирования, ответы на слово <i>кэжуал</i>	
Возрастная группа 16–25 лет (45 человек)	
Не знаю значения	28,9 %
Ошибочное значение	4,4 %
Правильная формулировка	33,3 %
Правильно установлена область значения	33,3 %
Суммарный процент агнонии	33,3 %
26–39 лет (33 человека)	
Не знаю значения	27,3 %
Ошибочное значение	3 %

⁴ Е. Бер. Жизнь в стиле «Casual» // Комсомольская правда. 2010. 22 октября. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/24579/750149/> (дата обращения: 09.12.2022).

⁵ Б.а. «Теремок» примеряет casual // Коммерсантъ. 2017. 23 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447248> (дата обращения: 09.12.2022).

⁶ Герашенко и др. «Теремок» примеряет casual // Коммерсантъ. 2017. 23 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447248> (дата обращения: 09.12.2022).

Окончание табл. 2

Правильная формулировка	24,2 %
Правильно установлена область значения	45,5 %
Суммарный процент агнонимии	30,3 %
40–50 лет (20 человек)	
Не знаю значения	30 %
Ошибочное значение	10 %
Правильная формулировка	20 %
Правильно установлена область значения	40 %
Суммарный процент агнонимии	40 %
Старше 50 лет (14 человек)	
Не знаю значения	57,1 %
Ошибочное значение	0 %
Правильная формулировка	14,3 %
Правильно установлена область значения	28,6 %
Суммарный процент агнонимии	57,1 %
Группа лиц, свободно общающихся на английском языке (23 человека)	
Не знаю значения	4,3 %
Ошибочное значение	4,3 %
Правильная формулировка	43,8 %
Правильно установлена область значения	56,5 %
Суммарный процент агнонимии	8,6 %
Суммарный процент агнонимии по всем категориям	25,9 %

Описание полученных результатов анкетирования

1. Группа 1 – 16–25 лет (45 человек):

1) не знаю значения: 28,9 % – 13 человек;

2) ошибочное значение: 4,4 % – 2 человека. Были выявлены следующие слова: *расслабленный, строгость*;

3) правильная формулировка: 33,33 % – 15 человек;

4) правильно установлена область значения: 15 человек. Были выявлены следующие синонимы: *джинсовый стиль, комфорт, мода, стиль, стиль в одежде, черта стиля*.

2. Группа 2 – 26–39 лет (33 человека):

1) не знаю значения: 27,3 % – 9 человек;

2) ошибочное значение: 3 % – 1 человек. Было выявлено слово *деньги*;

3) правильная формулировка: 24,2 % – 8 человек;

4) правильно установлена область значения: 45,5 % – 15 человек. Были выявлены следующие синонимы: *городской, городской стиль, обыденность, обычный, уличный, расслабленный стиль, стиль, стиль одежды, стиль удобной для жизни в городе одежды*. Примечательно, что только в данной возрастной группе встречается реакция *городской* – 7 человек (21 % от всей группы).

3. Группа 3 – 40–50 лет (20 человек):

1) не знаю значения: 30 % – 6 человек;

2) ошибочное значение: 10 % – 2 человека. Было выявлено слово *стильный*;

3) правильная формулировка: 20 % – 4 человека.

4) правильно установлена область значения: 40 % – 8 человек. Были выявлены следующие синонимы: *обычный, стиль в моде, удобный*.

4. Группа 4 – старше 50 лет (14 человек):

1) не знаю значения: 57,1 % – 8 человек;

2) ошибочное значение: 0 % – 0 человек;

3) правильная формулировка: 14,3 % – 2 человека;

4) правильно установлена область значения: 28,6 % – 4 человека. Был выявлен синоним: *стиль одежды*.

5. Группа 5 – группа лиц, свободно общающихся на английском языке (23 человека):

1) не знаю значения: 4,3 % – 1 человек;

2) ошибочное значение: 4,3 % – 1 человек. Было выявлено слово *сложный*;

3) правильная формулировка: 43,8 % – 8 человек;

4) правильно установлена область значения: 56,5 % – 13 человек. Были выявлены следующие синонимы: *базовый, обыкновенный, простой, не стремящийся к сложности, обычный, свободный, стиль, стиль одежды, удобный*.

Суммарный процент агнонии по всем категориям составил 28 %.

Вывод. Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что данный англицизм практически на треть не освоен информантами. Примечательно, что ошибочные значения указываются и в группе, свободно говорящей на английском языке. Анализируемое слово часто пишется на латинице, принимая таким образом свойства варваризма: «Языковая конъюнктура последних лет характеризуется повышенным интересом к заимствованиям из английского языка или неологизмам, “маскирующимся” под них варваризмам. Варваризмы как один из видов англицизмов стали характерным признаком качества, новизны, статуса товара» [Крылов, 2013, с. 84].

Заключение. Проведя анализ ряда заимствований, мы установили, что чрезмерное употребление англицизмов на бытовом уровне русского языка не является фактом их освоения коренными носителями русского языка. В ходе проведенного эксперимента нам удалось установить, что заимствованная лексика частично осмысливается разными возрастными группами информантов, что свидетельствует об агнонии у части носителей русского языка и провоцирует ряд коммуникативных неудач.

К числу возможных причин употребления англицизмов в современной русскоязычной коммуникации относятся:

1. Модные мировые тенденции на англицизмы.

2. Отсутствие понимания семантики заимствований.

3. Попытка самоидентификации индивида через акцентирование своей принадлежности западно ориентированному обществу.

4. Противопоставление языковому сознанию старшего поколения.

Анализ ситуаций употребления англоязычных заимствований выявляет случаи как оправданного, так и неоправданного их использования. Для нивелирования агнонимических процессов в языковом сознании россиян следует

контролировать использование англицизмов. Слова базового лексического пласта, имеющие в синонимическом гнезде существенное количество вариантов, не только активно замещаются англицизмами там, где на это нет никакой необходимости, но и при несвоевременной идентификации часто провоцируют явление языковой агнонии: «Это приводит к умалению и даже отрицанию действительных ресурсов родного языка и сакрализации чужого (в данном случае – английского)» [Васильев, 2022, с. 41].

Список словарей

1. Мюллер В.К. Полный англо-русский, русско-английский словарь: 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.
2. Тришин. В.Н. Словарь синонимов ASIS. 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/369435 (дата обращения: 09.12.2022).

Библиографический список

1. Акчурина А.Р., Кузнецова С.Ю., Фирсова С.Д. Межгрупповая внеаудиторная творческая проектная деятельность в рамках преподавания иностранного языка в вузе // Вестник Московского университета. Сер. 20: Педагогическое образование. 2020. № 4. С. 96–110.
2. Афанасьева С.А. Продавай как бог. Включить сумасшедшую конверсию. М.: Эксмо, 2019. 260 с.
3. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18), С. 40–50.
4. Гинза Д.И., Горбунова В.С. Английские заимствования в русском языке // Бюллетень науки и практики. 2017. № 4 (17). С. 304–307.
5. Горбунова И.Н. Функциональные особенности англицизмов в русском интернет-дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3 (11). С. 89–95.
6. Гуськова А.С. О словообразовательной активности современных англицизмов в русскоязычном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Ч. 23, № 1.1. С. 77–80.
7. Крылов Ю.В. Англицизмы в рекламной номинации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 83–85.
8. Лихачева Ж.В. О способах заимствования в современном русском языке на примере молодежного сленга // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 48–52.
9. Мандрикова Г.М. От орфографии к агнонии (к вопросу о причинах орфографических неудач) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 40–47.
10. Мигранова Л.Ш. Графико-орфографическое иноязычие в рекламных вывесках // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 106–108.
11. В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Астра семь, 1997. 415 с.
12. Пятницyna Ю.В. Азия в моем сердце. 88 историй о силе путешествий и людях, которые оставляют свой след в душе. М.: Бомбора, 2021. 192 с.
13. Сиротинина О.Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации. 2015. № 15. С. 4–23.

Сведения об авторе

Ингул Виктор Васильевич – ассистент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: takmak@mail.ru

THE PHENOMENON OF AGNONYMY IN MODERN RUSSIAN

V.V. Ingul (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In modern Russian speech, there is a tendency towards excessive use of English vocabulary in various spheres of life: politics, economics, media, literature, and science. In the historical context, borrowings are an integral part of the natural process of language development and functioning, but today there are a number of specific features that are caused by current socio-political processes and world globalization. Most of the newest foreign language lexemes have not yet been codified in the Russian language, along with their active functioning in it.

The purpose of the article is to identify possible patterns of the use of Anglicisms in the modern Russian language, to establish the degree of agnonymy in the Russian language consciousness.

Materials and methods. The anglicisms of the everyday level in modern Russian-language communication are considered as language material. The article engages general scientific research methods – descriptive and comparative ones, as well as empirical methods – survey, questionnaire. The total number of 135 people took part in the study. The experiment was carried out through an Internet survey, where recipients indicated the values of the borrowed tokens known to them.

As a result, we have found that the use of uncodified Anglicisms at the household level is not always justified, since they have wide synonymous series in the Russian language; and the semantics of such borrowings is variable and diffuse. Through a sociolinguistic experiment (questionnaire), it is possible to establish the general degree of agnonymy of borrowed lexemes among various age groups, as well as a group of informants who fluently communicate in English.

Keywords: *agnonyms, anglicisms, barbarisms, synonymy, borrowed vocabulary, linguistic expansion, communicative failures, Internet discourse, sociolinguistic experiment.*

Dictionaries

1. Muller V.K. Full English-Russian, Russian-English dictionary: 300 000 words and expressions. Moscow: Eksmo, 2013. 1328 p.
2. Trishin. V.N. Dictionary of synonyms ASIS. 2013 [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/369435 ((access date: 09.12.2022).

References

1. Akchurina A.R., Kuznetsova S.Yu., Firsova S.D. Intergroup extracurricular creative project activity within the framework of teaching a foreign language at a university // Bulletin of the Moscow University. Ser.: 20. Pedagogical Education. 2020. No. 4. P. 96–110.
2. Afanasyeva S.A. Sell like God. Enable crazy conversion. Moscow: Eksmo, 2019. 260 p.
3. Vasiliev A.D. The immodest charm of Anglicisms: the magnetism of dark words // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 40–50.
4. Ginza D.I., Gorbunova V.S. English borrowings in Russian // Bulletin of Science and Practice. 2017. No. 4 (17). P. 304–307.
5. Gorbunova I.N. Functional features of Anglicisms in Russian Internet discourse // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. 2010. No. 3 (11). P. 89–95.
6. Guskova A.S. On the word-formation activity of modern Anglicisms in Russian-language discourse // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2017. Part 23, No. 1.1. P. 77–80.
7. Krylov Yu.V. Anglicisms in the advertising nomination // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies. 2013. No. 1. P. 83–85.

8. Likhacheva Zh.V. On the methods of borrowing in modern Russian by the example of youth slang // Human Science: Humanitarian Studies. 2017. No. 4 (30). P. 48–52.
9. Mandrikova G.M. From spelling to agnomy (to the question of the causes of spelling failures) // Ecology of Language and Communicative Practice, 2017. No. 3. P. 40–47.
10. Migranova L.Sh. Graphic and orthographic foreign language in advertising signs // Philology and Culture. 2015. No. 4 (42). P. 106–108.
11. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russian agnonyms (words we don't know). Moscow: Astra seven, 1997. 415 p.
12. Pyatnitsyna Yu.V. Asia in my heart. 88 stories about the power of travel and people who leave their mark on the soul. Moscow: Bombora, 2021. 192 p.
13. Sirotinina O.B. “Waves” of changes in the functioning of the Russian language. Problems of Speech Communication. 2015. No. 15. P. 4–23.

About the author

Ingul Viktor Vasilyevich – Assistant, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: takmak@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova Anna Sergeevna – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2023. № 1 (22)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.02.23.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,4